

Г67

16888

№11

История
Государства
Российского
СПб., 1831

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ ХІ.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ ХІ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Изданіе въ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1831.

Г67

16888

н 11

ПЕЧАТНО

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУ-
НОВА.

Г. 1598 — 1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патриарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной Царское кѣпчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Прописенствія въ Сибирѣ. Гибель Кучома. Дѣла вѣтхней Полтавки. Судьба Шведскаго Приида, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Ливонію. Свошенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксєвіи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Присенствія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагеставѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла влупрессія. Жало-

Томъ XI.

1.

925 ¹¹/₆₇

ПЕЧАТНО
Гос. Публ. Библ. - Моск.
Библиотека

СВЕРЕНО
1886 г.

СВЕРЕНО

вапная грамоша Патріарху. Закопъ о крещянахъ. Писемныя домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію я къ иноплеменцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

Г. 1598. Мос-ква встрѣчасть Царя. Духовенство, Синклипъ и Чины Государственныя, съ хоругвями Церкви и ошечества, при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицанійхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще осмѣивъ его въ келміи. 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропустную, Борисъ вѣхалъ въ столицу: встрѣченный, предъ стѣнами деревянной крѣпости, всѣми гостями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ, и многими иными *дарили Царскили*¹, онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ Казнѣ. За гостями встрѣтили Царя Ювъ и все Духовенство; за Духовенствомъ Синклипъ и народъ. Въ храмъ Успенія оппѣвъ молебень, Патріархъ *вторично* благословилъ Бори-

са на Государство, осѣнивъ крестомъ Г. Живошворящаго Древа, и клиросы пѣли ^{1598.} многогласіе какъ Царю, такъ и всему Дому Государственному: Царицѣ Маріи Григоріевнѣ, юному сыну ихъ Θεодору и дочери Ксеніи. Тогда *здоровались* новому Монарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: »Славимъ Тебя, Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего моленія, услышалъ вопль и рыданіе Христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе, и даровалъ намъ Царя, коего мы денно и ношно просили у Тебя со слезами!«² Послѣ Лишургии Борисъ изъавилъ благодарности къ памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмъ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ² и Θεодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будущъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ³; постыпалъ Іова въ Обишени Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставиши Прини въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предни-

Г. савъ Думъ Болрской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлялъ дѣлами государственныхными.

При-
слага
Борис-
су.
Между шѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополиповъ, Петра и Іоны⁴: клялися не измѣняль Царю ни дѣломъ, ни словомъ; не умышляль на жизнь или здравіе Державнаго, не вредиль ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ⁵; не думаль о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣль съ ними тайныхъ сношеній, ни переписки; доносиль о всякихъ *скопахъ* и *заговорахъ*, безъ жалости къ друзьямъ и ближнимъ въ семъ случаѣ; не уходиль въ инья земли, въ Липву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ шого Болре, чиновники Думные и Посольскіе обязывались быль скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхыхъ, суди не кривиль душею въ плябахъ, Казначей не корыстовацься Царскимъ доспояніемъ, Дьяки не лихоимствоваць. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи Госу-

даря, велѣли чипаць ихъ всенародно, Г. при дни звониль въ колокола, и мо-^{1598.} лильсь въ храмахъ *сперва* о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, а *посль* о Державномъ ея братѣ, семействѣ его, Болрахъ и воинствѣ Патриархъ (9 Марта) Соборомъ успавиль поржеспвенно просиль Бога, да сподобиль Царя благословеннаго возложиль на себя вѣнецъ и порфирю; успавиль еще на вѣки вѣковъ праздноваць въ Россіи 21 Февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думъ Земской утвердиль данную Монарху прися-^{Собор-}гу Соборною Грамотою, съ обязатель-^{ная} ствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклони-^{грамот-} лись ни опъ какой службы, не требоваць ничего свыше достоинства родовъ или заслуги⁶, всегда и во всемъ слушацься *указа Царскаго и приговора Болрскаго*, чшобы *въ дѣлахъ Розрлдныхъ и Земскихъ не доводитъ Государя до кругины*. Всѣ Члены Великой Думы опвѣществовали единогласно: «даемъ обѣць положиць свои души и головы за Царя, Царицу и дѣпней ихъ!» Велѣли писаль харпцію, въ такомъ смыслѣ, первымъ грамотѣямъ Россіи.

Сіе дѣло чрезвычайное не мѣшало печенію обыкновенныхъ дѣлъ государ-

Г. 1598. Дья-пель-постъ Бори-сова. спвенныхъ, коими занимался Борисъ съ опмѣнною ревностію, и въ келліяхъ монашества и въ Думѣ, часто прїѣзжая въ Москву. Не знали, когда онъ находилъ время для успокоенія, для сна и прелезы: безпрестанно: видѣли его въ совѣтѣ съ Болрами и съ Дьяками, или подлѣ несчастной Ирины, упѣшающаго и скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что Ирина дѣйствительно имѣла нужду въ присутствіи единственнаго челоука, еще милаго ея сердцу: сраженная кончиною супруга, искренно и нѣжно любимаго ею, она посковала и плакала неупѣшно до изнуренія силъ, очевидно угасая и нося уже смерть въ груди, исперзанной рыданіями. Священники, Вельможи щепенно убѣждали Царя оставить печальную для него Обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ Кремлевскіе палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ: Борисъ отвѣщивалъ: »не могу разлучиться съ Великою Государынею, моею »сесипрою злосчастною« — и даже снова, неупомимый въ лицемѣрін, увѣрялъ, что не желаетъ быть Царемъ⁸. Но Ирина вторично велѣла ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовашъ не въ келліи, а на престолѣ

Мономаховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, по- Г. 1598. двинулась столица во срѣшеніе Государю!

Сей день принадлежилъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Торжественнѣйшимъ днемъ Россіи въ ея Исторіи. Въ часъ утра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклишь, Дворъ, Приказы, воинство, все граждане ждали Царя у каменнаго мосту, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣщивалъ всѣхъ, и знаемыхъ и незнаемыхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелию искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красою. Слыша восклицанія народа: »Вы наши Государи, мы »ваши подданные«, Феодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ опцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; шакъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранно шѣсенный безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ

Г. добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Папріархъ возложилъ ему на грудь Живошворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣнчанія), и въ *третій разъ* благословилъ его на Великое Государство Московское. Опслушавъ Липургию, новый Самодержецъ, провождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наследника, а другою ведя прелестную Ксенію⁹, вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа гостей, но всѣ были званые, опъ Папріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Иоанново время. — Борисъ не хотѣлъ жить въ комнацахъ, гдѣ скончался Феодоръ: занялъ шу часишь Кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина, и велѣлъ приспороить къ нимъ для себя новый дворець деревянный.

Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скинпра; еще не могъ назваться *Царемъ Богостыганымъ, Помазанникомъ Господнимъ*. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя въ-

1598. нецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освящаютъ лице Властителя: сего преобладали Папріархъ и Синклипъ именемъ Россіи; сего безъ сомнѣнія хотѣлъ и Борисъ, чпобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолю за собою и своимъ родомъ: но хитрымъ умомъ властвуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ новое очарованіе; вмѣсто скинпра взялъ мечъ въ десницу и спѣшилъ въ поле, доказавъ, что безопасность опечесства ему дороже и короны и жизни. Такъ царствованіе самое миролюбивое началось ополченіемъ, которое приводило на память возстаніе Россіянъ для битвы съ Мамаемъ!

Еще въ Мартъ мѣсяцъ, изъ келліи Новодѣвичьяго монастыря, опправивъ гонца къ Хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Воеводы Оскольского¹⁰, что плѣнникъ, взяшій Козаками за Донцемъ въ шибокъ съ полною Крымскихъ разбойниковъ, говоритъ о намѣреніи Казы-Гирей вступити въ предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами Султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ споль мало досповѣрнаго из-

Знаменитое ополченіе.

Г. вѣспія, и рѣшилъ, не перяя времени, двинувъ всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писалъ о томъ къ Воеводамъ убѣдительно и ласково, пребывая опъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствования, въ доказательство любви къ нему и къ Россіи. Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ Дѣти Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно сажались на коней; городскія и сельскія дружины безъ опдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному спаву назначили бытъ въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Коширѣ, Передовому Полку въ Калугѣ, Спорожевому въ Коломнѣ¹¹. — 20 Апрѣля пришли новыя вѣспи: писали изъ Бѣлагограда, что Ташаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хоша и малочисленныя, показались въ степяхъ и гоняпъ вездѣ нашихъ спражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изгоповиць для похода *Царскаго*, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго и сына Кайбулина, Болръ, Кня-

зей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, — многихъ знапныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго, — Печатника Василья Щелкалова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Спольшника, 20 Стряпчихъ, 274 Жильца — однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны и для совѣща и для нышности Дворской. Въ Москвѣ оспался, при Царицахъ Инокій Александръ и Маріи, юный Феодоръ съ Боярами Дмириемъ Ивановичемъ Годуновымъ, Князьми Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкасскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Феодорѣ дядька Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады: назначили Воеводъ для защиты спѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и биствъ внѣ укрѣпленій. — 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили Царю двухъ плѣнниковъ, Лишовскаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣрили, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идепъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцевъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей съ *милостивымъ словомъ*: въ Тулу, Осколь, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было *спросить о здравіи* какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ,

Г. Сопникоѣ, Дѣтей Болрскихъ, Спрѣльцевъ и Козаковъ; вручивъ грамоты Царскія первымъ, и пребыравъ, чпобы они читали ихъ всенародно. »Я спюю на берегу Оки (писаль Борисъ) и смюпрю »на спени: гдѣ лявшася непріятели, памъ »и меня увидипса¹². Въ Серпуховъ онъ распорядилъ Воеводство, давъ почетное Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ значнѣйшимъ: въ главной рапи Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василию Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ Полку Дмитрію Шуйскому, въ Спорожевомъ Тимоѣю Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ случаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ¹³, и послалъ шуда особенныхъ Воеводъ съ Мордовою и Спрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рапу на Окѣ, чпобы нѣмъ болѣе вредитъ непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чго не видали дошолъ: *полмилліона войска*, какъ увѣряють¹⁴, въ движеніи спройномъ, быспромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною.

Все дѣйствовало сильно на воображеніе Г. людей: и новостъ царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ бытъ, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Разрядными Книгами о службѣ опцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, чпо Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мести*¹⁵. Сія ревностъ, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворле, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для рапнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смюпрѣлъ полки и дружины, привѣщствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощаль обѣдами, и всякой разъ не менѣ десяти тысячъ людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шапрами¹⁶. Сія истинно Царскія угощенія продолжались шестъ недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды на-

Г. ши уже не встрѣчали его; пишина цар-
 1598. спвовала на берегахъ Дона, и спражи,
 нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша
 конскаго попопа, дремали въ безмолвіи
 степей. Ложные ли слухи обманули Бо-
 риса, или онъ припворнымъ легковѣріемъ
 обманулъ Россію, чшобы явишь себя Ца-
 ремъ не только Москвы, но и всего во-
 инства, воспламенишь любовь его къ но-
 вому Самодержцу, въ годину опасности
 предпочитающему бранный шлемъ вѣн-
 цу Мономахову, и пѣмъ удвоить блескъ
 своего шоржеспвеннаго воцаренія? Хиш-
 ростъ достойная Бориса, и едва ли со-
 мнипельная. — Вмѣсто шучи враговъ, яви-
 лись въ южныхъ предѣлахъ Россіи мир-
 ные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гон-
 цемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли
 о томъ Борису, которій наградила вѣ-
 стника деньгами и чиномъ¹⁷.

Слѣдственно ополченіе безиримѣрное,
 сповѣвъ великаго иждивенія и пруда, ока-
 залось напраснымъ? Увѣряли, чшо оно
 спасло Государство, поразивъ Хаа ужа-
 сомъ; чшо Крымцы шли дѣйствительна,
 но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали на-
 задъ. По крайней мѣрѣ Царь хопѣлъ вис-
 чапѣльнѣ ужасъ въ Пословъ Ханскихъ,
 изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей:

они вѣхали въ Россію какъ въ спанъ Г.
 воинскій; видѣли на пупи блескъ мечей 1598.
 и копій, многолюдныя дружины всадни-
 ковъ, красиво одѣшыхъ, исправно воору-
 женныхъ¹⁸; въ лѣсахъ, въ застѣкахъ слы-
 шали оклики и пальбу. Ихъ оспановили
 близъ Серпухова, въ семи верспахъ опѣ
 Царскихъ шапровъ, на лугахъ Оки, гдѣ
 уже нѣсколько дней сходилась рать опю-
 всюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта
 загремѣло спо пушекъ, и первые лучи
 солнца освѣпили войско несмѣшное¹⁹, го-
 повое къ бипѣвъ. Велѣли Крымцамъ, изу-
 мленнымъ сею ужасною спрѣльбою и
 симъ зрѣлищемъ грознымъ, ишпи къ
 Царю, сквозь шѣсныя ряды пѣхопы, вда-
 ли окруженной густыми толпами кон-
 ницы. Введенные въ шаперъ Царскій,
 гдѣ все блиспало оружіемъ и великолѣ-
 піемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣн-
 чанный зланымъ шлемомъ, первенспво-
 валъ въ совмѣ Царевичей и Князей не
 сполько богатствомъ одежды, сколько
 видомъ повелипельнымъ — Алей Мурза и
 товарищи его долго безмолвспвовали, не
 находя словъ опѣ удивленія и замѣша-
 пельспва; наконецъ сказали, чшо Казы-
 Гирей желаспъ вѣчнаго союза съ Россію,
 возобновляя договоръ, заключенный въ

Г. 1598. *Г. Теодорово царствованіе: будетъ въ волю* Борисовой и готовъ со всею Ордою ипши на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Уго-
щеніе
вой-
ска.

Въ сей же день Св. Петра и Павла Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ²⁰: 500,000 го-спей пиривало на лугахъ Оки; яства, медь и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархапами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было: «люблю воинство Христіанское и надѣюсь на его вѣрность.» Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя споль мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ опечеству вождѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: ипшину, безопасность и честь! Россіане надѣялись, говорятъ Лѣтописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осшалась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Липовской и Шведской; большую часть распустили:

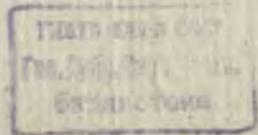
но всѣ знатнѣйшіе чиновники спѣшили Г. 1598. въ слѣдъ за Государемъ въ столицу.

Тамъ новое поржество ожидало Бориса: вся Москва встрѣпила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Папріархъ въ привѣтственней рѣчи сказалъ ему: «Богомъ избранный, Богомъ возлюбленный, Великій Самодержецъ! мы видимъ славу твою: ты благодарить «Всевышняго! Благодаримъ Его вмѣстѣ съ побою; но радуйся же и веселися съ нами, совершивъ подвигъ безсмертный!» Государство, жизнь и достояніе людей твои; а люпый врагъ, преклонивъ колѣна, молишь о мирѣ! Ты не скрывать, но умножилъ таланты свои въ семь случаевъ удивительномъ, ознаменованномъ болѣе, нежели челоѣческой мудроспюю. . . Здравствуй о Господѣ, Царь любезный Небу и народу! Отъ радости плачемъ, и тебѣ кланяемся»²¹. Папріархъ, Духовенство и народъ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смиреніе, Государь спѣшилъ въ храмъ Успенія, славословить Всевышняго, и въ монастырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ. Всѣ дома были украшены зеленью и цвѣтами.

Но Борисъ еще опложилъ свое Цар-

1*

925/17
67

Г. 1598. ское вѣнчаніе до 1 Сентября, чѣобы со-
вершишь сей важный обрядъ въ Новое
Лѣто, въ день общаго доброжелательства
и надеждъ, лесныхъ для сердца. Между
тѣмъ грамота избирательная была напи-
сана ошъ имени Земской Думы, съ па-
кимъ прибавленіемъ: »Всѣмъ ослушни-
камъ Царской воли неблагословеніе и
«клятва ошъ Церкви»², мечь и казнь
«ошъ Сянклинца и Государства; клятва
«и казнь всякому мяшежнику, *раскольни-*
ку лобопрительному, копорый дерзнетъ
«прошиворѣчить дѣянію Соборному и
«колебашъ умы людей молвами злыми,
«кто бы онъ ни былъ, Священнаго ли
«сана или Боярскаго, Думнаго или воин-
«скаго, гражданинъ или Вельможа: да по-
«гибнетъ и память его вовѣки!» Сію гра-
моту ушвердили, 1 Августа, своими под-
писями и печатями Борисъ и юный Тео-
доръ, Іовъ, всѣ Свѣшители, Архиманд-
ришы, Игумены, Протопопы, Келари,
Спарцы чиновные, — Бояре, Окольничіе,
знашныя сановники Двора, Печаникъ
Василій Щелкамовъ, Думные Дворяне и
Дѣяки, Стольники, Дѣяки Приказовъ,
Дворяне, Спряпчіе и Выборные изъ го-
родовъ, Жильцы, Дѣяки нижней степени,
госпи, Сошскіе, числомъ около пяти

При-
бавле-
ніе къ
грамо-
тѣ изъ
биро-
тель-
ной.

сопъ: одинъ списокъ ея былъ положенъ
въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали
государственныя Уставы прежнихъ Вѣн-
ценосцевъ, а другій въ Папріаршую риз-
ницу, въ храмъ Успенія. — Казалось,
чѣмо мудрость чловѣческая сдѣлала
все возможное для твердаго союза ме-
жду Государемъ и Государствомъ!

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Цар-
ство, еще пышнѣе и торжественнѣе Тео-
дора, ибо пріятъ ушварь Мономахову
изъ рукъ Вселенскаго Папріарха. Народъ
благословлялъ въ безмолвіи; но когда Царь,
осѣненный десницею Первосвѣшителя, въ
порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ
успавъ церковный, среди Литургіи воз-
звалъ громогласно²³: » Отче, Великій Па-
«пріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, чѣмо
«въ моемъ Царствѣ не будешь ни сираго,
«ни бѣднаго « — и прися верхъ своей ру-
банки, примолвилъ: » ошдамъ и сію по-
«сѣднюю народу: « погда единодушный
воспоргъ прервалъ священнодѣйствіе:
слышны были только клики умиленія и
благодарности въ храмъ; Бояре славосло-
вили Монарха, народъ плакалъ. Увѣря-
ютъ, чѣмо новый Вѣнценосецъ, пропу-
тый знаками общей къ нему любви, по-
гда же произнесъ и другій важный обрядъ:

Г.
1598.

Цар-
ское
вѣнча-
ніе.

Г. 1598. щадить жизнь и кровь самых преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскія²⁴. Однимъ словомъ, никакое Царское вънчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. — Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мепиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ спѣшилъ въ Царскую палату, занявъ мѣсто Варяжскихъ Князей на пронтъ Россіи, чинобы милосидами, щедротами и государственнымъ благодареніями праздновать сей день великій.

Начался съ Двора и Синклипа: Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Новый Царь Каси. Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе²⁵; Дмипрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто добраго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода²⁶, и въ пайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкаскаго, Трубецкаго, Ногошкова и Александра Романова-Юрьева въ Болре; Михайла Романова, Бѣльскаго (любимца Иоаннова и своего бывшего друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Иоаннова) и чепырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе;

многихъ въ Спольшники и въ иные чины. Г. 1598. Всѣмъ людямъ служивымъ, войскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье²⁷, госпнямъ Московскимъ и другимъ торговать безошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милоспямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: успавилъ, сколько имъ работать и плачивать господамъ законно и безобидно²⁸. — Обнарудовавъ съ престолоа сіи Царскія благодаренія, Борисъ двѣнадцатіи дней угощалъ народъ пирами.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вождѣльнымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ бипвѣ маловажной числомъ воинствъ, Пронно достопамятной своими обспояпельспвами и слѣдспвіями, мѣстомъ побѣвъ Спиды, на краю свѣпа, и лицемъ побѣжденнаго. Мы оспавили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской²⁹, непреклоннаго къ милоспивымъ предложеніямъ Феодоровымъ, неупомимаго въ набѣгахъ на опіяптыя у него земли, и все еще для насъ опаснаго. Воевода

Г. Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ 1598. (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Липовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болошами, гнѣздилися Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему Князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ⁵⁰. Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илиписъ и Канъ Царевичи, 6 Килзей, 10 Муртъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нацихъ, которые около вечера выпѣснили Ташаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе спа и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неоспорожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Килзей и не мало богатства оспались въ рукахъ побѣдителя. Не зналъ о судьбѣ Кучюма, и думалъ, что онъ, подобно

Ермаку, упонулъ въ глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо иппи далѣе: 1598. сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знашными своими плѣнниками возврапился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чапскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно дожить въкъ благодѣяніями Государя великодушнаго. Сеипъ, именовъ Туль-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Ташаръ, на берегу Оби: слѣпый старецъ, неодолимый бѣдспвіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами; выслушалъ рѣчь Сеипову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: »Я не поѣхалъ къ нему и въ лучшее время, доброю волею, ицѣлый и богатый: теперь поѣду ли за »смертню? Я слѣпъ и глухъ, бѣденъ и »сиръ. Жалѣю не о богатствѣ, но польско о миломъ сынѣ Асманакъ, взяпомъ »Россіянами: съ нимъ однимъ, безъ Цар-

Г. 1598. »спва и богатства, безъ жель и другихъ
 »слновей, я могъ бы еще жить на свѣ-
 »пцѣ. Теперь посылаю оспальныхъ дѣпей
 »въ Бухарію, а самъ ѣду къ Ногаямъ«³¹. Онъ
 не имѣлъ ни теплой одежды, никоней, и про-
 силъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ
 подданныхъ, жителей Чапской волости,
 которые уже обѣщались бытъ данниками
 Россіи: они прислали ему одного копя и шу-
 бу. Кучюмъ возвратился на мѣсто биш-
 вы, и тамъ, въ присутствіи Сеипа, зани-
 мался два дни погребеніемъ мерпвыхъ
 шѣлъ; въ претій день сѣлъ на коня —
 и скрылся для Испоріи. Остались толь-
 ко невѣрныя слухи о бѣдспивенной его кон-
 чинѣ: пишутъ, что онъ, скипаясь въ
 степяхъ Верхняго Ирпыша, въ землѣ
 Калмыцкой, и близъ озера Заисанъ-Нора
 похививъ нѣсколько лошадей, былъ го-
 нимъ жипелами изъ пустыни въ пусты-
 ню, разбилъ на берегу озера Кургальчи-
 на, и почти одинъ явился въ Улусъ Но-
 гаевъ, которые безжалоспно умершвили
 слѣпаго старца изгнанника, сказавъ:
 Гибель Кучю-
 мл. »Опець пвой насъ грабилъ; а шы не лу-
 »чше опца«³². Вѣсть о семъ происше-
 спвіи обрадовала Москву и Россію: Бо-
 рись съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ
 ночью въ монастырь къ Принѣ, любя

дѣлишь съ нею всѣ чистыя удовольствія Г.
 Державнаго сана³³. Испребленіе Кучюма, 1598.
 перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго,
 если не могуществомъ, то непреклонною
 пвердоспїю въ злосчастіи доспопамяп-
 наго, какъ бы запечашлѣо для насъ го-
 сподство надъ полуночною Азією. Въ
 столицѣ и во всѣхъ городахъ снова празд-
 новали завоеваніе сего неизмѣримаго края,
 звономъ колокольнымъ и молебнами. Воей-
 кова наградили золопою медалью, а его
 сподвижниковъ деньгами; велѣли привез-
 ши знапныхъ плѣнниковъ въ Москву и
 дали народу удовольствіе видѣшь ихъ Г.
 шоржеспивенный вѣздъ (въ Генварѣ 1599). 1599.
 Жены, дочери, невѣстки и сыновья Ку-
 чюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, оп-
 рокъ Бабадша, младенцы Кумушь и Мол-
 ла) ѣхали въ богатыхъ *рѣзныхъ* саняхъ:
 Царицы и Царевны въ шубахъ бархат-
 ныхъ, апласныхъ и камчатныхъ, укра-
 шенныхъ золопомъ и кружевомъ; Царе-
 вичи въ фerezяхъ багрныхъ, на мѣхахъ
 драгодѣнныхъ; впереди и за ними мно-
 жеспво всадниковъ, Дѣпей Боярскихъ,
 по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ соболь-
 ихъ, съ пищалами. Улицы были напол-
 нены зрипелами, Россіянами и чужезем-
 цами³⁴. Царицъ и Царевичей размѣспи-
 Голь XI
 2

Г. ли въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и 1599. Дворянскихъ; давали имъ содержаніе приспоечное, но весьма умѣренное; наконецъ оппустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маменкулу, согласно съ желаніемъ шѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ Абдуль-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ погда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, шропшивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и спрахомъ или выгодами мирной, дѣлательной власпи умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхшурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Г. 1598 —604. Томска въ 1604 годах³⁵; населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Липовскими или Малороссійскими, и самыхъ коренныхъ жителей Сибирскихъ упошребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготною и честною, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единомысленцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь,

по государственный умъ Борисовъ на- Г. 1598 —604. дежно и прочно вмѣстилъ ее въ сославъ Россіи.

Въ дѣлахъ внѣшней Полипики Рос- Дѣла внѣшней Полипики. сійской ничто не перемѣнилось: ни духъ ея, ни виды. Мы всадъ хопѣли мира или приобрѣщеній безъ войны, гоповаясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству шѣхъ, коихъ польза была несовмѣстна съ нашею, и не упускали случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣрля Россію въ своей дружбѣ, опкладывалъ поржеспивенное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между шѣмъ Донскіе Козаки перевозили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую область³⁶. Наконецъ, въ Іюнь 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шерпиную грамоту со всѣми поржеспивенными обрядами, но еще хопѣлъ придцати тысячъ рублей и жаловался, что Россіяне спѣсняюпъ Ханскіе Улусы основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, копорья были дополъ привольемъ Тапарскимъ. »Не видимъ ли« (говорилъ онъ) »вашего умысла, споль недружелюбнаго?

Г. 1598
— 604.

»Вы хопише задушиши насъ въ оградѣ.
»А я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ
»живеетъ мыслию ипши войною на Рос-
»сію, но слышишь опгь меня всегда од-
»но слово: *далеко! тамъ пустыни, лѣса*
»*воды, болота, грязи непроходимыя.*» Царь
опвѣспововаль, что казна его испощи-
лась опгь милоспей, оказанныхъ войску
и народу; что крѣпости основаны един-
спвенно для безопасности нашихъ По-
сольствъ къ Хану и для обузданія хищ-
ныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя
рапъ сильную, не боимся Султановой.
Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Чели-
бей, присланный къ Царю съ союзною
грамотою, пребоваль опгь него кляпвы
въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ усло-
вій: Борисъ взялъ въ руки *книгу* (безъ
сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: «обѣ-
»щаю искреннее дружество Казы Гирею:
»вопгь моя *большая присяга*;» не хопѣль
ни цѣловать креста, ни показать сей
книги Челибею, коего увѣрили, что Го-
сударь Россійскій изъ особенной любви
къ Хану изустно произнесъ священное
обязательство союза, и что договоры
съ иными Вѣнценосцами утверждаются
поплько Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ,
вопреки древнему обыкновенію, уклонил-

1598
— 04.

ся опгь бесполезнаго униженія свлпшны Г.
въ дѣлахъ съ варварами, уважающими
одну корысть и силу; чеспиль Ханъ
умѣренными дарами, а всего болѣе надѣ-
лся на войско, гошовое для защипы
юговоспочныхъ предѣловъ Россіи, и сохра-
нилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя
досады, однакожь безъ всякихъ непрія-
тельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Ка-
зы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Таври-
ды новаго Посла Государева, Князя Боря-
тинскаго, за то, что онъ не хопѣль
удержать Донскихъ Козаковъ опгь впа-
денія въ Карасанскій Улусъ, опвѣспствуя
грубо: «у васъ еспть сабля; а мое дѣло
»носитъя поплько съ Ханомъ, не съ во-
»рами Козаками.» Но сей случай не про-
извелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ
угрозъ, и подтвердилъ обязательство
умереть нашимъ другомъ, опасаясь по-
гда Султана и думая найши защипника
въ Борисъ.

Въ дѣлахъ съ Липвою и съ Швеціею
Борисъ также спарался возвысить до-
спюинство Россіи, пользуясь случасмъ и
временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Ко-
роль Швеціи, уже воевалъ съ ея Прави-
пелемъ, дядею своимъ Герцогомъ Кар-
ломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пацовъ

Г. къ участию въ семь междоусобіи, уступивъ ихъ опечеству Эспонию. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Ливва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россією: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древній Орденскія владѣнія, о коихъ сполько жалѣлъ Іоаннь, жалѣла и Россія, купивъ оныя долговременными, кровавыми прудами и за ничто отдавъ власполюбивымъ иноземцамъ.

Судьба Мы упоминали о сынѣ Шведскаго
 Прун Короля Эрика, изгнанникъ Густавъ³⁷.
 на Швед- Скипаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ
 скаго, нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ
 Густа- жалованьемъ брапа своего, Сигизмунда,
 ва, въ Россіи и рѣшился (въ 1599 году) искать счастья въ нашемъ опечествѣ, куда звали его и Феодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и значное помѣстье или Удѣль. На границѣ, въ Новѣгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами³⁸; одѣли въ золото и въ бархатъ; ввели въ Москву на богачой колесницѣ; предшавили Государю въ са-

момъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Феодора,^{Г. 1598} — 604. Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянской языкъ); съѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоценныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣль Калужскій, при города съ волоспями, для дохода³⁹. Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человекомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства: душевное благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химіи, такъ что заслужилъ имя впрочемъ Феофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіянскій, Нѣмецкій, Французскій⁴⁰; много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе Политики, какъ впрочемъ Магнуса, желая имѣть въ немъ спрашилище для Сигизмунда и Карла; обольстил Густава надеждою быть Властишелемъ Ливоніи съ

Г. помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чѣобы оболъстивъ и Ливонію. 1598
—604. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь гореспной для нихъ, лишенныхъ опечесива и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чѣобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотяшъ: въ Ригу, въ Липву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печапнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чѣобы они пѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ ней своихъ единокотцевъ⁴¹. Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, ушѣняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ, чѣо если хотяшъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасающія мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Липвы и сдѣлашъся *Папистами или Лезуитами*: то щипшъ Россіи надъ ними, а мечъ ея надъ ихъ

ушѣнятелями; чѣо сильнѣйтій изъ Вѣноценосцевъ, равно славный и мудростію Г. 1598
—604. и челоувѣколюбіемъ, желаетъ бышъ опцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и ждепъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, коиорыя будутъ ушверждены присягою Бояръ; чѣо свобода, законы и Вѣра оспанупся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію⁴². Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласивъ въ Ливоніи, чѣо Гуспавъ, споль милостиво приняпый Царемъ, немедленно вступишъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наследственнаго Державца, но съ обизанностію Россійскаго присяжника. Самъ Гуспавъ писалъ къ Герцогу Карлу: »Европѣ извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а тебѣ извѣстны ея виновники и мои гонители: оставляю мѣсть Богу. Нынѣ я въ *тихомъ* и безобязанномъ *пристанци*, у великаго Монарха, милостиваго къ несчастнымъ Державнаго племени. Здѣсь могу бышъ полезенъ нашему любезному опечесиву, если ты успушишъ мнѣ Эспонію, угрожаемую Сигизмундовымъ власполубі-

Г. «емъ: съ помощію Божіею и Царскою
 1598 буду не только споять за города ея,
 —604. «новозьму и всю Ливонію, мою законную
 «опщину.» Замѣшимъ, что о семъ письмѣ
 не упоминается въ нашихъ переговорахъ
 съ Швеціею; оно едва ли было доставле-
 но Герцогу: сочиненное, какъ вѣролпно,
 въ Приказѣ Московскомъ, ходило един-
 ственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки
 между Ливонскими гражданами, члюбы
 волновать ихъ умы въ пользу Борисова
 замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ
 перемиріи съ Липвою и въ мирѣ съ
 Швеціею!

Но сія хитрость, не чуждая коварства,
 осталась безплодною — опъ прехъ при-
 чинъ: 1) Ливонцы издревле спрашились и
 не любили Россіи; помнили исторію Маг-
 нуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣп-
 ства въ ихъ отечествѣ; слушали наши
 обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторыя
 изъ Нарвскихъ жителей, шайно сно-
 сясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему
 сей городъ; но, обличенные въ сей измѣ-
 нѣ, были казнены всенародно⁴⁵. 2) Мы
 имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и
 Карлъ войско въ Ливоніи: могли ли она,
 если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ
 въ Москву? 3) Густавъ лишился мило-

сти Бориса, который думалъ женить Г.
 его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ,¹⁵⁹⁸
 —604. чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ
 нею; но Густавъ не согласился измѣ-
 нить своему Закону, ни оставилъ лю-
 бовницы, привезенной имъ съ собою изъ
 Данцига⁴⁴; не хотѣлъ быть, какъ пи-
 шуть, и слѣпымъ орудіемъ нашей Поли-
 тики ко вреду Швеціи; требовалъ оп-
 пуска, и, разгоряченный виномъ, въ при-
 сущствіи Борисова Медика, Фидлера,
 грозился зажечь Москву, если не дадутъ
 ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фид-
 леръ сказалъ о томъ Боярину Семену Го-
 дунову, а Бояринъ Царю, который, въ
 гнѣвѣ опивая у неблагодарнаго и сокро-
 вища и города, велѣлъ держать его подъ
 стражею въ домѣ; однакожь скоро уни-
 лоспивился и далъ ему, вмѣсто Калуги,
 разоренный Угличъ. Густавъ (въ 1601
 году) снова былъ у Царя, но уже не объ-
 далъ съ нимъ⁴⁵; удалился въ свое по-
 мѣстье, и тамъ, среди печальныхъ раз-
 валинъ, спокойно занимался Химіею, до
 конца Борисовой жизни. Неволею переве-
 зенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ
 Кашинъ, сей несчастный Принцъ умеръ
 въ 1607 году, жалуясь на въпреность
 той женщины, коюрой онъ пожертво-

Г: валъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его въ прекрасной береговой роцѣ, на берегу Кашенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Пепрей, въ царствованіе Шуйскаго⁴⁶.

Перемирие съ Липвою.

Между шѣмъ мы имѣли случай гордости опплатить Сигизмунду за униженіе, преперпѣнное Іоанномъ отъ Баторія. Великій Посолъ Липовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказывали, что Царь мучился подагрой. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, опровергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы⁴⁷. Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милосливому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемирие съ Липвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что

онъ не извѣспилъ ни Θεодора, ни Бориса Г. о своемъ восшествіи на шронъ опцев-1598
скій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользова-604.
лись случаемъ меспи, за старое упрямство Липвы называвъ Государей Россійскихъ единспивенно Великими Князьями, и шѣмъ еще давали себѣ право на благодарности Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщепно Сапѣга возражалъ, пребоваъ, молилъ, даже съ слезами⁴⁸, чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утверженія съ Болриномъ, Михайломъ Габбовичемъ Салпыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аванасьемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое госпенрїимство въ Липвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: »будемъ ждать Короля въ Вильнѣ« — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шапрахъ; терпѣли холодъ и недоспапокъ⁴⁹, но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія прѣнія. Липовскіе Вельможи го-

Г. ворили Салпыкову и Власьеву: «если
 1598
 —604. «дѣйствительно хопите мира, по при-
 »знайте нашего Короля Шведскимъ, а
 »Эспонию собственностію Польши.» Сал-
 пыковъ отвѣчалъ: «Миръ вамъ нужнѣе,
 »нежели намъ. Эстонія и Ливонія соб-
 »ственностію Россіи опть времянъ Яросла-
 »ва Великаго; а Шведскимъ Королев-
 »ствомъ владѣеть нынѣ Герцогъ Карлъ:
 »Царь не даетъ никому пустыхъ пишу-
 »ловъ.» . . . «Карлъ есть измѣнникъ и
 »хищникъ,» возражали Паны: «Государь
 »вашъ перестанетъ ли называться въ
 »пишуль *Астраханскимъ* или *Сибирскимъ*,
 »если какой нибудь разбойникъ на время
 »завладѣетъ сими землями? Знапная часть
 »Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но
 »Цесарь именуется Венгерскимъ, а Ко-
 »роль Испанскій Иерусалимскимъ.» Убѣж-
 денія оспались безъ дѣйствія; но Сигиз-
 мундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими По-
 слами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ
 свято хранишь договоръ, примолвилъ:
 »клянуся именемъ Божіимъ умереть съ
 »моимъ наследственнымъ пишуломъ Ко-
 »роля Шведскаго, не уступать никому
 »Эспонию и въ печеніе сего двадцатилѣт-
 »няго перемирія добывать Нарвы, Ревеля
 »и другихъ городовъ ея, къмъ бы они ни

»были заняты.» Тупъ Салпыковъ вы- Г.
 спунилъ и сказалъ громко: «Король Сигиз- 1598
 —604. мундъ! цѣлуй крестъ къ Великому Го-
 »сударю, Борису Θεодоровичу, по поч-
 »нымъ словамъ грамопы, безъ всякаго
 »прибавленія — или клятва не въ клятву!»
 Сигизмундъ долженъ былъ переговорить
 свою рѣчь, какъ претовалъ Бояринъ и
 смыслъ грамопы. Слѣдственно въ Мос-
 квѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская
 одержала верхъ надъ Липовскою: Король
 уступилъ, ибо не хопѣлъ воевать въ
 одно время и съ Шведами и съ нами;
 успокоилъ только въ опъказѣ величашъ
 Бориса именемъ *Царя* и *Салодержца*: че-
 го мы претовали и въ Москвѣ и въ Виль-
 нѣ, но удовольствовались словомъ, что
 сей пишуль безспорно будетъ данъ Ко-
 родемъ Борису при заключеніи мира вѣч-
 наго. «Хорошо» (говорили Паны) «и двад-
 »цать лѣтъ не лишъ Христіанской кро-
 »ви: еще лучше успокоить навсегда обѣ
 »Державы. Двадцать лѣтъ пройдушь ско-
 »ро; а кпо будешь погда Государемъ и
 »въ Литвѣ и въ Россіи, неизвѣстно»⁵⁰.
 Замѣтимъ еще обстоятельство досто-
 памянное: Послы Московскіе, въ день
 своего оппуска пируя во дворецъ Королев-
 скомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сы-

Г. на, Владислава, и какъ бы въ предчув-
 1598 ствіи будущаго вызвались цѣловать у
 —604. него руку: сей опрокъ семилѣтній, ко-
 ему надлежало, въ возрастѣ юности,
 явиться споль важнымъ дѣйствующимъ
 лицомъ въ нашей Исторіи, привѣтсво-
 валь ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣ-
 спа и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кла-
 няться Царевичу Феодору и сказать ему,
 что желастъ бытъ съ нимъ въ искрен-
 ней дружбѣ. Знашныи Бояринъ Салпы-
 ковъ и Думный Дьякъ Власевъ, копо-
 рыи замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ го-
 сударственныхъ, могли, храня въ душѣ
 пріятное воспоминаніе о юномъ Влади-
 славѣ, вслихъ во многихъ Россіянъ доб-
 рыхъ мысли о семъ, дѣйствительно лю-
 безномъ Королевичѣ. — Возвратясь По-
 слы донесли Борису, что онъ можешь
 бытъ увѣренъ въ безопасности и тиши-
 нѣ съ Липовской стороны на долгое вре-
 мя; что Король и Паны знаютъ, видящъ
 силу Россіи, управляемую споль мудрымъ
 Государемъ, и конечно не помыслишь на-
 рушить договора ни въ какомъ случаѣ,
 внушрленно славя миролюбіе Царя какъ
 особенную милость Божию къ ихъ оше-
 честву.

Мы сказали, что Правитель Швеціи

искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Г.
 Герцога не мириться съ Сигизмундомъ,
 1598 —604. позволялъ Шведамъ иппи изъ Финляндіи сно-
 къ Дерпту чрезъ Новгородское владѣніе шеня
 *1 и хопѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ни- Шве-
 ми для изгнапія Поляковъ изъ Ливоніи. діею.
 Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву,
 наши въ Спокгольмъ съ изъясненіями
 взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвы-
 чайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тай-
 но спрашивалъ у него, исполнить ли ему
 волю Чиновъ Государственныхъ и на-
 зваться ли *Королемъ* Шведскимъ? Царь
 совѣтовалъ исполнить, и немедленно, для
 истиннаго блага Швеціи, и пѣмъ заслу-
 жилъ живѣйшую признательность Кар-
 лову⁵²; совѣтовалъ искренно, ибо безопа-
 сность Россіи пребовала, чтобы Липва
 и Швеція имѣли разныхъ Властителей.
 Но мы желали Нарвы, и для того хип-
 рыи Царь (въ Февраль 1601) объявилъ
 Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и
 Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ
 одно время съ Липовскимъ Канцлеромъ
 Сапъгою, что должно еще снова размо-
 прѣть и торжественно утвердить мир-
 ную грамоту 1597 года⁵³, писанную опъ
 имени Феодорова и Сигизмундова; что она
 недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не

Г. 1598
—604.
утвердилъ ее ; что обспоятельствва пере-
мѣнились, и что сей Король готовъ у-
спунишь намъ часть Ливоніи, если бу-
демъ помогашь ему въ войнѣ съ Герцо-
гомъ. Послы удивились. » Мы заключили
»миръ « (говорили они Боярамъ) » не ме-
жду Теодоромъ и Сигизмундомъ, а ме-
жду Швеціею и Россіею, до скончанія
»вѣковъ, именемъ Божиимъ, и добросовѣ-
»стно исполнили условія: отдали Кекс-
»гольмъ вопреки Сигизмундову несогла-
»сію. Нѣптъ, Герцогъ Карлъ не повѣришь,
»чтобы Царь думалъ нарушишь обѣщъ,
»запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на
»Святомъ Евангеліи. Если Сигизмундъ у-
»спунаешъ вамъ города въ Ливоніи, по
»успунаешъ не свое: половина делъ завое-
»вана Герцогомъ. И союзъ съ Липвою на-
»деженъ ли для Царя? Прекрапились ли
»споры о Кіевѣ и Смоленскѣ? Гораздо
»скорѣе можно согласишь выгоды Швеціи
»и Россіи: главная ихъ выгода естъ мир-
»ное, доброе сосѣдство. Не самъ ли Царь
»убѣждалъ Карла не мириться съ Сигиз-
»мундомъ? Мы воюемъ и беремъ города:
»что мѣшаешъ вамъ также ополчиться
»и раздѣлишь Ливонію съ нами? « Но Бо-
рисъ, съ удовольствіемъ вида пламя вой-
ны между Герцогомъ и Королемъ, не мы-

Г. 1598
—604.
слилъ въ ней участвоватъ, по крайней мѣ-
рѣ до времени; заключивъ перемиріе съ
Липвою, медлилъ утвердишь безкорыст-
ный миръ съ Карломъ; оппустилъ его
Пословъ ни съ чѣмъ, и тайно склоняя
жищелей Эстоніи измѣнить Шведамъ,
чтобы присоединиться къ Россіи, досаж-
далъ ему симъ непрямоушіемъ — но въ
то же время искренно доброхотспивовалъ
въ войнѣ Ливонской: ибо поржество Си-
гизмундово угрожало намъ соединеніемъ
Шведской короны съ Польскою, а пор-
жество Карлово раздѣляло ихъ навѣки.
Борисъ первый изъ Государей Европей-
скихъ, и всѣхъ охопите, призналъ Гер-
цога Королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ
съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и
самъ Герцогъ еще назывался шолько Пра-
випелемъ.

Новая, важная связь Борисова съ на-^{Тя-}с-^{спая}л-^{связь}д-^{съ Да-}спвеннымъ врагомъ Швеціи могла
также безпокоить Карла. Извѣспивъ со-^{нскою.}с-^{нскою.}д-^{нскою.}спвенныхъ и другихъ вѣщденосцевъ,
Императора, Елисавету, о своемъ воца-
реніи, Борисъ долго медлилъ оказашъ сію
учпивость Королю Данскому, Христіа-
ану; но съ 1601 года начались весьма
дружелюбныя сношенія между ими⁵⁴. Въ
одно время Послы Христіановы, Эске-

Г. Брокъ и Карлъ Бриске, отправились въ
 1598
 — 604. Москву, а наши, знатный Дворянинъ
 Ржевскій и Дьякъ Димпріевъ, въ Копен-
 гагенъ, для взаимнаго привѣтствія и для
 разрѣшенія спарыхъ, безконечныхъ спо-
 ровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пусто-
 няхъ. Доказывая, что вся Лапландія при-
 надлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался
 на Исторію Саксона Грамматики и даже
 на Мюнстерову Космографію⁵⁵; говорилъ
 еще, что сами Россіане издревле называ-
 ютъ Лапландію *Мурманскою* или Нор-
 вежскою землею; а мы возражали, что
 она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царство-
 ваніе Василя Іоанновича Новгородскій
 Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ
 жипелей, и еще утверждали сіе право
 собственности слѣдующею повѣстію,
 основанною на преданіи шамошнихъ спар-
 цевъ⁵⁶: »Жилъ нѣкогда въ Корель или
 »Кексгольмѣ знаменитый *Владитель*, име-
 »немъ *Валитъ* или Варенгъ, даникъ Ве-
 »ликаго Новгорода, мужъ необычной хра-
 »бости и силы: воевалъ, побѣждалъ и
 »хотѣлъ господствовать надъ Лопью или
 »*Мурманскою* землею. Лопари требова-
 »ли защиты сосѣдственныхъ *Норвежскихъ*
 »Нѣмцевъ; но Валитъ разбилъ и Нѣм-
 »цевъ, тамъ, гдѣ нынѣ *Лютній* погостъ

»*Варенгскій*, и гдѣ онъ, въ память въ- Г
 »камъ, положилъ своими руками огром- 1598
 — 604. ный камень, въ вышину болѣе сажени;
 »сдѣлалъ вокругъ его швердую ограду въ
 »двенадцать стѣлъ и назвалъ ее *Вавило-*
 »*номъ*: сей камень и теперь именуется
 »*Валитовымъ*. Такая же ограда существо-
 »вала на мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣ-
 »стны еще въ землѣ Мурманской *губа*
 »*Валитова* и *городище Валитово* среди
 »острова или высокой скалы, гдѣ безо-
 »пасно опдыхалъ випись Корельскій. На-
 »конецъ побѣжденные Нѣмцы заключили
 »съ нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь до
 »рѣки Ивгел. Долго славный и счастли-
 »вый, Валитъ, именемъ Христіанскимъ
 »Василій, умеръ и схороненъ въ Кексголь-
 »мѣ, въ церкви Спаса; Лопари же съ по-
 »го времени платили дань Новгороду и
 »Царямъ Московскимъ. « Сіи историческіе
 доводы съ обѣихъ споровъ были не весь-
 ма убѣдительны, и Датчане въ знакъ ми-
 ролюбія желали раздѣлить Лапландію съ
 нами, вдоль или поперегъ, на двѣ рав-
 ные части; а Борисъ, изъ любви къ Хри-
 стіану, уступалъ ему все земли за мо-
 настыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, пре-
 доставляя Датскимъ и Россійскимъ чи-
 новникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Ко-

Г. 1598
—604. лы означилъ границы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобновили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чѣмбы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего Дома въ глазахъ Боярѣ и Князей Россійскихъ, копорые еще не давно видѣли Годуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи опцать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливонією, Гусшаву, сей нѣжный родитель и хитрый Полипикъ надѣялся доставить счастье Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, брапомъ Хрисціановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, копорый, подобно Гусшаву, могъ служить орудіемъ нашихъ власполюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ⁵⁷, и Король, не успрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быти сватомъ знамениаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ осилишь враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились⁵⁸: не зна-

Герцогъ Датскій женихъ Ксеніи.

Г. 1588
—604. емъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ: но зна- емъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи опечесивомъ и быти Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи⁵⁹: не для того ли, чѣмбы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, пронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣрояпно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ печеніе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воевалъ тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: спѣшилъ возвратиться, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала госпя ладія Царская, успланная бархатомъ⁶⁰ — и какъ скоро Герцогъ спустилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власевъ привѣтствовали его, именемъ Царя, — ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоценнѣйшихъ соболей. Въ карепѣ, блистающей золопомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Ивановгородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и снѣ-

Г. 1598
— 604
пахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣщствовали его и Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе честили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, при Сенапора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ спрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Святѣйшему Королевицу*. Ъхали медленно, въ день не болѣе принадцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдай, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ нескучалъ; въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, спрѣлялъ ппичъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея Государственные уставы и народныя обыкновения. Послы Христіановы совѣщовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: » Ъду

Г. 1598
— 604
къ Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, что-бы навикалъ всему Русскому. « Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: » Я знаю, что въ сей день вы празднуете новый годъ; что »Духовенство, Синклитъ и Дворъ нынѣ »пторжественно желаютъ многолѣтія Государю: еще не имѣю счастья видѣть »его лице, но также усердно молюся, да »здравствуетъ. « — спросилъ вина, и спояпилъ *Царскія чаши*, вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; уведомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его апласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебряными кружевами! Царь пребо-валъ сихъ подробностей — и высылалъ новые дары путешественнику: богатыя пкани Азіатскія, шапки визаннныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоценныя, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ неперлѣніе бытъ въ Москвѣ: ему опвѣщ-ствовали, что Государь боялся спѣшною ѣздою упоминъ его — и поѣхали ско-
То.нь XI

Г. рѣе. 18 Сентября почевали въ Тушинѣ,
 1598 а 19 приблизились къ сполницѣ.
 —604.

Не только воины и люди сановитые, опъ Членовъ Сивклиша до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане вespъишили Герцога въ полѣ⁶¹. Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Дапскими и Російскими чиновниками. Ему отвели въ Кипаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: спопяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множеству кубковъ и чашъ съ винами и медама⁶². 28 Сентября было торжественное предсавленіе. Опъ дому Иоаннова до Краснаго крыльца спопяли богато-одѣтые воины; на площади Кремлевской граждане, Измцы, Лишва, также въ лучшихъ нарядахъ. У крыльца вespъишили Иоанна Князя Трубецкій и Черкасскій, на лѣсницѣ Василий Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Околыничими и Дьяками. Царь и Царевичъ были въ Золотой налѣтѣ, въ бархатныхъ порфиряхъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сѣяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ

Герцога, Борисъ и Теодоръ встали, обняли его съ вѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Всѣмощъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Иоанна съ любовію, плѣняясь его красопою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ прѣстолѣ, за серебрянымъ споломъ, подѣ вслещю надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Теодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Теодоръ сняли съ себя алмазные цѣпи и вѣдали на шею Иоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, вѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ шкатуекъ, Англійскихъ цуконъ, Сибирскихъ шубовъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Юсѣи, въря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинстввахъ, и не обманывался. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна шѣломъ и спройна; имѣла близку *мелкнута*, волосы черные, густые и длиные, *тубами лежащие* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *созотыя*, глаза большіе, черные,

Г. свѣшлые, красныя несказанной, особенно, когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостию, *благорічїемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя⁶³. Спротїи обычай не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу опложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую. . . О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ⁶⁴:

Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ коней, блистающихъ убранствомъ серебромъ и золотомъ; за ними двѣ кареты: пуспая Царевича, обитая алымъ сукномъ, и другая, обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всадники, впорую пѣшіе царедворцы. Далѣе ѣхалъ верхомъ юный Феодоръ; коня его вели знатные чиновники. Позади Бояре и Придворные. Многие люди бѣжали за Царемъ, держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи челоуки и вложили въ красный ящикъ,

чтобы представить Государю. Чрезъ полъ часа выѣхала Царица, въ великолѣпной каретѣ; въ другой, со всѣхъ сторонъ закрытой, сидѣла Царевна: первую везли десяти бѣлыхъ коней, впорую восемь. Впереди 40 заводныхъ лошадей и дружина всадниковъ, мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми бородами; сзади 24 Болыни, на бѣлыхъ коняхъ. Вокругъ шли 300 приставовъ съ жезлами. — Тамъ, въ Обнелѣ пишины и свлпоспи, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословишь Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили Царскими обѣдами въ его домъ; присылали ему бархаты, объяри, кружева для *Русской одежды*; прислали и богатую постелю, бѣлье шипое серебромъ и золотомъ⁶⁵. Онъ съ ревностию хощеть учиться нашему языку и даже перемѣнилъ Вѣру, какъ пишутъ⁶⁶, чтобы исповѣдываться одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностию въ общеніи. Но чего искренно желали и Россіяне и Дашчане. — о чемъ молились родители и невѣста — то не было угодно

Г. Провидѣніе. На возвращенномъ пути, и въ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Браповицкѣ⁶⁷. Государь узналъ о незанной болѣзни жениха, Иоанна; еще могъ писать къ нему и прислать своего чиновника, чпобы его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жешиковая горничка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не перяли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщала имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября постылись Иоанна юный Осодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Шапріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ пѣхъ, кошорые пали отъ него опасность. На другой день, въ вечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; началъ, крушится; говорилъ: «Юноша несчастный! шь оставилъ мать, родныхъ, обещанство, и прѣхалъ конми, чпобы умереть безвременно⁶⁸!». Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Иоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 Октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Иоанновы, и на двадцатомъ году жизни. . . Не только семейство Цар-

ское, Данчане, Нѣмцы, но и весь Дворъ, Г. все жили сполницы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: «любезная дочь! пвое счастье и мое утѣшеніе погибло!» Она упала безъ чувствъ къ ногамъ его. . . Вельи оказали всю должную честь умершему. Опворили казну Царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; пилили нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Иоаннъ; къ пѣлу приславили знатныхъ чиновниковъ; запретили его апапоминъ и вложили въ деревянную гробницу, наполненную ароматами, а послѣ въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую чернымъ барханомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста въ срединѣ и съ Датскаго надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему Царя и народа Россійскаго, объ ихъ печали неушѣшной. Въ день погребенія, 25 Октября, Борисъ проснулся съ пѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Кипасъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ вели на колесницѣ, подъ прѣмь черными знаменами, съ гербомъ Даніи, Мекленбургскимъ и Голштейнскимъ; на обѣихъ споронахъ шли воины Царской дружины, опускивъ внизъ острие своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой

Г. церкви Аутсбургскаго Исповѣданія, схо-
 1598 ронили гнѣло Иоанново въ присутствіи
 —604. Московскихъ Вельможъ, копорые плака-
 ли вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не раз-
 умѣли умилительной надгробной рѣчи,
 въ коей Герцоговъ Паспоръ благодарилъ
 ихъ за сію чувствительность⁶⁹

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣпо-
 писца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ
 о смерти Иоанна, будто бы завидуя об-
 щей къ нему любви Россіянъ, и спра-
 шая оставилъ въ немъ совмѣстника
 для юнаго Θεодора; что Медики, узнавъ
 тайную мысль Царя, не смѣли излечить
 больного⁷⁰? Но Царь хотѣлъ, чтобы Рос-
 сіяне любили его нареченнаго зятя: для
 того совѣщавалъ ему бытъ привѣтли-
 вымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ⁷¹;
 хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастья Ксеніи;
 давалъ симъ бракомъ новый блескъ, но-
 вую твердость своему Дому, и не могъ
 переменить мыслей въ при недѣли:
 успрашивать, чего желалъ; видѣшь, че-
 го не предвидѣлъ, и вѣрять споль гну-
 сную тайну зла придворнымъ врачамъ-
 иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Ио-
 анновой, долго не пускалъ къ себѣ на
 глаза, и копорые лечили Герцога вмѣ-
 стѣ съ его собственными, Датскими

врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чинов- Г.
 ники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ 1598
 —604. ея вѣрное описаніе⁷², доказывалъ, что всѣ
 способы искусства, хотя и безъ успѣха,
 были упошреблены для спасенія Иоанно-
 ва. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ
 лицемѣрія, и чувствовалъ, можеть бытъ,
 казнь Небесную въ совѣсти, горюивъ
 счастье для милой дочери и видя ее вдо-
 вою въ невѣсцахъ; опвергнулъ украше-
 нія Царскія, надѣлъ ризу печали и дол-
 го изъявлялъ глубокое уныніе⁷³ Все,
 чѣмъ дарили Герцога, было послано въ
 Копенгагенъ; всѣхъ Иоанновыхъ спутни-
 ковъ оппустили шуда съ новыми, ще-
 рыми дарами; не забыли и послѣдняго
 изъ служителей⁷⁴. Борисъ писалъ къ
 Христіану, что Россія оспается въ не-
 разрывномъ дружествѣ съ Данією: оно
 дѣйствительно не разорвалось, какъ бы
 упверждаемое для обоихъ Государствъ
 печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ
 юнаго Герцога, коего гнѣло было переве-
 зено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ
 сводомъ Московской Люперанской церкви.
 Въ честь Иоанновой памяти Борисъ далъ
 колокола сей церкви и дозволилъ звонить
 въ нихъ по днямъ Воскреснымъ⁷⁵.

Но печаль не мѣшала Борису ни за-

1398
—604
Д. занимаешься дѣлами государспвенными съ обыкновенною ревностію⁷⁶, ни думаешь о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и еодѣйспвіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чшобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву женишься на Царевнѣ и бытъ намъ Удѣльнымъ Княземъ⁷⁷. Сіе условіе не исполнилось единственио оспъ погодашнихъ бѣденвенныхъ обеспояшельствъ нашего опечеспва.

Пере- гово- ры съ Ав- спрі- ето.
Сношенія Россіи съ Авспріею были, какъ и въ Осодорово время, весьма дружественны и не безплодны. Думный Дьякъ Власевъ, (въ Іюнь 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи съѣзъ на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи; тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знавшійшіе граждане вспрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною спрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милоспъ Борисову къ Пѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами шорговли въ Россіи⁷⁸. Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣспріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власевъ имѣлъ переговоры съ Авспрійскими Ми-

1398.1
—604
ниспрами, увѣряя ихъ, что цаше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Липовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣрный недругъ Опшкочковъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ Князей Азітскихъ дѣспновать усиленно проптивъ Султана и гошовъ самодеспношши на Крымцевъ, если они будущъ помогутъ Туркамъ; что мы неиреспанно внушаемъ Липовскимъ Пашамъ ушвердипть союзъ съ Императоромъ и съ нами возведеніемъ Максимилиана на шронъ Ангелшновъ; что миролюбивый Борисъ не уоошшился даже и воевать для достпженія сей цѣли, если Императоръ когда ншбудъ рѣшится спмстпннхъ Сигизмунду за безчестіе своего брата⁷⁹. Рудольфъ изъавилъ благодарность, но спребовалъ оспъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чшобы мы смирили Хаана. »Императоръ« — говорили его Миниспры — »любя Царя, не хочентъ, чшобы онъ подвергалъ себя опасности лигной въ битвахъ съ варварами⁸⁰: у васъ много Воеводъ мужеспвенныхъ, которые легко могутъ и безъ Царя уннать Крымцевъ: вошть главное

Г. 1598
—604. »дѣло! Если угодно Небу, по корона Польская, при добромъ содѣйствіи великодушнаго Царя, не уйдетъ отъ Максимилиана; но теперь не время умножать число враговъ.» И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимилиана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, разоборсничивать и съ Сулпаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магомедъ злобился на Россію и дѣйствительно велилъ Хану опустошать ея владѣнія⁸¹ — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знашій Посоль Баронъ Логау; а Думный Дьякъ Власьевъ впорочно ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь помогалъ казною Рудольфу⁸², удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дружество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ коему ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ

Москву⁸³, и который славно мужествовалъ тогда прошивъ Оппомановъ. По знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ шѣнный союзъ, а для него и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Коломгоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому⁸⁴ — и въ знакъ особенной любви приславъ къ своему брату Московскому съ Вельможею Лачинъ-Беккомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ*⁸⁵, Персидскій вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Феодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именованья ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и списнулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Царь Александръ не преспавалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю Иверіи. Послы его такъ говорили Болрамъ⁸⁶: »Мы плакали отъ невѣрныхъ, и для того опцалися головами Царю православному, да защитили насъ; но плачемъ и нынѣ. Наши дома, церкви и монастыри въ развалинахъ, семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То ли вы

Проп-
сневил
въ
Грузіи

Г. «намъ общали? И невѣрные смѣются
 1598
 604. »надъ Христіанами, спрашивая: гдѣ же
 «ищишь Царя Бѣлаго? гдѣ ваншъ заступ-
 никъ?» Борисъ велѣлъ напомясть имъ о
 походѣ Князя Хвороспинина, съ коимъ
 должно было соединиться ихъ войско, и не
 соединилось⁸⁷; однакожь послалъ въ Иве-
 рію двухъ сановниковъ, Нащокина и Ле-
 онтьева, узнать все обстоятельство на
 мѣстѣ и съ Терскими Восводами усло-
 виться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ
 сдѣлалась перемѣна. Во время тяж-
 кой болѣзни Александровой сынъ его, Да-
 видъ, объявилъ себя Властицелемъ:
 отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хо-
 тѣлъ возвратиться ему знаковь Держав-
 ства: *Царской хоругви, шапки и сабли*
*сѣ похоситъ*⁸⁸. Сего мало: онъ злодѣйски
 умертвилъ всехъ ближнихъ людей Але-
 ксандровыхъ. Тогда несчастный отецъ,
 11
 прибѣжавъ раздѣшый и босой въ церковь,
 рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всеярод-
 но предалъ сына апаоелъ и гнѣву Божию,
 42
 копорый дѣйствительно постигъ извер-
 га: Давидъ въ незанной, мучительной бо-
 лѣзни испустилъ духъ, и Посланики на-
 ции возвратились съ извѣстіемъ, что
 Александръ снова царствуетъ въ Иверіи,
 но не достоинъ милости Государевой,

будучи усерднымъ рабомъ Султана, и Г.
 дерзалъ укоряиъ Бориса алчностью къ да-¹⁵⁹⁸
 604. рамъ. » Милъ ли « — сказали Царь съ него-
 дованіемъ — «милъ ли прельщашься дарами
 «ищищихъ, когда могу всю Иверію *напол-*
нить серебромъ и засыпать золотомъ? «
 Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго По-
 сла Иверскаго, Архимандрита Кирилла;
 но сей умный старецъ ясно доказалъ, что
 Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Але-
 ксандра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Го-
 сударя не казнить ихъ⁸⁹, и далъ ему
 мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія
 Грузіи съ Россією, построить каменную
 крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступ-
 номъ, изобильномъ и красивомъ — другую
 на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное,
 много сѣры и селитры — а третью на
 рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ некогда существовалъ
 городъ, будто бы Александромъ Македон-
 скимъ основанный, и гдѣ еще стояли
 древнія башни среди садовъ виноград-
 ныхъ⁹⁰.

Для сего предпріятія немаловажнаго
 Государь избралъ двухъ знаменитыхъ Вос-
 водъ, Окольниковъ Буцурлина и Плеще-
 ева, копорые должны были, взявъ полки
 въ Казани и въ Аспрахани, дѣйствовать
 вмѣстѣ съ Терскими Восводами и ждатиъ

Г. къ себѣ вспомогапельной рапи Иверской, ¹⁵⁹⁸ ~~—603.~~ кляшвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не перяли времени и не жалѣли денегъ, выдавъ изъ казны не мѣнѣе прехъ сопѣ тысячъ рублей на издержки похода споль опдаленнаго и шруднаго⁹¹. Войско, довольно многочисленное, вышпуило съ береговъ Терека (въ 1604 году) къ Каспійскому морю и видѣло единствененно тыль неприпеля. Шавкаль, уже спарець вепхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не лѣзя было найпи лучшаго мѣсна для спроенія крѣпости: съ прехъ споронѣ высокія скалы могли служипь ей вмѣсто швердыхъ спѣлъ; надлежало укрѣпипь только оплогій скапъ къ морю, покрыпный лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жипелей, посредспвомъ многихъ прубѣ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ споялъ дворець Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали спроеипь спѣну, имѣя все, для шого нужно: лѣсъ, камень, известъ; назвали Тарки *Новымъ городомъ*; заложили крѣпость и на Тузлукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андрия или Эдрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго спрое-

шивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, Г. брали хлѣбъ, опгоняли пабуны и спада, ¹⁵⁹⁸ ~~—604.~~ но боялись недоспапка въ съсппныхъ ирпасахъ: для шого, въ глубокою осень, Бупурлинъ послалъ тысячъ пять воиновъ зимовать въ Аспрахавъ; къ счаспю, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужеспвенно, цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣспѣ 3000 убипыхъ. О семъ кровопролитномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чптобы очиспипь всѣ горы отъ неприпеля, совершенно овладѣпъ Дагеспаномъ и безпрепятспвенно спроеипь въ немъ новья крѣпости. Но не было слуха о вспомогапельной рапи, ни вѣспей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, оппущивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣспѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы*, Михайла Тапищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданспвѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще пайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашель Царя въ Загемѣ: Александръ

Г. 1598
—604. Былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не ваярал на имя Россійскаго данника, и не спрашивая оскорбильнѣе пѣвца друга своего, Бориса. Слышъ Александровъ, Юрій, принялъ Тапищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ опечесствѣ. «Никогда (говорилъ оный) Иверія не бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго: «шоемъ подъ ногами Султана и Шаха; оба хошящъ нашей крови и всего, «нипо имѣемъ! Мы опцали себя Россіи: «пустъ же Россія возмощъ насъ; не словомъ, а дѣломъ! Нынѣ времени медлительнѣе: скоро не кому будетъ здѣсь «цѣловапъ креста въ бесполезной вѣрности окъ ея Самодержиу. «Оны могли бы «опасна насъ: Турки, Персіяне, Кумыки «силою къ намъ врываются; а васъ зовемъ добровольно: придите и спастеся!» Ты видишь Иверію: ея скалы, ущелья, «добри: еси «оспавиште здѣсь «твердыни и введете въ нихъ войско Русское, «нр будемъ истинно ваши, ли цѣль; ги же «убоимен ни Шаха, ни Султана «р. «Свѣдавъ, что Турки идуть къ Вавуца Юрій убѣждалъ Тапищева: даиъ ему своихъ Спрѣльцевъ для битвы свѣтими оумный

Г. 1598
—604. Посоль долго колебался, опасался безъ указа Царскаго какъ бы объявить войну Султану; наконецъ рѣшился удостовѣриться пѣвцъ Иверію въ дѣйствительность: по правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ воиновъ, которые присоединились къ пѣвцу или несци пѣвцамъ Грузинскихъ, съ добрымъ Сопникомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впереди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ заломъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля: густая передовая полна его вдругъ спала рѣже; оны увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ; упалъ Россіанъ, и дрогнулъ, не зная ихъ малого числа. Юрій съ своими ударилъ мужественно, и болѣе гналъ, нежели сражался: ибо Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея воины взяли чепыре хоругви Султанскія и множество плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками, явилъ народу просеніи, уже давно ему неизвѣстныя, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горести Россіанъ, слава ихъ какъ Героевъ.

Г. 1598
— 604. Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Конспаншиномъ, принявшимъ тамъ Магомеданскую Вѣру⁹³, какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверією, велѣлъ Конспаншину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно итти къ Шамахъ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ рабниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, опгаданное умнымъ Тапищевымъ, который бесполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Конспаншинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Тапищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ. крикъ, шумъ бивы; посылаетъ своего шолмача узнать, что дѣлается — и шолмачъ, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ опсѣченныя головы, лежащія предъ Конспаншиномъ: головы оп-

ца его и брата! Конспаншинъ-Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи¹⁵⁹⁸ Христіанской, приказалъ къ Тапищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій доспойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турокъ; что сія казнь не перемѣнитъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Тапищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россією, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Опшоманами, Аббасъ, уже побѣдивъ, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Полипки Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убитъ отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безразсудное для несчастнаго Александра⁹⁴, который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ

Г. ушѣснитель. Будучи только орудіемъ
 1598 Аббасовой мести и плакавъ всю ночь
 —604. предъ совершеніемъ гнуснаго опцеубій-
 ства, Константинъ увѣрялъ Борисова
 Юсла, что Шахъ не имѣлъ въ помѣ
 учаспія. » Родитель мой « (говорилъ онъ)
 » сдѣлался жерпвою междоусобія сыновей:
 несчастіе весьма обыкновенное въ нашей
 » землѣ! Самъ Александръ извелъ отца
 » своего, убилъ и брата: я поже сдѣлалъ,
 » не зналъ, къ добру ли, къ худу ли для
 » свѣта. По крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ
 » моему слову и заслужу милость Госуда-
 » ря Россійскаго лучше Александра и Юрія;
 » благодаренъ ему за крѣпости, основан-
 » ныя имъ въ землѣ Шавкаловой, и скоро
 » пришлю въ Москву богатые дары.« Та-
 » пищевъ хопѣлъ не ковровъ и не пшаней,
 а подданства; пребоваъ отъ него кляш-
 вы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ,
 что Царемъ Иверіи можетъ быть един-
 ственно Христіанинъ. Константинъ от-
 вѣчалъ, что до времени останется Му-
 сультаниномъ и подданнымъ Шаховымъ,
 но будетъ защитникомъ Христіанства
 и другомъ Россіи — прибавивъ: » гдѣ пвер-
 » дый вашъ *хребетъ*, на которъй мы въ
 » случаѣ нужды могли бы опереться? « Съ
 снмъ Тапищевъ долженъ былъ выѣхать

изъ Загема, шоржественно объявивъ, что Т.
 Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и
 1598 что Аббасъ, самовластно казнивъ Але-
 —604. Александра рукою Коцетавпина, нарушилъ
 счастливое дружество, которое допомѣ
 существовало между Персією и Россією.
 — Однимъ словомъ, мы лишились Цар-
 ства: по еси, права называють его сво-
 имъ; но Тапищевъ, не выѣзжая изъ Гру-
 зіи, пашель другое Царство для пипула
 Борисова!

Видя юнаго Теодора уже близкаго къ
 совершенному возрасту и снова предло-
 живъ руку дочери Дашскому Принцу⁹⁵,
 но желая на всякій случай имѣть для нее
 и другаго мужа въ готовности, Борисъ
 искалъ вдругъ и невѣсты и жениха
 въ опечесствѣ славной Тамари, знамени-
 той супруги Георгія Андреевича Бого-
 любекаго. Посоль Александровъ, Кирилъ,
 хвалилъ нашимъ Бояремъ красоту Ивер-
 екаго Царевича, Давидова сына, Теймура-
 са, и Княжны или Царевны Карпалин-
 ской, Ележы, внуки Симеоновой: Тапи-
 щеву вѣрно было видѣть ихъ; онъ не
 нашелъ Теймураса, опданнаго Шаху въ ам-
 напы; и поѣхалъ въ Карпалинго; видѣвъ
 семейство ея Владыпелы. Сія обласнѣ
 древней Иверіи; менѣ подверженная на-

1598
— 604.

Г. бѣгамъ Дагестанскихъ Кумыковъ, пред-
сказывала и менѣ развалинъ, нежели Вос-
точная или Кахетія. Тамъ господство-
вала опець Еленинъ, Князь Юрій, послѣ
Симеона, взяшаго въ плѣнъ Турками : онъ
имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сон-
скаго и другихъ), многочисленныхъ *ца-
редворцевъ*, Бояръ и *Селителей* ; уго-
спили Тапищева въ Шапрахъ, и съ изъ-
явленіемъ благодарности выслушалъ его
предложеніе : первое, чѣобы Юрій под-
дался Россіи ; второе, чѣобы оппустилъ
съ нимъ въ Москву Елену и ближняго
родственника своего, юнаго Князя Хоз-
дроя, *если* они имѣютъ все достоинство,
нужныя для чести вступитъ въ семей-
ство Борисово. »Сія честь велика,» ска-
залъ усердный Посоль : »Имперапоръ и
»Короли Шведскій, Датскій, Французскій
искали ее ревностно.« Судьба Алексан-
дрова ужасала Юрія ; но Тапищевъ возра-
жалъ, чѣо сей несчастный погубилъ
себя криводушіемъ, хотѣвъ служитъ
вмѣстѣ Царямъ вѣрному и невѣрному,
къ досадѣ обоихъ. »Желая угодитъ Абба-
су (говорилъ онъ), Александръ не далъ
»намъ войска, чѣобы испребишь Шавка-
»ла ; оставилъ сына въ Персіи и дозво-
»дилъ ему быти Магомешаниномъ, по

1598
— 604.

»естъ, осприши ножъ на отца и Хри- Г
»стіанство ; сослалъ шууда и внука, уз- 1598
»навъ о намѣреніи Государя выдать за не- — 604.
»го Царевну Ксепію : ибо спрахилея, чѣо-
»бы Теймурасъ не взялъ Грузіи въ при-
»даное за Царевною ; но могъ ли Великій
»Царь нашъ разлучитъ ся съ нею для бѣд-
»наго престола Закемскаго, имѣя у себя
»многія знаменитѣйшія Князства въ
»Удѣлѣ милому зяню? Александръ палъ,
»ибо не прямилъ Россіи, и не спомилъ ея
»сильнаго вспоможенія.« Сорокъ Москов-
»онихъ Спрѣльцевъ снаели Заемъ : Тапи-
»щевъ обязался немедленно прислать въ
»Кавказію изъ Терской крѣпости 150
»храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую
»дружину, для безопасности будущаго
»свапа Борисова — и Юрія съ обрядами
»священными назвалъ себя Россійскимъ
»давникомъ. Тѣмъ болѣе желалъ родствен-
»наго союза съ Царемъ, онъ предсказывалъ
»на судъ Тапищеву женика и невесту,
»сказавъ : »Опдаюеъ Россіи и съ Царсп-
»ломъ и съ душою. Князь Хоздрой восни-
»савъ мою маперью вмѣстѣ со мною и
»служитъ мнѣ правою рукою въ дѣлахъ
»рашныхъ ; когда онъ въ полѣ, тогда мо-
»гу быти спокоенъ дома. Дѣпей у мени
»двое : сынъ мое око, а дочь сердце : ве-
»Толь XI
4

Г. 1598 — 604. »селюсъ ими и въ бѣдствіяхъ нашего
 »опечества; но не спую за Елену, ко-
 »гда такъ угодно Богу и Государю Рос-
 »сійскому.« Въ донесеніи Царю, о жени-
 »хѣ и невѣстѣ, Ташищевъ пишетъ: »Хоз-
 »дрою 23 года опъ рожденіа; онъ вы-
 »сокъ и спроенъ; лице у него красиво и
 »чиспо, но смугло; глаза свѣтлые ка-
 »рїе, носъ съ горбиною, волосы темно-
 »русые, усъ спонкій; бороду уже брѣешь;
 »въ разговорахъ уменъ и рѣчиспъ; зна-
 »естъ языкъ Турскій и грамопу Ивер-
 »скую; однимъ словомъ, хорошъ, но не
 »опличенъ; вѣроятно, чпо полюбится,
 »но не вѣрно. . . . Елену видѣлъ я
 »въ шапрѣ у Царицы: она сидѣла
 »между маперью и бабкою на золо-
 »помъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ
 »въ бархатной одеждѣ съ кружевами; въ
 »шапкѣ украшенной каменьями драгоцѣн-
 »ными. Опецъ велѣлъ ей вспапъ, сняпъ
 »съ себя верхнюю одежду и шапку; вы-
 »мѣрилъ ея ростъ деревцомъ и подаль
 »мнѣ сію мѣрку, чптобы сличитъ съ дан-
 »ною опъ Государя. Елена предеспна, но
 »не чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько
 »бѣлнпся; глаза у нее черные, носъ не
 »большой, волосы крашеные; спаномъ
 »пряма, но слишкомъ спонка опъ моло-

»доспн; нбоней полъко 10 лѣпъ; и въ Г.
 »лицѣ не довольно полна. Спаршій братъ 1598
 »Вленинъ гораздо благовиднѣе.« Ташищевъ 604.
 »хотѣлъ везти въ Москву невѣспу и же-
 »миха, говоря, чпо первая бѣдспъ жинп
 »до совершенныхъ лѣпъ у Царицы Маріи,
 »училпся языку и навикапъ нобычаямъ
 »Русскимъ. Оппустивъ съ нимъ Хоздроя,
 »Юрїй удержалъ Елену до новаго Посоль-
 »спва Царскаго, и нптъмъ избавилъ себя
 »опъ слезъ раддуки безполезной: нбо Еле-
 »на уже не наша бы въ Москвѣ своего
 »жениха злосчастнаго! Ташищевъ дол-
 »женъ былъ оставитъ и Хоздроя, для его
 »безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ,
 »чпо случилось въ Дагеспанѣ, гдѣ Турки
 »оптсптили намъ съ лнхвою за геройспво-
 »Московскихъ Спръльцевъ въ Иверїи, и гдѣ
 »въ нѣсколько дпей мы лишились! всего, Даг-
 »кромъ добраго имени воинскаго! Бѣд-
 »спнѣ
 »Россі-
 »анъ въ
 »Дагес-
 »спанѣ.

Отношенія Росети къ Конспаншино-
 »полю были спранны: Турки въ Иоанно-
 »во время бѣзъ объявленія войны при-
 »спупали къ Аспрахани, а въ Феодорово и
 »къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма;
 »а Цартеще увѣрjali Сулпанова въ дру-
 »желюбіи⁸⁶; удѣляярь о симъ испрїапель-
 »скимъ дѣйствїямъ какъ ошибкѣ или не-
 »доразумѣнїю. Утѣсенный нами Шавкаль,
 »опнпзоръ до лѣтѣ 1600! лнчнпшнана чїкѣ ко

Т. тщетно ожидая вспоможенія отъ Аб-
 1598 баса, искалъ защиты Магомета III, копо-
 604 рый вольнъ Дербенпскому и другимъ Па-
 шамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ
 изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки
 соединились съ Кумыками, Лезгинцами,
 Аварами, и весною въ 1605 году присту-
 пили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь
 Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ:
 ибо полки, ушедшіе зимовать въ Аспра-
 хань, еще не возвратились. Долгорукій за-
 жегъ крѣпость, съѣлъ на суда и моремъ
 приплылъ въ городокъ Терскій⁹⁷; Па-
 ши осадили Бушурлина въ Таркахъ. Сей
 Воевода, уже спарецъ лѣтними, славился
 доблестію: худо отражаемый спявою,
 еще недоспроенною, лопъ потерялъ много
 людей, но опразилъ нѣсколько присту-
 повъ. Часы спяныя разрушилася и ка-
 менная башня, подорванная порождатци-
 ми, взлетѣла на воздухъ съ мучительною
 дружиною Московскихъ Спрѣтцавъ⁹⁸. Бу-
 шурлинъ еще мужествовалъ, однакожь
 видѣлъ невозможность держати городъ,
 слушалъ предложенія Суданскихъ чи-
 новниковъ, колебался наконецъ, вопреки
 мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спа-
 сши хотя одно войско. Главнѣй Паша самъ
 былъ у него въ спавкѣ, и провиди и кляд-
 ся ему выпустить Россіянъ съ честію,

свѣдосивъ хитрости надѣлилъ вѣрными и ну-
 1598 ными запасами. Но въ родомныѣ Кумыки,
 604 давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпо-
 сти до степи, вдругъ окружили ихъ и
 начали спрашивать кровопроливіе. Пышутъ,
 что добрые Россіяне единодушно обре-
 ли себя на олавную гибель; бились съ не-
 пріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ
 рукопашъ, человекъ съ человекомъ, одинъ
 съ другимъ: болѣе во смерти, на паѣна.
 Изъ первыхъ, въ глазахъ опца, палъ сынъ
 главнаго начальника, Бушурлина, прекра-
 снѣйшій юноша; за нимъ его спарецъ роди-
 тель; также и Воевода Плещевъ съ
 двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ,
 кромѣ тяжело-уязвленнаго Князя Влади-
 міра Вахшьярова и другихъ немногихъ,
 взятыхъ за-мертво непріятелемъ, но по-
 сль освобожденныхъ Султаномъ. — Ся
 битва несчастная, хотя и славная для
 побѣжденныхъ, спосила намъ отъ мести
 до семи тысячъ воиновъ, и на 118 тысячъ
 изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ
 Дагестанѣ. Тапшцевъ возвратился уже въ но-
 вое царствованіе, и Борсь⁹⁹, не живъ въ
 времени (Узунташа) о возведеніи ошцеуби-
 ны Мусулманна на престолѣ Иверіи,
 до конца дней своихъ бить другомъ Абба-

Г. су, какъ врагу ивнанаго, опаснаго врага
 1598! твоего, Султана, противъ коего мы
 — 604. ревностно возбуждали тогда и Азію и
 Европу. Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею
 Борисъ изъявлялъ желаніе, чпобы все
 Дру- же-ство Христіанскія Державы единодушно воз-
 съ Ав-спали на Опшманскую. «Не только
 глаго. »Послы Императора и Римскіе¹⁰⁰ — пи-
 салъ онъ къ Елисаветѣ — «но и другіе
 иноземные путешественники увѣряли
 насъ, что ты будешь бы въ тѣсной свя-
 зи съ Султаномъ: мы дивились и не вѣ-
 рили. Нѣтъ, ты не будешь никогда
 дружить злодѣямъ Христіанства, и
 конечно приспавешь къ общему союзу
 Государей Европейскихъ, чпобы уни-
 зить высокую руку невѣрныхъ: цель
 достойная себя и всѣхъ насъ!» Но Ели-
 савета имѣла въ виду только выгоды
 своего купечества, и для того ласкала
 самолюбію Царя знаками чрезвычайнаго
 къ нему уваженія. Посланника нашего,
 Дворянина Микулина, встрѣшили въ Лон-
 донѣ съ необыкновенною честью: въ га-
 вани и въ крѣпости стрѣляли изъ пу-
 шекъ, когда онъ (18 Сент. 1600) плылъ
 Темзою и ѣхалъ городомъ въ Елисавети-
 ной каретѣ, провождаемой шрема шрами

чиновныхъ всадниковъ, Аддерманами, куш-
 1598! цами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ
 — 604. цѣпяхъ¹⁰¹. Улицы были тѣсны для мно-
 жества зрителей. Знаменитому госпоу, въ
 одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона,
 служили Королевины люди: Елисавета
 прислала ему изъ своей казны блюда, ча-
 ши и кубки серебряные. Угадывали и
 спѣшили исполнять его желанія; но онъ
 велъ себя умно и скромно: за все благо-
 дарилъ и ничего не претовалъ. Предна-
 вленіе было въ Ричмондѣ (14 Октябрия):
 Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько
 шаговъ спустила на встрѣчу Посланнику:
 славилъ воцареніе Бориса, своего брата
*сердечнаго, издавна милостиваго къ Ан-
 гличанинъ*; говорила, что *ежедневно мо-
 лится о немъ Богу*; чпобы имѣеть друзей
 между Государями Европейскими, но ни-
 кого изъ нихъ не любиеть споль вседуш-
 но, какъ Самодержца Россійскаго¹⁰²; чпобы
 одно изъ ея главныхъ удовольствій еспь
 исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ
 у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ
 нею: Лорды и знатные чиновники не
 сажались; она споя пила *виноу Борисову*.
 Приглашаемый быеть зрителемъ всего
 любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ
 Рыцарскія игры въ день восшествія на

1598
— 604.

Е. пресполю Елисавету, праздникъ Орден-
скій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви
Св. Павла и торжественный въездъ Ко-
ролевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ
факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми Пе-
рами и царедворцами, среди безчисленна-
го множества гражданъ, исполненныхъ
усердія и любви къ своей Монархинѣ.
Елисавета всѣмъ благодарила Микулина за
его присущество, и въ ласковыхъ съ нимъ
бесѣдахъ никогда не забывала хвалить
Бориса и Россіянь. Пльщенный ея мило-
спями, сей Посланникъ имѣлъ случай
оказать ей свое усердіе. Въ день ужас-
ный для Лондона (18 Февраля 1601), ко-
гда несчастный Эсекъ, дерзнувъ объ-
явить себя мятежникомъ, съ пятыю
стами преданныхъ ему людей шелъ овла-
дѣть крѣпостію — когда всѣ улицы, за-
мкнутыя цѣпями, наполнились воинами и
гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ
вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами воору-
жился для спасенія Елисаветы, какъ са-
ма она, упишавъ бунтъ, писала къ Ца-
рю, славя доблесть его сановника¹⁰³. —
Однимъ словомъ, сіе Посольство утвер-
дило личное дружество между Борисомъ
и Королевою. Хотя Елисавета, будучи
врагомъ Испаніи и Австріи, не могла

1598
— 604.

принявъ мѣсяи Борисовѣю новозыкре-
сповомъ Походѣ или побѣдѣ всѣхъ дер-
жавъ Христіанскихъ для изгнанія Тур-
ковъ изъ Европы, но удостовѣрила его
въ томъ, что никогда не мыслила въ
вспоможенія Султану, и что ревностно
желаетъ успѣха Христіанскому оружію.
Царь имѣлъ и другое сомнѣніе: оны слы-
шала, что Англія благопріятствуетъ
Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Пра-
вительствомъ; но Елисавета старалась дока-
затьъ ему, что и Вѣра и Политика пред-
писываютъ ей усердствовать Карлу. До-
вольный сими объясненіями, Борисъ далъ
новую жалованную грамоту Англичанамъ
для свободной, безпошлинной торговли
въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ
приставъ Посланника Елисаветина, Ричар-
да Ли¹⁰⁴, коего главнымъ дѣломъ было
увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать
его добродѣтели. «Вселенная полна сла-
вы швоей,» писалъ къ нему Ли, възвѣщая
изъ Россіи: «ибо ты, сильнѣйшій изъ
Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая
чужаго. Враги хотѣли бытъ съ тобою
въ мирѣ отъ страха, а друзья въ сою-
зѣ отъ любви и довѣренности. Когда бы
всѣ Христіанскіе Внценоscopy мыслили
подобно тебѣ, тогда бы царствовала

Г. «ципина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни Папа не могли бы возмущить ея спокойствія.» Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знашой, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестными и достоиспывами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавиць Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго Теодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣрля, что многіе великіе Государи пребуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, споль знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнію къ Россіи, успранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англією и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I¹⁰⁵, не замедлил извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англією, и писалъ: «наслѣдовавъ пресполь моей пешки, желаю наслѣдовать и пвою къ ней любовь.» Посоль Іакова, Тома Смишъ, (въ Октябрь 1604) предспавивъ Борису въ

даръ великрѣпную кароліу и нѣсколько орудовъ серебряныхъ¹⁰⁶, сказалъ ему, что «Король Англіійскій и Шотландскій, сильный воинепвомъ, морскимъ и сухопутнымъ, и еще сильнѣйшій любовію: нардною, илютько одного Московскаго Внценосца прѣсипъ о дружбѣ; ибо все нныѣ Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, пребуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ споль пжно и споль горестиво оплакалъ.» Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ пакой сердечной любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда оспаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпшленно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ пребовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Воспочныя земли для опысканія пути въ Кипай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, роколо мыса Доброй Надежды; къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оспавляютъ на дупи слѣ-

Г) дьяволы. Болре: удоспозврили: Посла
 15981
 44604
 ви: неизмѣнной: силы: мидоспивыкъ: гра-
 мотпу: данныхъ: Царемъ: госпямъ: Лондон-
 скимъ: но: объявили: что: жестокая: вой-
 на: поглавпъ: на: берегахъ: Каспійскаго: мо-
 ря: что: Аббасъ: приспущаетъ: къ: Деръ-
 беншу, Багъ: и: Шаахъ: что: Царь: до: вре-
 мени: не: можетъ: пустить: шуда: Англи-
 чанъ: для: ихъ: безопасности. Съ: такимъ
 ошвъпомъ: Смишъ: выѣхалъ: изъ: Москвы
 (20 Марта: 1605). Уже: не: было: рѣчи: о
 государспвенномъ: союзѣ: Англии: съ: Рос-
 сією; одна: торговля: служила: твердою
 связію: между: ими; будучи: равно: выгод-
 ною: для: обѣихъ.

Предпочпительно: благопріятелвуя
 сей: торговль, какъ: важнѣйшей: для: Рос-
 сіи, Борисъ: не: усомнился: однакожъ: дать:
 и: Нѣмецкимъ: госпямъ: права: новыя. Еще:
 не: довольная: Феодоровою: жалованною: гра-
 мотпою, Ганза: прислала: въ: Москву: Люб-
 скаго: Бургомистра: Гермерса, прехъ: Рапс-
 теровъ: и: Секретаря: своего, и: копорые
 (3: Апрелья: 1605) поднесли: въ: даръ: Госу-
 дарю: и: сыну: его: липшыя: серебряныя, въ-
 золоченныя: изображенія: Фортуны, Ве-
 неры, двухъ: большихъ: орловъ, двухъ: ко-
 ней, льва, единорога, носорога, оленя,
 спруса, пеликана, грифа: и: павлина¹⁰⁷.

Кушцевъ: приняли: какъ: знапатвйшихъ: р.
 Вельможъ: пугостили: обвдомъ: на: золотъ. 1598
 Опъ: имени: плтидесити-десяти: Нѣмец-
 кимъ: союзныхъ: городов: они: вручили:
 Волрамъ: (зелобитную), писанную: убедит-
 тельно: и: смиренно. Въ: ней: было: скава-
 жорчпо: древноспы: ихъ: торговли: въ: вѣ-
 шивъ: отпечетель: исчисленпо: ше: годами,
 а: етполвптіями; что: въ: самыя: отдален-
 ныя: времена, когда: Англичане, Голланд-
 цы, Французы: едва: звали: имя: Россіи;
 Ганза: доставляла: ей: все: нужное: и: пріятнѣ-
 ное: для: жизни: гражданской, и: за: по-
 некоторіе: пользовалась: благоволеніемъ: Деръ-
 жодныхъ: предковъ: Царя; правами: и: вы-
 годами: исключительными: съ: возвраще-
 нія: сихъ: правъ: молила: Ганза, олавл: Бо-
 риса; желала: торговли: безошпльной; ко-
 нила, чтобы: онъ: дозволилъ: ей: свободно:
 купечествовать: и: въ: приспаняѣ: Сѣвер-
 наго: моря: въ: Колмогорахъ, въ: Архан-
 гелскѣ, и: далъ: госпінные: дворы: въ: Но-
 въгородѣ, Псковѣ, Москвѣ; съ: правомъ:
 имѣть: тамъ: церкви; какъ: въ: юспарину:
 бывало: претовала: язскихъ: лошадей: для:
 перевоза: своихъ: товаровъ: швы: мѣста: въ:
 мѣсто; и: прочее: Царь: сказалъ: что: въ:
 Россіи: беруптъ: таможенную: пошлину: съ:
 кушцевъ: Императора, Королей: Испанска-

1598
1604
Г. го, Французскаго, Липовскаго, Данскаго, и что жили вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны плащити все, какъ и весь, но щир половина ея, въ знакъ милосердія, уступается Любчанамъ. Ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, а для коихъ ничто не облызывается, были ополь безкорыстными; и что еди же Любчане избавляющаи оупъ, всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣны свои повары по совѣсти; что Ганзъ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купити или завести голландскіе дворы въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра перлима въ Россіи, но строити церквей не дозволяется ни Каполикамъ, ни Люперанамъ; и что въ семъ отказано знаменитымъ Вѣденосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества; а единственно для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Юня), съ прибавленіемъ, что имѣніе господей умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для Казны и въ цѣлости отдаются ихъ наследникамъ; и что

1598
1604
Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ доверять вино Русское, пиво и медь для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ кучахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ сповы. Съ сею жалованною грамотою Послы выѣхали въ Новгородъ, представляли ея тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Рословскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, шакъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливы: градоначальникъ немедленно отвѣлъ имъ, на берегу рѣки Великой, вѣтъ города, мѣсто стараго господина двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цѣлующей торговли въ знаменитой Ольгиной рощѣ. Жители радовались не менѣ Любчанъ, вспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, оупъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Осправивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Коншоры въ Новгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и поварищи его, съшли обрадовавъ Любекъ успѣхомъ своего дѣла — и въ 1604 году корабли Гам-

П бургскіе уже начали приходити въ Архангельскъ¹⁰⁹, и они, какъ и они, ашек
 1598:1
 — 604.
 По- Между Европейскими Посольствами
 соль- замѣнимъ еще Римскія и Флорентійское.
 спла Въ 1601 году была въ Москвѣ Нунцій
 Рин- Климентя VIII, Францискъ Коспа и Ди-
 скія скія Миранда, а другіе въ 1603 году,
 Фло- требуя дозволенія ѣхать въ Персію¹¹¹.
 рен- Царь присылъ имъ дашъ еуда, и чинобы
 ній- йяны въ Волгою въ Астрахань. — Ферди-
 ское. ландъ, Великій Герцогъ Тосканскій и
 Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ
 Властителей славнаго рода Медичеовъ,
 великодушный другъ Генрика IV, присы-
 лалъ къ Борису (въ Марѣ 1602) чинов-
 ника Авраама Люса, съ предложеніемъ сво-
 ихъ услугъ для вызова въ Россію людей
 ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ,
 и для доставленія ей богатыхъ есте-
 ственныхъ произведеній Испалія, особен-
 но мрамора и дерева драгоценнаго, а мо-
 реть черезъ наши Двинскія гавани¹¹².
 Греки Не имѣя никакого сношенія съ Маго-
 въ Мо- метомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ах-
 скед. метомъ I¹¹³, мы узнавали все происше-
 ствія Константинопольскія отъ Грече-
 скихъ Священителей, которые не преста-
 но являлись въ Москвѣ за милосердіемъ,
 съ иконами и съ благословеніемъ Папирі-

арховъ. Еще Юаннъ далъ Афонской Ве- Г.
 денской Обители дворъ въ Кишаѣ городѣ 1598
 у монастыря Богоявленскаго, гдѣ при- + 604.
 ставали ел снранники-Инокіи и другіе
 Греки, искавшіе службы въ Россіи¹¹⁴.
 Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ еди-
 новѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ
 внутренимъ состояніи Ошпидманской
 Имперіи удостовѣрили Бориса въ безо-
 насности съ ея стороны, по крайней мѣ-
 рѣ на нѣсколько времени.
 Государственная хитрость Бориса¹¹⁵ Дѣла
 ва, по словамъ Лыбиписца, всего уснѣш- Ногай-
 нѣ дѣйствовала въ Ногайснихъ Улусахъ скія.
 ослабленныхъ и разоренныхъ междоусок-
 біемъ и ихъ Властителей, и новыя будуще
 бы ссорили Намѣстники Астраханскіе¹¹⁶.
 Вопреки Лыбиписцу, бумаги государ-
 ственныя представляють Бориса и мир-
 иворцевъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ глав-
 наго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго
 коу, который со времени знаменитаго
 отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда
 одного Князя и апрехъ чиновниковъ Вла-
 стителей. Нуръдына и Тайбугули Кокува-
 ца¹¹⁷, по тогда повинорался двумъ Княз-
 ямъ, Ишиперку, сыну Дивъ-Ахилпову, и
 Янарслану, Урусову сыну, исполненнымъ
 ненависти другъ ко другу. На приказъ
 4*

Г 1598
— 604
Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ ошвѣчалъ: «Царь Московскій желаетъ чуда: велитъ овцамъ дружилъся съ волками и пить воду изъ одной проруби!» Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, прѣхалъ въ Аспрахань, собралъ шамъ (въ Ноябрь 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Ишперекъ первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него кляпвенную грамоту въ помъ, чтобы ему и всему Исмаилову племени служилъ Россіи и билъся съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давалъ никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева, не имѣлъ войны междоусобной, не сносился съ Шахомъ, Султаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, *Ташкентцами*, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевалъ въ степяхъ Аспраханскихъ у моря, по Тереку, Кумъ и Волгѣ около Царицына — перезвалъ къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣлъ имъ, чтобы ошъ моря Чернаго до Капійскаго и далѣе, на Воспокъ и Сѣверъ, не было въ степяхъ иной Орды Ногайской; кромъ Ишперековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ, ошдѣлся

ошъ Волжскаго и кочулъ близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ ошъ Турковъ и Крымцевъ, часто искалъ милости въ Царѣ, общалъ служилъ Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ; чтобы унять или совершенно испребилъ его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогать Ишпереку, и приславъ ему въ даръ богашую саблю, писалъ: «она будетъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи или на швоей собственности.» Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно пѣсилъ Ногаевъ Азовскихъ, пакъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Аспрахани. — Третій Ногайскій Улусъ¹¹⁶, именуясь *Алтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ пѣсной связи съ Бухарією и съ Хивою: Ишперекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодною въ торгowlъ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Ногаямъ мирно купечествовать въ Аспрахани, освобождалъ ихъ ошъ всякой пошлины.

Предсавивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіятской — Политики во-

Г. обще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной* — предпринимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи.

Жалованная грамота Патриарха. Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патриарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Миширополиту Аванасію, такого содержанія, что все люди Первосвященства, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тиуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патриаршаго; увольняюща также отъ всякихъ податей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его¹¹⁷.

Законъ о крестьянахъ. Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или избыточныхъ, какъ мы сказали¹¹⁸, имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства: владѣль-

цы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись¹¹⁹. Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отменить закона благоумѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ владѣльцамъ господъ малочинныхъ, Дѣшей Болрскихъ и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не вѣтъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ Бояръ, Дворянъ, знатныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Священническимъ, монастырскимъ вѣлѣтъ оставаться безъ перехода на означенный 1601 годъ¹²⁰. Увѣряютъ, что измѣненіе успѣва древняго и непердоспѣ новаго, возбуди въ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка¹²¹ не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастливая спрассъ къ крѣпкимъ нацип-

1598
— 604.Дѣла
внутри
решилъЖалованная
грамота
ПатриархаЗаконъ
о крестьянахъ1598
— 604.— II
— III
— IV

г. камъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно училищами Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское пресуиленіе¹²². Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Феодорово время существовали въ большихъ городахъ казенные питейные дома, гдѣ продавалось и вино хлѣбное¹²³, неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства: Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщавъ дать имъ земли, если они желаютъ заняться хлѣбопашествомъ¹²⁴: но хотѣвъ шѣмъ, какъ пишутъ, воздержавъ народъ отъ спра- сии равно вредной и гнусной, Царь не могъ испребить корчемства, и самые казенные питейные дома, наперерывъ

Питей-
ные
дома.

откупаемые за высокую цѣну, служили Г. мѣспомъ разврата для людей слабыхъ. 1598
— 604. Въ усердной любви къ гражданско-Лю-
му образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ Бор-
древнѣйшихъ Ввнценосцевъ Россіи, имѣвъ сова
намѣреніе завести школы и даже *Уни-*капро-
*верситеты*¹²⁵, чтобы учить молодыхъ лю- свѣще-
Россіанъ языкамъ Европейскимъ и *Нау-*къ ино-
камъ: въ 1600 году онъ посылалъ въ царь.
Германію Нѣнца, Іоанна Крамера, уполномо-
чить его искать шѣмъ и привезши въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многіхъ ревностныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ Генварѣ 1601): «Ваше Царское Величество хоти-
те быть истиннымъ опцемъ опечесства и заслужить всемірную, безсмертную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое, новое для Россіи: просвѣ-
щеніе умъ вашего народа несмѣннаго, и шѣмъ возвысить его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуществомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима и знаменитыхъ Державъ Европейскихъ, цвѣтущихъ Искусствами и Науками благородными.» Сіе важное намѣреніе не испол-
нилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ

Г. позраженій Духовенства, которою пред-
 1598
 604. ставило Царю, что Россія благодарна
 спивуешь въ мирѣ Единствомъ Закона и
 языка; что разность языковъ можетъ
 произвесть и разность въ мысляхъ, опа-
 сную для Церкви¹²⁷; что во великомъ слу-
 чаѣ неблагоуразумно ввести учение ино-
 шества Капюликамъ и Лютеранамъ. Но
 оставивъ мысль заводить *Университетъ*
 въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ
Боярскихъ людей въ Лондонъ, въ Любекъ
 и во Францію, учиться языкамъ инозем-
 нымъ, такъ же, какъ молодые Англича-
 но и Французы ѣздили тогда въ Москву,
 учиться Русскому. Умомъ еспешивеннымъ
 понявъ великую важность, что народное
 образование есть сила государственный,
 и видя несомнительное въ ономъ превосхо-
 дство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ
 къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи
 не только лекарей, художниковъ, реме-
 сленниковъ, но и людей чиновныхъ въ
 службу. Такъ Посланникъ нашъ, Мику-
 динъ, сказалъ въ Лондонѣ премо путеш-
 ствующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что
 если они желаютъ, изъ любопытства
 видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ
 естъ приметъ ихъ и съ честию отпу-
 ститъ; но если, любя славу, хотятъ

служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ Г.
 воинскомъ, наравнѣ съ Князьями Владѣ-
 1598
 604. шельными, то удивится его ласкѣ и ми-
 лости¹²⁷. Въ 1601 году Борисъ съ оп-
 тымнымъ благоволеніемъ принялъ въ Мо-
 сквѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ,
 изгнанныхъ изъ опечества Поляками.
 Они не смѣли итти во дворець, будучи
 худо одѣты: Царь велѣлъ сказать имъ:
 «хочу видѣть людей, а не плашь»; объ-
 далъ съ ними; угѣшалъ ихъ и пронуль
 до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ
 вмѣсто отца: Дворянъ сдѣлаеть Князь-
 ями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому,
 сверхъ богатыхъ пѣканей и соболей, при-
 стойное жалованье и помѣстье¹²⁸, не пре-
 будя въ возмездіе ничего, кромѣ любви,
 вѣрности и молитвы о благоденствіи его
 Дома. Знавшійшій изъ нихъ, Тизенгау-
 зенъ, клякса именовъ всѣхъ умереть за
 Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ уви-
 димъ, не обманули Царя, съ ревностию
 вступивъ въ его Нѣмецкую дружину.
 Вообще благосклонный къ людямъ ума
 образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ
 своихъ иноземныхъ Медиковъ¹²⁹; ежене-
 дне видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣ-
 лахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто
 просилъ ихъ за него молиться, и только

Г. въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Люшеранской церкви въ Слободѣ Яузской. Паспоръ сей церкви, Маршинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: «мирно слушалъ ученіе Христіанское и поржественно славословя Всевышняго по обрядамъ Вѣры своей, Нѣмцы Московскіе плакали оупъ радости, что дожили до такого счастья!»

Признавательность иноземцевъ къ милостіямъ Царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый, Фидлеръ, жишель Кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово¹⁵⁰, которое читала Европа, и въ космъ Орапоръ уподобляетъ своего Героя Нумъ, превозносилъ въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и чистоту нравовъ. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ успавовъ церковныхъ и правилъ благочинія, презвѣй, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родителъ нѣжный, особенно къ малому, неаглядному

Похвальное слово Годунову.

сыну, котораго онъ любилъ до слабости¹⁵¹, Г. ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ величелемъ, не пускалъ никуда оупъ себя, Говоспитывалъ съ опимѣннымъ спараніемъ, даже училъ Наукамъ: любопытнымъ памяникомъ географическихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ¹⁵². Гоповя въ сынъ достойнаго Монарха для великой Державы и благовременно пріучая всѣхъ любимыхъ Θεодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходапая, заступника, умирителя¹⁵³; ждалъ его слова, чтобы оказалъ милость и спихожденіе, дѣйствуд и въ семь случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ спрасный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастьемъ доказывая, сколь неизъяснимо сляніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Но время приближалось, когда сей мудрый Власишель, достойно славимый иногда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быль истиннымъ опцемъ ошечесства, — наконецъ за благонравіе въ жизни общесвенной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ безза-

Начало блаженствій.

1598
—604.

рличность
Борисовакъ
сыну.

Г. 1598
—604
коня и сдѣлашся одною изъ удивительныхъ жерпвъ суда Небеснаго. Предпечами были внушреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдспвенные случаи, коимъ онъ еще усиленно пропиво-борспвовалъ швердоспю духа, чтобы вдругъ оказашъ себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

Г Л А В А П.

Продолженіе царствованія Борисова.

Г. 1600 — 1605.

Блестящее властвование Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гошенія. Голодъ. Новыя заданія въ Кремль. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Иезуиты. Свиданіе Лжедмитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедмитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Выпязь Басмаповъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Велшкoduшіе Борисово.

Бишва. Поляки оспавляютъ Самозванца. Честъ Г. Басмапову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада 1600 Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова. —605.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничшожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неупомимыми, хипро-спію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ споль дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благошворя подданнымъ, и шѣмъ заслуживая любовь опечештва? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царшвованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возшановленія¹⁵⁴: она была на вышней степени своего новаго могущеспва, безопасная собспвенными силами и счаспиемъ внѣшнихъ обшпательствъ, а внутри управляемая съ мудрою швердоспю и съ кропоспю не-обыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣщанія Царскаго вѣнчанія, и справедливо хопѣлъ именовашся опцемъ народа, уменьшивъ

Г. его плагоспи; опцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагрятъ земли Русской ни каплею крови, и наказывая преспуниковъ только ссылкой¹³⁶. Купечество, менѣе сипѣняемое въ торговль; войско, въ мирной пашинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милоспи опличаемые за ревностную службу; Синклипъ, уважаемый Царемъ дѣлпелльнымъ и совѣсполубивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя сосполнїа могли быти довольны за себя и еще довольнѣе за опечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азїи возвеличилъ имя Россїи безъ кровопролитїя и безъ плагоспнаго напряженїа силъ ея; какъ радѣеть о благѣ опцемъ, правосудїи, успройствѣ. И пакъ не удивилельно, что Россїя, по сказанїю современниковъ¹³⁶, любила своего Вѣнценосца, желала забыть убїенїе Димитрїя или сомнѣваясь въ ономъ!

Но Вѣнценосецъ зналъ свою пашину, и не имѣлъ упѣшенїа вѣрїпъ любви народной; благошворя Россїи, скоро началъ удаляться опъ Россїянъ; опмѣнилъ

успавъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ Г. 1600 — 605. извѣстныя дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя¹³⁷; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнилъ имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присуспствоватъ въ ихъ жилищахъ или Мо- въ мысляхъ, и не довольный обыкновен- лиша о Царѣ нною моливкою въ храмахъ о Государѣ и Государспвѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ соспавитъ особенную для чтенїа во всей Россїи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами, о душевномъ спасенїи и шѣлесномъ здравїи «Слуги Божїа, Царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей «Воспочной спраны и Сѣверной; о Царицѣ «и дѣпяхъ ихъ; о благоденспїи и пашинѣ «опечества и Церкви подъ скипшромъ еди- «наго Хриспїанскаго Вѣнценосца въ мїрѣ, «чтобы всѣ иныя Властїи пели предъ нимъ «уклонялись и рабски служили ему, вели- «чалъ имя его опъ моря до моря и до конца «вселеннїя; чтобы Россїяне всегда съ «умнленїемъ славилы Бога за шакого Мо- «нарха, коего умъ еспъ пучина мудро-

Г. 1660
— 605. »спси, а сердце исполнено любви и дол-
»гопервнїя; чпобы всё земли прене-
»пали меча нашего, а земля Русская не-
»преспанно высилась и расширлась;
»чпобы юныя, цвѣщущія вѣпви Бори-
»сова Дому возрасти благословенїемъ Не-
»беснымъ и непрерывно осѣнили оную до
»скончанїя вѣковъ«¹³⁸! То есть, святое
дѣйствїе души человѣческой, ея пани-
спвенное сношенїе съ Небомъ, Борисъ
дерзнулъ осквернить своимъ пщеславі-
емъ и лицемѣремъ, заспавивъ народъ
свидѣтельспвовать предъ Окомъ Всеви-
дящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губи-
теля и хищника!... Но Годуновъ, какъ
бы не спрашась Бога, шѣмъ болѣе спра-
шился людей, и еще до ударовъ Судьбы,
до измѣнъ счастья и подданныхъ, еще
споконный на престолѣ, искренно сла-
вимый, искренно любимый, уже не зналъ
мира душевнаго; уже чувспвовалъ, что
если пушемъ беззаконїя можно достиг-
нуть величїя, то величїе и блаженспво,
самое земное, не одно знаменующь.

Сїе внутреннее безпокойспво души,
неизбѣжное для преспупника, обнаружи-
лось въ Царѣ несчастными дѣйствїями
подозрѣнїа, которое, превожа его, скоро
вспревожило и Россїю. Мы видѣли, чпо

Подозрѣнїя
Борисовы.

онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова,
уже мечпалъ о шайныхъ ковахъ про- Г.
пивъ себя, ядѣ, чародѣйспвѣ¹³⁹: ибо 1600
— 605.
еспспвенно думалъ, чпо и другїе, подоб-
ные ему, могли имѣть жажду къ верховной
власпн, лицемѣрїе и дерзость. Нескром-
но открывъ болзнь свою, и взявъ съ Рос-
сїянъ кляпву поспыдную, Борисъ споль
же еспспвенно не довѣрлалъ ей: хотѣлъ
быть на спражѣ неусыпной, все видѣть
и слышать, чпобы предупредилъ злые
умыслы; воспановилъ для того бѣд-
спвенную Іоаннову сиспему доносовъ и
ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства,
Вельможъ сонму гнусныхъ извѣпниковъ.

Первою знаменипою жершвою подо-
зрѣнїа и доносовъ былъ поупъ, съ кѣмъ
Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу,
кто охотно дѣлилъ съ нимъ милоспъ
Іоаннову и спспралъ за него при Теодо-
рѣ¹⁴⁰ — свойспвенникъ Царицы Марїи, Гоне-
нїл.
Бѣльскїй. Спасенный Годуновымъ отъ зло-
бы народной во время Московскаго мяте-
жа, но оставленный надолго въ честпной
ссылкѣ, — снова призванный ко Двору,
но безъ всякаго опличїя, и въ самое цар-
спвованїе Бориса удоспвоенный полько
впороспеленнаго Думнаго сана, сей глав-
ный любимецъ Грознаго, считалъ себя

Г. 1600
—605. ¹⁶⁰⁰ благодѣтелемъ Годунова, могъ бытъ или казашься недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣлъ еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строити новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго¹⁴¹, безъ сомнѣнія не въ знакъ милосердія; но Бѣльскій, спыдѣсь представлялъ лице уничиженнаго, ѣхалъ въ опшдаленныя пустыни какъ на знапнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложити городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Спирѣльцевъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не пребудъ ничего отъ Государя. Слѣдствиемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милосердію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: »Борисъ Царь въ Москвѣ; а я Царь въ Борисовѣ«¹⁴²! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неоспорожномъ

словѣ Бѣльскаго, приняли за испину Г. 1600
—605. (ибо Годуновъ желалъ избавитиься отъ спаришаго, безпокойнаго друга) — и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершнія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и започенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожигъ тамъ до случая отпѣстиъ неблагодарному хопилу въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюпы Скурапова былъ ненавистенъ Россіянамъ спрашными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ неприязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временникѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знапныхъ родовъ и для всего опечесства.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Ники-

Г: ша Романовичъ, доспойный сей любви и личными благородными качесвами, оставилъ 5 сыновей: Феодора, Александра, Михайла, Ивана и Василия, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова бытъ имъ вмѣсто отца¹⁴³. Чеспя ихъ наружно — давъ старшимъ, Феодору и Александру, Боярство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иривѣ¹⁴⁴ — Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Феодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наследникомъ Государства¹⁴⁵: молва, вѣрояшно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анаспаси и двоюродными братьями Феодора, казались народу ближайшими къ пресполу. Сего было достачочно для злобы Борисовой, усиленной басказами родспвенниковъ Царскихъ¹⁴⁶; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, члюбы личиною закона прикрытъ злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя ошъ ненавистныхъ ему людей въ Феодорово время. На-

дежнѣйшими извѣпниками считались Г. тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предапельствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Феодора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхопелствѣ къ Вѣнценосцу¹⁴⁷: Шестунова еще не пропнули, но всенародно, на площади, сказали клеветнику *милостивое слово Государево*, дали вольность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клеветникъ новаго тиранства, новый Малюта Скураповъ, Вельможа Семень Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжесство: подкупилъ казначея Романовыхъ¹⁴⁸, далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спряпать въ кладовой у Боярина Александра Никипича и донести на своихъ господѣ, что они, тайно занимаясь соспавомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Варугъ едѣлаеъ въ Москвѣ преревога: Синклишь и всѣ значные чиновники слѣшашъ къ Патриарху; посылають Окольничаго Михайла Салпыкова для обыска въ кладовой у Боярина Алек-

Г. сандра; находящъ памѣ мѣшки, несутъ
 1609 къ Юву, и въ присутствіи Романовыхъ
 —605. высыпаютъ коренья, будто бы волшеб-
 ные, изготовленные для отравленія Ца-
 ря. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усерд-
 ные подобно Римскимъ Сенаторамъ Ти-
 беріева или Неронова времени, съ воплемъ
 кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ
 дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требу-
 ютъ отвѣта и не слушаютъ его въ
 шумѣ. Отдають Романовыхъ подъ крѣп-
 кую стражу и велѣтъ судить, какъ су-
 дить беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ
 Борисова ожесточенія и безстыдства. Не
 только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ
 ближнимъ надлежало погибнуть, чѣобы
 не осмалось мстителей на землѣ за не-
 винныхъ спрдаальцевъ. Взяли Князей Чер-
 касскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпинныхъ,
 Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ
 послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича,
 Намѣстника Астраханскаго, привезли въ
 Москву скваннаго съ женою и сыномъ.
 Допрашивали, ужасали пыпкою, особен-
 но Романовыхъ¹⁴⁹; мучили, перзали слугъ
 ихъ, безжалостно и бесполезно: никто
 не ушѣнилъ пирана клеветною на само-
 го себя или на другихъ; вѣрные рабы

умирали въ мукахъ, свидѣтельствовалъ единъ Г.
 снвенно о невинности господъ своихъ¹⁶⁰⁰
 —605. предъ Царемъ и Богомъ. Но суди не дер-
 зали сомнѣваться въ истинѣ преступ-
 ленія, столь грубо вымышленнаго, и
 прославили неслыханное милосердіе Царя,
 когда онъ велѣлъ имъ осудить Романо-
 выхъ, со всѣми ихъ ближними, единс-
 венно на започеніе, какъ уличенныхъ въ
измѣну и въ злодѣйскомъ намѣреніи из-
 вести Государя средспвами волшебства.
 Въ Юнѣ 1601 года исполнился *приговоръ*
*Боярскій*¹⁵⁰: Феодора Никишича Романова,
 (будущаго знаменитаго Іерарха), поспри-
 женнаго и названнаго Филаретомъ, сосла-
 ли въ Сійскую Антоніеву Обитель; су-
 пругу его, Ксенію Иванову, также по-
 сприженную и названную Марою, въ
 одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; шещу
 Федорову, Дворянку *Шестову*, въ Чебок-
 сары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь;
 Александра Никишича въ Усолье Луду, къ
 Бѣлому морю; претяго Романова, Ми-
 хайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую
 волость; чепверпаго, Ивана, въ Пельмъ;
 пятаго, Василья, въ Яренскъ; злпа ихъ,
 Князя Бориса Черкаскаго, съ женою и
 съ дѣтьми ея брата, Федора Никишича,
 съ шестилѣтнимъ Михайломъ (будущимъ

Г. Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣло-
 1600 озеро¹⁵¹; сына Борисова, Князя Ивана, въ
 —605 Малмыжъ на Вяшку; Князя Ивана Василь-
 евича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь,
 а жену его въ пуспыню Сумскаго Оспрога;
 другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра
 Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей Рѣп-
 ниныхъ въ темницы разныхъ городовъ:
 одного же изъ послѣднихъ, Воеводу Ярен-
 скаго, будто бы за расхищеніе Царскаго
 достоянія, въ Уфу¹⁵². Вопчины и по-
 мѣстья опальныхъ роздали другимъ;
 имѣніе движимое и дома взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкой и
 лишеніемъ собственности: не вѣря усердію
 или спросогости мѣстныхъ пачальниковъ,
 послали съ несчастными Московскихъ
 Приспавовъ, коимъ надлежало смотрѣть
 за ними неусыпно, давать имъ нужное
 для жизни и доносить Царю о каждомъ
 ихъ словѣ значительномъ. Никто не
 смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ *измѣн-
 никовъ*, ни ходитъ близъ уединенныхъ
 домовъ, гдѣ они жили, вѣвъ городовъ и
 селеній, вдали отъ большихъ дорогъ;
 нѣкоторые въ землянкахъ, и даже ско-
 ваные. Въ монастырь Сійскій не пуска-
 ли богомольцевъ, чптобы кто нибудь изъ

нихъ не доставилъ письма Ѳедору Ни-
 кипичу, Инокѣ невольному, но ревност-
 1600 ному въ благочесіи: коварный При-
 —605 спавъ, съ умысломъ заговаривая ему о
 Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доно-
 сить Царю, что Филаретъ не находишь
 между Болрами и Вельможами ни одного
 весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ го-
 сударственнымъ, кромѣ опальнаго Богда-
 на Бѣльскаго, и считаешь себя жертвою
 ихъ злобныхъ наветовъ¹⁵³; что хотя за-
 нимается единственно спасеніемъ души,
 но покусеть о женѣ и дѣтяхъ, не зная,
 гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и мо-
 ля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдствен-
 ной жизни (Богъ не услышалъ сей мо-
 липвы, ко счастью Россіи!). Донесла
 также Царю, что Василій Романовъ,
 опягченный болѣзнію и цѣпами, не хо-
 пѣлъ однажды славить милосердія Бори-
 сова, сказавъ Приспаву: «испінная до-
 бродѣтель не знаетъ щеславія.» Но Бо-
 рись, какъ бы желая доказать узнику
 истину своего милосердія, велѣлъ снать
 съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій
 гнѣвъ Приспаву, излишно ревностному
 въ угнетеніи опальныхъ, — перевезти
 недужнаго Василія въ Пельмъ къ брату
 Ивану Никипичу, лишенному движенія

Г. въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дасть имъ печальное упѣшеніе' спрдасть вмѣстѣ. 1600
—605. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никипичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ¹⁵⁴: перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы пѣжкия оковы, и старцы еще рассказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его пещицѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обильною грамошою¹⁵⁵. — Если вѣришь Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ

монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хопѣлъ уморить голодомъ и педу- 1600
—605. жнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣльствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Приспава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доснавленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ Полицки ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходапайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь милостиво указалъ Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени злодѣя) ѣхать въ Уфу на службу, опшуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Марѣ Никипишинѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ¹⁵⁶, велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Федора Никипича, въ опчинѣ Романовыхъ Юрьевского Уѣзда, въ селѣ Клинь, гдѣ, лишенный опца и мапери, но блюдомый

Г. Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній опрокъ
 1600
 —605. Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи,
 до гибели Борисова племени. Царь хо-
 тѣлъ изъявить милоспъ и Филарету¹⁵⁷:
 позволилъ ему спояпъ въ церкви на кры-
 лосъ, взяпъ къ себѣ Черница въ келлію
 для услугъ и бесѣды; приказалъ встѣмъ
 довольствоваться своего *измѣнника* (еще
 такъ называя сего мужа непорочнаго въ
 совѣспи) и для богомольцевъ ошворить
 монастырь Сійскій, но не пускать ихъ
 къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ
 (въ 1605 году) посвящить Филарета въ
 Иеромонахи и въ Архимандриты, чпобы
 пѣмъ болѣе удалили его отъ міра!

Не одни Романовы были спрашили-
 щемъ для Борисова воображенія. Онъ за-
 прещилъ Князьямъ Мспиславскому и Ва-
 силию Шуйскому жениться, думая, чпо
 ихъ дѣши, по древней знатности своего
 рода, могли бы также соспязаться съ
 его сыномъ о пресполь¹⁵⁸. Между пѣмъ,
 устраная будущія мнимыя опасности для
 юнаго Теодора, робкій губитель пре-
 лепалъ настоящихъ: волнуемый подозрѣ-
 ніями, непреспанно боясь тайныхъ зло-
 дѣевъ и равно боясь заслужить народную
 ненависть мучительствомъ, гналъ и ми-
 ловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владимі-

ра Бахпѣярова-Росповскаго, и просипилъ
 его¹⁵⁹; удалили отъ дѣль знаменишаго
 1600
 —605. Дьяка Щелкалова, но безъ лвной опалы;
 нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и
 снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ,
 и въ поже время грозилъ немилоспїю
 всякому, кпо имѣлъ обхождение съ ними
¹⁶⁰. Не было поржественныхъ казней, но
 морили несчастныхъ въ шемницахъ, пы-
 пали по доносамъ. Сонмы извѣпниковъ,
 если не всегда награждаемыхъ, по всегда
 свободныхъ отъ наказанія за ложь и кле-
 вету, спремьлись къ Царскимъ пала-
 шамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ,
 изъ монастырей и церквей: слуги доно-
 сили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки,
 просвирницы¹⁶¹ на людей всякаго званія—
 самыя жены на мужей, самыя дѣщи на
 опцевъ, къ ужасу челоѣчества! »И въ
 «дикихъ Ордахъ» (прибавляетъ Лѣтопи-
 сецъ) »не бываетъ споль великаго зла:
 »господа не смѣли глядѣть на рабовъ сво-
 ихъ, ни ближніе искренно говоритъ меж-
 ду собою; а когда говорили, по взаимно
 лобязывались спрашною кляпвою не из-
 мѣнять скромности.« Однимъ словомъ,
 сіе печальное время Борисова царспвова-
 нія, уступая Иоаннову въ кровопійспвѣ,
 не уступало ему въ беззаконіи и развра-

Г. пѣ: наслѣдство гибельное для будущаго!
 1600 Но великодушіе еще дѣйствовало въ Рос-
 —605. сїянахъ (оно пережило Юанна и Годуно-
 ва, чтобы спасти оппечество): жалѣли о
 невинныхъ спрадальцахъ и мерзили по-
 спыдными милостіями Вѣнценосца къ до-
 носителямъ; другіе боялись за себя, за
 ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣ-
 лалось общимъ. Еще многіе славилъ Бо-
 риса: приверженники, льстецы, извѣш-
 ники, упучняемые спяжаніемъ опальныхъ;
 еще значное Духовенство, какъ увѣря-
 ютъ¹⁶², хранило въ душѣ усердіе къ Вѣн-
 ценосу, который осыпалъ Священелей
 знаками благоволенія: но гласъ оппече-
 ства уже не слышался въ хвалѣ часной,
 корысполубивой, и молчаніе народа, слу-
 жа для Царя явною укоризною, возвѣ-
 спило важную перемѣну въ сердцахъ Рос-
 сїянъ: они уже не любили Бориса¹⁶³!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ совре-
 менный, безприспращный, и самъ зна-
 менитый въ нашей Исторіи своею госу-
 дарственною доблестію: Келарь Пали-
 цынъ. Народы всегда благодарны: остав-
 ляя Небу судить тайну Борисова серд-
 ца, Россіане искренно славилъ Царя, ко-
 гда онъ подъ личиною добродѣтели казал-
 ся имъ оппцемъ народа; но признавъ въ

немъ пирана, еспешвенно возненавидѣ- Г.
 ли его и за настоящее и за минувшее: 1600
 —605. въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣ-
 ваться, въ томъ снова удостовѣрились,
 и кровь Димитріева явнѣ означилась для
 нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ;
 вспомнили судьбу Углича и другихъ
 жертвъ мстительнаго власполюбія Го-
 дунова; безмолвствовали, но тѣмъ силь-
 нѣ чувствовали въ присутствіи извѣш-
 никовъ — и тѣмъ сильнѣ говорили въ
 священицахъ недоступныхъ для услуж-
 никовъ пиранства, коего время бываетъ
 и царствомъ клеветы и царствомъ не-
 нарушимой скромности: тамъ, въ ти-
 хихъ бесѣдахъ дружества, неумолима
 истина обнажала, а пензвистъ чернила
 Бориса, упрекая его не только душегуб-
 ствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ,
 грабежемъ ихъ достоянїя, алчностію къ
 прибытку незаконному, корысполуби-
 вымъ введеніемъ откуповъ, размножені-
 емъ казенныхъ домовъ пипейныхъ, пор-
 чено нравовъ, но и приспращіемъ къ
 иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ ко-
 ихъ брадобритіе особенно соблазняло
 усердныхъ старовѣровъ), даже склонно-
 стію къ Арменской и къ Лапінской ере-
 си! Какъ любовь, такъ и ненавистъ рѣд-

Г. ко бываютьъ довольны испиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Году-
1600
—605. нову спавили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и пѣмъ уже не могъ про-
Годъ
—605. нуть сердце, къ нему оспылыхъ. — Среди естественнаго обилія и богатства земли плодотворной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь спрашная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ печеніе десяти недѣль непрестанно¹⁶⁴, такъ, что житіи сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 Августа жестокой морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало спараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, щощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все исплѣло и смѣша-

лось съ землею. Между пѣмъ запасы изобилія, и поля уже осмалнѣе незасѣянными. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ превзошелъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до прехъ (тринадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей¹⁶⁵. Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казпу: въ четырехъ округахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку¹⁶⁶ — но голодь свирѣпствовала: ибо хищные корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Священскихъ, Боярскихъ, чиюбы возвышавъ его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получавъ въ день копейку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми спремались полнами въ Мо-
Голь XI
6

Г. скву за Царскою милостынею, умножал шѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей¹⁶⁷, и бесполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что не лзя безъ пренета читать ея досповѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. »Свидѣтельствуюсь испиною и Богомъ« — нищенъ одинъ изъ нихъ¹⁶⁸ — »что я собственными глазами »видѣлъ въ Москвѣ людей, коиорые, лежа на улицахъ, подобно скопу щипали »праву и щипались ею; у мертвыхъ на- »ходили во рту сѣно.« Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, сперво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлились съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за домошь хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы спали вершепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Машери глотали шрупы своихъ младенцевъ! . . . Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались. . . . И въ сіе время другіе

изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже! . . . Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шапались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва зарилась бы смрадомъ гниющихъ шѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, испощая казну и для мертвыхъ. Присавы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завершывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или копы, и сошнями возили за городъ въ при скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 шруповъ, кромѣ погребенныхъ людьми хрисполюбивыми у церквей приходскихъ¹⁶⁹. Пишущъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человекъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, опъ голода и холода: ибо зимою нищія толпами замерзали на дорогахъ. Пища неспешивенная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія¹⁷⁰, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая чи-

Г. сло жершвъ, пакъ, что сокровищница Мо-
 1600
 —605. сковская, полная опъ благополучнаго
 Феодорова царствованія, казалась неиспо-
 щимою. И всѣ инѣя возможныя мѣры
 были имъ приняты: онъ не только въ
 ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ
 опредѣленною, волею и неволею, всѣ
 хлѣбные запасы у богатыхъ¹⁷¹, но по-
 слалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣй-
 шія мѣста освидѣтельствовать гумна,
 гдѣ еще нашлись огромныя скирды, въ
 печеніе полувѣка неприкосновенныя и
 поросшія деревьями¹⁷²: велѣлъ немедлен-
 но молошны и везти хлѣбъ, какъ въ
 Москву, такъ и въ другія области. Въ
 доставленіи встрѣчались неминувья,
 едва одолимыя трудности: во многихъ
 мѣстахъ на пути не было ни подводъ¹⁷³,
 ни корму; ямщики и всѣ жители сель-
 скіе разбѣгались. Обозы шли Россією
 какъ бы пустынею Африканскою, подъ
 мечами и копьями воиновъ, опасаясь на-
 паденій голодныхъ, которые не только
 въ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ
 и рынкахъ, силою отнимали съѣстное¹⁷⁴.
 — Наконецъ дѣятельность верховной
 власти устранила всѣ препятствія, и
 въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ
 знаменія ужаснѣйшаго изъ золь: снова

явилось обиліе, и пакое, что четверть Г
 хлѣба упала цѣною опъ прехъ рублей до ¹⁶⁰⁰
 —605. 10 копеекъ, къ восхищенію народа и къ
 опчаянію корыстолобцевъ, еще бога-
 тыхъ пайными запасами ржи и пшени-
 цы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣр-
 ной дороговизны осталась навсегда, какъ
 сказано въ лѣтописяхъ, ея введенная,
 новая мѣра четверика: ибо до 1601 го-
 да хлѣбъ продавали въ Россіи един-
 ственно оковами, бѣчками или кадями,
 четвертями и осминами¹⁷⁵.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды
 его не могли бытъ скоро изглажены: за-
 мѣтно уменьшилось число людей въ Рос-
 сіи и достояніе многихъ; оскудѣла безъ
 сомнѣнія и Казна, хотя Годуновъ, вели-
 кодушно распочая оную для спасенія на-
 роднаго, не только не убавилъ своей
 обыкновенной пышности Царской, но еще
 болѣе нежели когда нибудь хопилъ бли-
 спать оною, чтобы закрытьъ шѣмъ дѣй-
 ствіе гнѣва Небеснаго, особенно для По-
 словъ иноземныхъ, окружая ихъ на пу-
 ти, опъ границы до Москвы, призрака-
 ми изобилія и роскоши¹⁷⁶: вездѣ являлись
 люди, богато или красиво одѣтые; вездѣ
 рынки полныя товаровъ, мяса и хлѣ-
 ба, и ни единого нищаго, тамъ, гдѣ за

Г. версту въ спорону могилы наполнялись жерпвами голода. Въ сіе-то время Борисъ споль пышно угошалъ своего нареченнаго зяпця, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго¹⁷⁷, пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣспѣ сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ Золотой и Грановищой, Столовую и Панихидную¹⁷⁸, чпобы доспавипь пѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милоспію пользу, и во дни плача думая о велелѣпїи! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а сполько чужеземные Испорики упрекаюшъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдспвіи, суепюю, щещславіемъ, рассказывая, чпо онъ запрешилъ шогда Россіанамъ купипь весьма умѣренною цѣною значное количесшво ржи у Нѣмцевъ въ Иванъгородѣ, спыдясь пиплашъ народъ свой чужимъ хлѣбомъ¹⁷⁹. Извѣспіе конечно несправедливое: ибо наши государспвенныя бумаги, свидѣпельствую о приходѣ шуда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаюшъ о шакомъ жестокомъ запрешѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несча-

Но-
вил
зданія
въ
Кре-
млѣ.

спїи сполько дѣяпельности и сполько Г. щещростп, чпобы удосповѣрпшъ Россію¹⁶⁰⁰ въ любви испинно-опеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жерпвопашъ ихъ спасеніемъ щещславію безумному.^{—605.}

Но Борисъ не обольспилъ Россїянъ своими благодѣянїями: ибо мысль, для него спрашная, господспвовала въ душахъ — мысль, чпо Небо за беззаконїа Царя казнпшъ Царство¹⁸⁰. »Изливая на бѣдныхъ «щещропны» — говорпшъ Лѣтописцы — »онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь «невпнннхъ, да пїюшъ во здравіе; ппалъ «ихъ милоспінею богопропивною, рас- «хпшпвъ имѣнїе Вельможъ честныхъ, и «древнїа сокровнща Царскїа осквернпвъ «добычею грабежа.» — Россїя не благо- денспвовала въ новомъ изоблїїи; не имѣла времени успокопшся: открьлось новое бѣдспвіе, въ космѣ современники не посредспвенно впнпш Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желалъ населпшъ Лпповскую Украпну, землю Сѣверскую, людями годными къ рашному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрьпашься и спокнойно жп- шельспвовашъ преспупникамъ, копорые уходпш шуда опъ казни: ибо думалъ, чпо они, въ случаѣ войны, могутъ бышъ надежными защитпниками границы. Бо-

Р. рнсь, любя слѣдовать многымъ государ-
 1600 ственнымъ мыслямъ Иоанновымъ, послѣ-
 —605 довалъ и сей, весьма ложной и весьма не-
 счастливой¹⁸¹: ибо незнаемо изгонивъ
 пѣмъ многочисленную дружину злодѣвъ
 въ службу врагамъ опечесыва и сребствен-
 нымъ. » Великій разумъ и жестокосердъ
 » Грознаго « — по словамъ Лышоница —
 » не давали двинуться змѣямъ; а крошкѣй,
 » набожный Феодоръ связывалъ ихъ своею
 » молитвою¹⁸²; но Борисъ увидѣлъ зло, и
 еще увеличилъ его другими плодами сво-
 его мудрованія, несогласнаго съ вѣчными
 уставами правды. Издревле Бояре наши
 окружали себя полпами слугъ, вольныхъ
 и крѣпостныхъ; издревле также любя-
 ли кабалишь первыхъ¹⁸³: законъ, изданный
 въ Феодорово время, единственно въ угод-
 ность знашному Дворянству, объ укрѣп-
 леніи всѣхъ людей, служащихъ господамъ
 не менѣ шести мѣсяцевъ¹⁸⁴, совершенно
 прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ на-
 шемъ опечесствѣ, и наполнилъ дома Бояр-
 скіе рабами, коими сдѣлались погда, въ
 яропчивность Иоаннову Судебнику¹⁸⁵, даже
 и многіе люди воинскіе, благородные,
 опъ нищсты, но безъ стыда служивъ бо-
 гачамъ именистымъ: законъ не достойный
 его имени своею львою несправедливомъ

стнѣ! Еще мало: къ его дѣйствию при- Г.
 соединилось и насиліе: знашные и слу- 1600
 —605 чайные безсовѣстно укрѣпляли и не слугъ,
 а великаго беззащитнаго, кпо имъ нра-
 вился художествомъ, руководльемъ, лов-
 коспю или красотою¹⁸⁶. Но въ дешевое
 время охотно умножавъ свою челядь, Дво-
 ряне во время голода начали распускать
 се: воля обратилась въ казнь и мучи-
 пельство! Люди, еще совѣстные, выго-
 вляли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ
 оппускными; а злые безъ всякаго пись-
 меннаго вида, съ намѣреніемъ клепашъ
 ихъ въ бѣгство и въ спосъ, чшобы лбе-
 дою суда разорашъ пѣхъ, которые мо-
 гли бы изъ челоуколюбія дать имъ у се-
 бя дѣло и пищу: ужасъ развраща обык-
 новеннаго въ години бѣдспвій! Несча-
 сные гибли или разбойничали, вмѣстѣ
 со многими людьми Вельможъ сѣльныхъ,
 Романовыхъ и другихъ, осужденными ве-
 спи жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ
 принять слугъ опальнаго) — вмѣстѣ съ
 Украинскими бѣглецами, ходившими изъ
 гнѣзда своего на добычу и внупръ Рос-
 сій¹⁸⁷. Явились шайки на дорогахъ; заве- Раз.
 лись прислани въ мѣспахъ глухихъ и лѣ- бол.
 систыхъ; грабили, убивали подъ самую
 Москвою. Не боялись и сыскныхъ дру-

Г. жинъ воинскихъ : злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя апаманомъ Хлопка или Косолапа, удалца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиленіемъ немаловажнымъ, и въ мирное время опрѣдѣлить цѣлое войско противъ разбойника! Главный Воевода, Окольниковъ Иванъ Федоровичъ Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣпилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, котораго, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова : видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалея себя, и наконецъ одолѣли ихъ оспервененіемъ : боющую часть испребили и взяли въ плѣнъ апамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостью сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наспавниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местию противъ гони-

теля Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; Г. допрашивали, пыпали взявшихъ разбойниковъ¹⁶⁰⁰, но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопка, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ : всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семь случаевъ уклонился отъ своего челоуѣколюбиваго обѣща не казнить никого смертію¹⁶⁰⁰. — Еще многіе изъ поварищей Хлопковыхъ спаслись бѣгствомъ въ Украину, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли испребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго апамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ говорила Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; говорила долго : неисповымъ шираниемъ двадцатичетырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердца, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествоуетъ испроверженію Государствъ, осужденнымъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не бы-

Г. ле ни правды, ни чесши въ людяхъ¹⁶⁰⁰;
 1600
 — 605. если долговременный голодъ не смирилъ,
 не исправилъ ихъ, но еще умножилъ поро-
 роч- ки между ними: распушество, корыстно-
 ные любіе, лихоимство, безчувствіе къ спра-
 правы дашю ближнихъ; если и самое лучшее
 Дворянство, и самое Духовенство зара-
 жалось общемо язвою разврата, слабѣя въ
 усердіи къ опечесству опъ беззаконій
 Царя, уже вообще ненавистнаго: по ну-
 жны ли были иныя чудесныя знаменія
 для успрашенія Россіи? ибо сіи же Ль-
 шописцы, слѣдуя древнему обыкновенію
 суевѣрія¹⁹¹, рассказываютъ, »чпо не рѣд-
 ко восходили тогда двѣ и нри луны,
 Мип- «два и шри солнца вмѣстѣ; сполны ог-
 мья чуда «шенные, ночью пылая на шверди, въ сво-
 «ихъ быспрыхъ движеніяхъ представляли
 «битву воинствъ, и краснымъ цвѣшомъ
 «озаряли землю; опъ бурь и вихрей па-
 «дали колокольни и башни; женщины и
 «животныя производили на свѣшъ мно-
 «жество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ
 «и дичь въ лѣсахъ исчезали, или, упо-
 «требляемая въ пищу, не имѣли вкуса;
 «малыя псы и волки, вездѣ бѣгая спа-
 «вницами, пожирали людей и другъ друга;
 «звѣри и птицы невиданныя явились; ор-
 «ды варилы надъ Москвою; въ улицахъ, у

«самаго дворца, ловили руками лисецъ Г.
 «черныхъ; льпомъ (въ 1604 году), въ 1600
 «свѣплый полдень, возсіла на небѣ Ко- 605.
 «меса, и мудрый старецъ, за нѣсколько
 «лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ
 «изъ Германіи, объявилъ Дьяку Государ-
 «ственному (Власьеву), чпо Царству угро-
 «жасть великая опасность.» Оспавимъ
 суевѣріе предкамъ: его мнимые ужасы не
 столь разнообразны, какъ дѣйствитель-
 ные въ Исторіи народовъ.

Въ сіе время скончалась Припа, въ Кои-
 келти Новодѣвичьяго монастыря, около чина
 шестни лѣтъ не выходявъ изъ своего доб- При-
 ровольнаго заключенія никуда, кромѣ цер- ры.
 кви, приспособной къ ея смиренному жи-
 лищу¹⁹². Жена знаменитая и душевными
 качествами и судьбою необыкновенною;
 безъ опца, безъ маперя, въ печальномъ
 сиротствѣ възсканная удивительнымъ
 счастьемъ; воспитанная, любимая Иоан-
 номъ — и добродѣтельная; первая Дер-
 жавная Царица Россіи, и въ юныхъ лѣ-
 тахъ Монахиня; чистая сердцемъ предъ
 Богомъ, но омраченная въ Исторіи сою-
 зомъ съ злымъ власполюбцемъ, коему
 она указала путь къ пресполу, хотя и
 невинно, будучи ослѣплена любовію къ
 нему и блескомъ его наружныхъ добро-

Г. дѣпелей, не зная его тайныхъ преспу-
 1600 пленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Бо-
 —605. рись опкрыть свою темную душу серд-
 цу преданному свяшой набожности? Онъ
 дѣлилъ съ вѣжною сеспрою поль-
 ко добрыя чувства: съ нею радовался
 шоржесству опечества¹⁹³ и скорбѣлъ о
 случаяхъ бѣдспвенныхъ для онаго; повѣ-
 рялъ ей, можетъ бышь, свое великое на-
 мѣреніе просвѣпншь Россію, жаловался на
 злую неблагодарность, на злые умыслы,
 призраки его безпокойной совѣспи, и на
 гореспную необходимость карапъ Вель-
 можъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ се-
 спрою въ добръ, не лицемѣрилъ, можетъ
 бышь, шолько въ изъявленіяхъ скорби о
 кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему дер-
 жавспвовапъ и служила Ангеломъ храни-
 пелемъ, всѣми любимая какъ испинная
 мапъ народа и въ келліи. Погребли Ино-
 киню съ великолѣпнѣмъ Царскимъ, въ дѣ-
 вичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ
 гроба Іоанновой дочери, Маріи — и ни-
 когда не раздавалось сполько мплоспы-
 ни, какъ въ сей день печали; бѣдныя во
 всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили
 щедрость Борисову. — Ирина была счастли-
 ва, смеживъ глаза на вѣки: ибо не видала
 гибели всего, что еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для по- Г.
 го, кто не вѣрилъ правосудію Божеспвен- 1600
 —605. ному въ земномъ мѣрѣ, надѣясь, можетъ
 бышь, смиреннымъ поканіемъ спаспи
 свою душу опъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ)
 и дѣлами доспохвальными загладишь для
 людей память своихъ беззаконій. Не шамъ,
 гдѣ Борисъ сперегся опасноти, незап-
 ная опасность явилась; не попомки Рю-
 риковы, не Князья и Вельможи, имъ го-
 нимые — не дѣши и друзья ихъ, воору-
 женные мещію, умыслили свергнушь его
 съ Царспва: сіе дѣло умыслилъ и совер-
 шилъ презрѣнный бродяга, именовъ мла-
 денца, давно лежавшаго въ могилѣ. . . .
 Какъ бы дѣйствіемъ сверхъеспспвен-
 нымъ тѣнъ Димитріева вышла изъ гро-
 ба, ишобы ужасомъ поразитъ, обезумишь
 убійцу и привести въ смятеніе всю Рос-
 сію. Начинаемъ повѣспть, равно испин-
 ную и неимовѣрную.

Бѣдный сынъ Болгарскій, Галичавинъ Явле-
 Юрій Опредпевъ, въ юности лихась Явле-
 опца, именовъ Богдана-Якова, Спирѣлецъ мо-
 каго Сопника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пья- зван-
 нымъ Липвиномъ¹⁹⁴, служилъ въ домѣ у ца.
 Романовыхъ и Князя Бориса Черкаскаго;
 зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но
 мало благоразумія; скучалъ низкимъ со-

Г. 1600
— 605. сполніємъ и рѣшился искашь удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инокѣ, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Опреньева, который уже давно монашествовалъ въ Обицели Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздаль, въ Обицели Св. Евфимія, въ Галицкой Юанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовъ монастырь, въ келіи у дѣда, подъ Началомъ. Тамъ Папріархъ Іовъ узнавъ его, посвящилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Капони Святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ частѣ ѣздилъ съ нимъ и во дворець: видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъяслялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартии. Мысль чудная уже

поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, Г. 1600
внушенная ему, какъ увѣрлюшь¹⁹⁵, ОД—605.
нимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ чиналъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хопя и въ шутику, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: «знаете ли, что я буду Царемъ на Москвѣ?» Одни смѣлись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вражоу дерзкому. Сія или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Папріарху и самому Царю, что «недошойный Инокъ Григорій хочетъ быти сосудомъ Діавольскимъ»: добродушный Папріархъ не уважилъ Митрополитова извѣстія; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову - Васильеву, отпрашитъ безумца Григорія въ Соловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе¹⁹⁶. Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Опреньевыхъ, умолилъ его не спѣшишь въ исполненіи Царскаго Указа, и

Г. 1600
—605. далъ способъ опальному Діакону спаси-
ся бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года)
вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими,
Священникомъ Варлаамомъ и крылошани-
номъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали
гнашся за ними, и не извѣстили Царя,
какъ увѣряюшъ, о семъ побѣгѣ, коего
слѣдствія оказались споль важными.

Бродяги-Иноки были тогда явлені-
емъ обыкновеннымъ; всякая Обитель слу-
жила для нихъ гостинницею: во всякой
находили они покой и довольствіе, а на
пушъ запасъ и благословеніе. Григорій и
шоварищи его свободно достигли Нова-
города Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ
Спасской Обители принялъ ихъ весьма
дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошада-
ми, чшобы ѣхашъ въ Пупивль; но бѣ-
глецы, опославъ провожатаго, спѣшили
въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ на-
шелъ въ келліи¹⁹⁷, гдѣ жилъ Григорій,
слѣдующую записку: »Я Царевичъ Ди-
»мипрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду
»швоей ласки, когда сяду на престолъ
»оща моего.« Архимандритъ ужаснулся;
не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Са-
мозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ
бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью

низвергнушъ великаго Монарха и съестъ Г.
на его престолъ, въ Державѣ, гдѣ Вѣн-¹⁶⁰⁰
ценосецъ считался земнымъ Богомъ, —
гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Ца-
рямъ, и гдѣ присяга, данная Государю
избранному, для вѣрныхъ подданныхъ
была не менѣ священною! Чѣмъ, кромѣ
дѣйствія непоспизимой Судьбы, кромѣ
воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не
только успѣхъ, но и самую мысль ша-
кого предпріятія? Оно казалось безумі-
емъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій
пушъ къ цѣли: Липву!

Тамъ древняя, еспеспвенная нена-
вистъ къ Россіи всегда усердно благо-
пріятствивала нашимъ измѣнникамъ, опъ
Князей Шемякина, Верейскаго, Боровска-
го и Тверскаго до Курбскаго и Головина
¹⁹⁸: пуда успремился и Самозванецъ, не
прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ
Луевымъ горамъ, сквозь шемные лѣса и
дебри, гдѣ служилъ ему пупеводителемъ
новый спушникъ его, Инокъ *Днѣпрова*
монастыря, Пимень¹⁹⁹, и гдѣ, вышедши
наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ
Липовскаго селенія Слободки, онъ при-
несъ усердную благодарность Небу за
счастлирое избѣжаніе всѣхъ опасностей.
Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменипа-

Г. го Воеводы, Князя Василія Констант-
 1600
 — 605. новича Оспрожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священодѣйствовавъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ полковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ пѣсной связи съ Анабаптистами²⁰⁰. Между пѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ раенуспилъ темную молву о спасеніи и шайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Липовѣ; свелъ знакомство съ другимъ опчальнымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ²⁰¹: уговорилъ его назваться своимъ именемъ, по еси, Григоріемъ Оспрепьевымъ, а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чпобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Дѣлпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ спражей и дерзкихъ грабителей Липовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишущъ, Разсирига Оспрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангели-

ка²⁰², Старшины имепшаго; узнавъ и Г. полюбилъ опасность; добылъ первой во-
 1600
 — 605. ниской опытноспи и корыспи. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ веапирѣ: въ мирной школѣ городка Вольнскаго, Гащи, за Польскою и Лапинскою Грамашикою²⁰³: ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перепелъ въ службу къ Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышноспію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ присупилъ къ дѣлу — и если некаль надежнаго, лучшаго поеобника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, по не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца²⁰⁴. Но- Повес-
 дѣніе и на-
 груз-
 ность
 обман-
 щика.
 вый слуга знамениаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ за-
 бавъ, ревностно участвовавъ только въ воинскихъ, и съ опмѣнною ловкостію. Имя наружности не красивую — росль средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ

Г. огня, взоръ шускмый, носъ широкій, бо-
 1600
 —605. родавку подъ правымъ глазомъ, шакже на
 лбу, и одну руку короче другой— Опрепь-
 евъ замѣнялъ сію невыгоду живоспцію и
 смѣлоспцію ума, краснорѣчіемъ, осанкою
 благородною²⁰⁵. Заслуживъ вниманіе и до-
 брое расположение господина, хипрый
 обманщикъ пришворился больнымъ, пре-
 бовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо:
 »Умираю. Предай мое пѣло землѣ съ
 »чеспцію, какъ хороняшъ дѣпсей Цар-
 »скихъ. Не объявлю своей пайны до
 »гроба; когда же закрою глаза навѣки,
 »пы найдешь у меня подъ ложемъ сви-
 »покъ, и все узнаешь; но другимъ не ска-
 »зывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ
 »злосчаспціи²⁰⁶.« Духовникъ былъ Іезуипъ:
 онъ спѣшилъ извѣспить Князя Вишне-
 вецкаго о сей пайнѣ, а любопытный
 Князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ по-
 спелю мнимо-умирающаго; нашель бума-
 гу, заблаговременно изгошовленную, и
 прочипалъ въ ней, что слуга его еспъ
 Царевичъ Димипрій, спасенный опъ убі-
 енія своимъ вѣрнымъ Медикомъ²⁰⁷; что
 злодѣи, присланцые въ Угличъ, умерпви-
 ли одного сына Іерейскаго, вмѣсто Ди-
 мипрія, коего укрыли добрые Вельможи
 и Дѣяки Щелкаловы, а послѣ выпроводи-

ли въ Липву, исполняя наказъ Іоанновъ, Г.
 1600
 —605. данный имъ на сей случай²⁰⁸. Вишневец-
 кій изумился: еще хопѣлъ сомнѣваться,
 но уже не могъ, когда хипрецъ, вина не-
 скромноспъ Духовника, раскрылъ свою
 грудь, показалъ золопош, драгоценными
 каменьями осыпанный креспъ (вѣрояш-
 но, гдѣ нибудъ украденный) и съ слезами
 объявилъ, что сія свѣпшья дана ему
 креспнымъ опцемъ, Княземъ Иваномъ
 Мспиславскимъ²⁰⁹.

Вельможа Липовскій былъ въ восхи-
 щеніи. Какая слава предспавлялась для
 него возможно! бывшаго слугу! своего
 увидѣшь на тронѣ Московскомъ! Онъ не
 щадилъ ничего, чтообы поднѣпш мнимаго
 Димипрія съ одра смерпнаго, и въ крат-
 кое время его пришворнаго выздоровле-
 нія изгошовивъ ему великолѣпное жили-
 ще, пышную услугу, богапшы одежды,
 успѣлъ во всей Липвѣ разгласить о чу-
 десномъ спасеніи Іоаннова сына. Братъ
 Князя Адама, Констанпипъ Вишневецкій,
 и песпъ сего послѣдняго, Воевода Сен-
 домирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особен-
 ное учаспие въ судьбѣ спрѣль знамени-
 таго изгнанника, какъ они думали, вѣрля
 свѣпску, золопошу креспу обманщика и
 свѣдѣтельспву двухъ слугъ: обличеннаго

Г. вора, бѣглеца Пепровскаго, и другаго, ¹⁶⁰⁰ Мнишкова холона, который въ Иоанново ^{604.} время былъ нашимъ плѣнникомъ и буди-ю бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличъ: первый увѣ-рять, что Царевичъ дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дошолъ никому не-извѣстныя): бородавки на лицѣ и ко-роткую руку. Вишневецкіе донесли Сигиз-мунду, что у нихъ истинный наслед-никъ Феодоровъ; а Сигизмундъ ошвыш-ствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ яв-леніи другими; не менѣ ревностными доброхотами Самозванца: Царскимъ Нун-ціемъ Рангони и проницательными Іезуита-ми, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло казаться счастливымъ для Липвы и Рима? Чего не лзя было имъ требовашь отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣщеніи Царства, которое всегда грозило Липвѣ и всегда опвергало духовную власць Рима? Въ опасномъ непріятель Сигизмундъ могъ найши дру-га и союзника, а Папа усерднаго сына въ

непреклонномъ послушникѣ. Симъ изъ-г. лселелся легковѣріе Короля и Нунція: ¹⁶⁰⁰ думали не объ истинѣ, но единственно ^{605.} о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смилснїе и междоусобіе Россіи уже плѣняло во-ображеніе нашихъ враговъ естествен-ныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще ко-лебался, то ревностные Іезуиты побѣ-дили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подѣ личиною мирнаго сосѣда ввергнувъ пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣлательные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заклю-чили договоръ: Лжедимитрій письменно обязался за себя и за Россію приспавъ къ Латинской Церкви, а Рангони быль его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ¹¹⁰, но и во всей Европѣ; сов-павалъ ему спѣшитъ къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Опрельевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковъ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. »Я

Г. «самъ былъ шому свидѣтелемъ», пишеть
 1600 Секретарь Королевскій, Чилли²¹, *отрл*
 -605. *миллмолу* Царевичу: «я видѣлъ, какъ
 «Нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія,
 «бсѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря,
 «что ему должно торжественно объявить
 «себя Капюликомъ для успѣха въ своемъ
 «дѣлѣ. Димитрій съ видомъ сердечнаго
 «умиленія клялся въ непремѣнномъ испол-
 «неніи даннаго имъ обѣща, и вторично
 «подтвердить сію клятву въ домъ у Нун-
 «ціа, въ присутствіи многихъ Вельможъ.
 «Утоштивъ Царевича пышнымъ обѣдомъ,
 «Рангонъ повезъ его во дворецъ. Сигиз-
 «мундъ, обыкновенно важный и велича-
 «вый, принялъ Димитрія въ кабинетъ,
 «стоя, и съ ласковою улыбкою. Димит-
 «рій поцѣловалъ у него руку, разсказалъ
 «ему всю свою исторію», и заключилъ
 «такъ²¹²: *Государь! вспомни, что ты самъ*
родился въ узлахъ и спасенъ единственно
Провидѣтелемъ. Державный изгнанникъ
требуетъ отъ тебя сожалѣнія и помо-
щи.» Чиновникъ Королевскій далъ знакъ
 «Царевичу, чтобы онъ вышелъ въ дру-
 «гую комнату, гдѣ Воевода Сеномирскій
 «и всѣ мы ждали его. Король остался на-
 «единъ съ Нунціемъ, и чрезъ нѣсколько
 «минуть снова призвалъ Димитрія. По-

Свидѣ-
 ніе
 Лже-
 дими-
 трія
 съ Ко-
 родемъ
 Поль-
 скимъ.

«лонивъ руку на сердце, смиренный Царь Г.
 «ревнѣе боже въдохами, нежели словами 1600
 -605. «убѣждалъ. Сигизмунда быль милосерди-
 «вымъ. Тогда Король съ веселымъ видомъ,
 «приподнявъ свою шляпу, сказалъ: *Да*
поможетъ вамъ Богъ, Московскій Князь
Димитрій! «и вы, выслушавъ и разсмо-
 «трѣвъ всѣ части свидѣтельства, несо-
 «мнительно увидѣвъ съ васъ Иоанновъ сына,
 «и съ доказательство нашего искреннаго
 «благословенія опредѣлимъ вамъ ежегодно
 «40,000 злотыхъ,» (54,000 нынѣшняхъ руб-
 «лей серебряныхъ) «на содержаніе и всѣ
 «тѣ издержки. Свѣдѣть того вы, какъ ис-
 «тинный другъ Республики, вольны спо-
 «сатся съ нами. Панами, и пользо-
 «ваться ихъ усерднымъ вспоможеніемъ.
 «Сія рѣчь споль восхвалила Димитрія,
 «что онъ не могъ сказать ни единого
 «слова: Нунцій благодарилъ Короля, при-
 «везъ Царевича въ домъ къ Воеводѣ Сен-
 «домирскому, и снова обнявъ его, совѣ-
 «щивалъ ему дѣйствовать немедленно,
 «чтобы скорѣе достигнуть цѣли: оп-
 «янить Державу у Годунова и навѣки
 «утвердить въ Россіи Вѣру-Каполическую
 «съ Іезуитами.» Прежде всего надлежало
 «самому Лжедимитрію принять сію Вѣру:
 «что и исполнено хопѣлъ Рангонъ; по

Г. условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Лапинской Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Разсприга шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывалъ лице свое, чпобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдался, оприся опъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ шло Христово съ мурономазаніемъ опъ Римскаго Нунціа. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества*²¹⁵, которое славило *будущил* великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинитъ Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока!* — Тогда Опрещевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунціа, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Лапинское письмо къ Папѣ, чпобы имѣлъ въ немъ искренняго покровителя — и Климентъ VIII не замедлилъ удостоверить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Аносимольскаго Намѣстника²¹⁴.

Должно ошдаться справедливостъ уму Разсприги: предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство

Пись-
мо къ
Папѣ.

одушевить ревностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти,¹⁶⁰⁰ Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баноріевъ, Гепманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, чпо Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московскои Державы, легко обуздаетъ Турковъ, Хана и Шведовъ, возметъ Эспонию и всю Ливонию, откроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но чпо сіе великое намѣреніе, пребуя тайны и скорости, не можетъ бытъ предложено Сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготovitъ къ оборонѣ²¹⁶. Тщепно спарець Замойскій, Павъ Жолкѣвскій, Князь Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совнупя ему легкомысленно вдаваться въ опасность никакой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; щипенно знаменитый Павъ Збаражскій доказывалъ, чпо мнимый Димитрій есть безъ сомнѣній обманчикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дерзая самовластно нарушитъ двадцатилѣтняго

Р. перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя прошивъ Годунова именемъ Иоаннова сына и согнавши рать дръ вольницы, определялъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго и Воеводскаго; внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложилъ съ своей пруды златую цѣпь на Разспри²¹⁶, опустилъ его съ двумя Іезуитами въ Бракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ мастиностяхъ Вельможи Мнишка, подъ распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и черныя чины на Москву. Главою и первымъ ревнителямъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мешала быть и честолюбивымъ, и не дегномысленнымъ до безразсудности. Овъ имѣлъ одну дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и въпреную. Акедимирій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себѣ, искренно или прищворно, спросивъ ея любовникомъ, и вкружилъ ей голову именемъ Царевича и гордой Воевода съ радостію благословилъ ея взаимную склонность, и въ надеждѣ видѣть

Собра-
ніе
войска

Россію у ногъ своей дочери, какъ на-
слѣдственную собственность его попом-
ства. Чтобы утвердить сію лестную
надежду и хитро воспользоваться еще
невѣрными обстоятельствомъ жениха,
Мнишекъ предложилъ ему условіи, безъ
малѣйшаго сомнѣнія принятыя Разспри-
гою, который далъ на себя слѣдующее
обязательство (писанное 25 Мая 1604,
собственною рукою Воеводы Сендомир-
скаго²¹⁷): «Мы, Димитрій *Ивановичъ*, Бо-
жіею милостию *Царевичъ* Великой Рос-
сіи, Углицкій, Дмитровскій и проч.,
»Князь опъ колѣна предковъ своихъ, и
»вѣрхъ Государствъ Московскихъ Госу-
»дарь и наследникъ, по уставу Небесно-
»му и примѣру Монарховъ Христіанскихъ
»избрали себѣ достойную супругу, Вель-
»можную Панию Марину, дочь Ясновель-
»можнаго Пана Юрія Мнишка, коего счи-
»таемъ опцемъ своимъ, испытавъ его чести-
»носность и любовь къ намъ, по оплоднѣ
»бракосочетаніе до нашего воцаренія:
»погда — въ чемъ клянемся именемъ Св.
»Троицы и прямымъ словомъ Царскимъ
»— женися на Паниѣ Маринѣ, обязыва-
»ясь 1), выдать немедленно миллионъ
»злотыхъ» (1,350,000 нидерландскихъ сереб-
»ряныхъ рублей) »на уплату ея додговъ
и на ея путешествіе до Москвы, сверхъ

1600
— 605.
Дого-
воры
Дже-
дмит-
рія
Мни-
шкомъ

Г. 1600
—605. »драгоцѣнностей, которыя пришлемъ ей
изъ нашей казны Московской; 2) пор-
»жесивеннымъ Посольствомъ извѣстипъ
»о семь дѣлъ Короля Сигизмунда, и про-
»сипъ его благосклоннаго согласія на
»оное; 3) будущей супругѣ нашей успу-
»ипъ два Великія Государства, Новго-
»родъ и Псковъ, со всеми Уѣздами и при-
»городами, съ людьми Думными, Дворя-
»нами, Дѣшми Болрскими и съ Духовен-
»ствомъ, пакъ, чптобы она могла су-
»идипъ и рядипъ въ нихъ самовластно,
»опредѣляпъ Намѣспниковъ, раздаванъ
»вопчины и помѣстья своимъ людямъ
»служивымъ, заводипъ школы, спроипъ
»монаспыри и церкви Лапинской Вѣры,
»свободно исповѣдуя сію Вѣру, копорую
»и мы сами принjali, съ пвердымъ намѣ-
»реніемъ ввести оную во всемъ Государ-
»ствѣ Московскомъ. Если же — опъ чего
»Боже сохрани — Россія воспропивицелъ
»нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ
»своего обязапельспва въ печеніе года,
»пто Панна Марина вольна развесипся со
»мною или взяпъ шерпѣніе еще на годъ,
и проч. Сего не довольно: въ воспоргѣ
благодарности Лжедимипрій другою гра-
мопою (писанною 12 Іюня 1604) оп-
далъ Мнишку въ наслѣдспвенное владѣ-

ніе Княжесство Смоленское и Сѣверское, Г.
кромѣ нѣкопорыхъ Уѣздовъ, назначен-¹⁶⁰⁰
ныхъ имъ въ даръ Королю Сигизмунду и ^{—605.}
Республикѣ, въ залогъ вѣчнаго, ненару-
шимаго мира между ею и Московскою
Державою²¹⁸. . . . Такъ бѣглый Діаконъ, чу-
десное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ име-
немъ Царя Россійскаго гоповилелъ пре-
дапъ Россію, съ ея величіемъ и право-
славіемъ, въ добычу Іезуипамъ и Лихамъ!
Но способы его еще не опвѣспивовали
важности замысла.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рапъ,
а сволочь на Россію: весьма не многіе
знапные Дворяне, въ угодность Королю,
мало уважаемому, или прельщаясь мы-
слию храброванъ за изгнанника Царевича,
явилисъ въ Самборѣ и Львовѣ: спремил-
исъ пуда бродяги, голодные и полуна-
гіе, пребуа оружія не для побѣды²¹⁹, но
для грабежа или жалованья, копорое ще-
дро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на
будущее: на богатое вѣно Марины и до-
ходы Смоленскаго Княжества. Разсприга
и друзья его чувспвовали нужду въ иныхъ,
лучшихъ сподвижникахъ, и должны бы-
ли еспественно искапъ ихъ въ самой
Россіи. Доспойно замѣчанія, чпто нѣко-
порые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣ-

Г: 1600
— 605.

тей Боярскихъ, исполненныхъ несправедливости къ Годунову, укрывался тогда въ Липвѣ, не хотѣли бытъ участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и цушались злодѣйствомъ: цушуть, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всецародно, и предъ лицемъ Короля, свидѣтельствоваль о семъ грубомъ обманъ, вмѣстѣ съ поваричемъ Разспригинымъ, Инокомъ и Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мишкину въ Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умерщвить Лжедмитрія, казнили²²⁰. Другіе бѣглецы, менѣе совѣстныя, Дворянинъ Иванъ Борошнѣ съ десятиью или цѣнадцатіюю кавалерами²²¹, пали къ ногамъ мнимаго Царевича и составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зналъ свойство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ — зналъ, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбой — Лжедмитрій послалъ на Донъ Липвина Свирскаго²²² съ грамотою; писалъ, что оный сынъ перваго Царя Вѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе вниязи присягнули въ вѣрности;

звалъ ихъ на дѣло славное: свергнути раба и злодѣя съ престола: Иоаннова. Два Аптамана, Андрей Кореля и Михайло Пыжакожь²²³, сѣвшили видѣть Лжедмитрія; видѣли есочеснимаго Сигизмундомъ, Великими Панами, и возвратились къ нововарищамъ съ удословреніемъ, что ихъ зовешъ исплинный Царевичъ. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединилося къ шолпамъ Самозванца. Между ними усерднѣй суга его, Паць Михайло Рапомскій, Осперскій Свирсина, вѣноваль нашу Украину чрезъ своихъ лагуничковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ²²⁴, вѣрливо Мисаила и Леонда, изъ коихъ послѣдній, оный на себя имя Григорій Опаревъ, и могъ свидѣтельствовать, что оной принадлежилъ Самозванцу. Въ городахъ и въ селахъ и на дорогахъ поддѣивали грамоты отъ Лжедмитрія къ Россіянамъ²²⁵, съ вѣстію, что оны живы и скоро къ нимъ будутъ. Народъ изумлялся, не вѣривъ шому, или не вѣривъ; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна вѣздя въ землѣ Свверленой²²⁶, обрадовалися: наступало ихъ время: кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Рапомскій пань: вѣноваль знамя для собранія

Г. вольницы : онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщенныхъ мыслию весни бывшего ученика своего на Царство Московское. — Сполько движенія, сполько гласныхъ происшествій могло ли упасть опъ Годунова ?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Липвѣ о Димитріи²²⁷, сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварь 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живешъ у Козаковъ²²⁸: гонца задержали въ Иванъгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Липвы и подмешивья грамоты Лжедимитріевы опъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольниковичаго Семена Годунова, посланнаго въ Аспрахань, и захвативъ нѣсколько Спрѣльцевъ, оппустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ : «объявите Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!» Однѣ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое имя!.. но чѣмъ болѣе утрашился,

пѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи сына Іоаннова²²⁹, онъ изъяснялъ для себя споль дерзкую ложь умысломъ своихъ шайныхъ враговъ, и велѣвъ лазушникамъ узнать въ Липвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи : подозрѣвалъ Болре; призывалъ въ Москву Царицу - Инокию, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патриархомъ²³⁰, воображая, какъ вѣроятно, что она могла бытъ участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестно или угрозами вывѣдать ея шайну : но Царица-Инокия, равно какъ и Болре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ бытъ, не безъ внушеніяго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для мащери, но спрашилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ естъ разсприга Опрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пущыню Бѣломорскую²³¹, Борисъ усиліемъ прищорства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая : Смирной пренесалъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будшо бы за другую вину : за расхищеніе

Г. 1600
—605.
Мъры
взл-
шла
Борп-
сомъ.

Государственнаго допоялтя. Удвоивъ за-
 1600 снаны на Липовской границѣ, чпобы пе-
 1605 рожививать въспи о Самозванцѣ, одна-
 кожь чувствул невозможность скрыть
 его явленіе быль Россіи; и боясь молча-
 ннѣмъ усилить вредныя полки; Годуновы
 обнародовали исторію бѣдъца Чудовскаго
 го²³², вмѣстѣ съ допросами Монаха Пиме-
 на, Венедикта Черница Смоленскаго и
 мѣщанина Ярславца, иконника Спсенага:
 первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ
 бродягу Григорія въ Липву; но не хо-
 тѣлъ чинити съ нимъ далѣе, и возвра-
 тился; второй и пррпый свидѣтель-
 ствовали, что они звали Опреньева
 Діаконома въ Кіевъ и воромъ между За-
 борожцами; что сей негодай, ботоожещу-
 никъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей
 Вишневецкихъ и самого Короля, держ-
 снлъ въ Липвѣ набывавшся Димитріемъ.
 Въ то же время Царь прскалъ, *отъ иле-
 ти Болръ*, дядю Разспригина, Смирнаго-
 Опреньева, къ Сигизмундовымъ Вельмо-
 жамъ, чпобы въ ихъ првѣшствіи избѣ-
 личить племянника²³³; поблалъ и къ Дон-
 скимъ Козакамъ Дворянина Хруцова, вы-
 весити ихъ изъ бѣдспвеннаго заблужденія.
 Но грамоты и слова не дѣйствовали:
 Вельможи Корольскіе не хотѣли пока-

затѣ Димитрія Смирному-Опреньеву,
 и сухо отвѣщивовали, что имъ чѣпъ
 дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а
 Козаки схватили Хруцова, оковали и при-
 везли къ Самозванцу²³⁴. Уже Разсприга
 (15 Августа) двинулся съ своими дружи-
 нами къ берегамъ Днѣпровскимъ и спю-
 ялъ (17 того же мѣсяца) въ Соколовни-
 кахъ: Хруцовъ, предспавленный ему въ
 цѣпяхъ, взглянулъ на него... залился
 слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ:
 «вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой
 «слуга навѣки!» Съ него сняли оковы; и
 сей первый чиновный измѣнникъ, ослу-
 лепный спрахомъ или корыстію; въ
 знакъ усердія донесъ своему новому Го-
 сударю, мѣшая истину съ ложью, что
 народъ изьявляеть въ Россіи любовь къ
 Димитрію; что самые знатныя люди,
 Меньшій Булгаковъ и другіе²³⁵, шили у
 себя съ госпами чашу за его здравіе и
 были, по доносу слугъ, осуждены на
 казнь; что Борнсъ умертвилъ и сестру,
 вдовспвующую Царицу Ирину, которая
 всегда видѣла въ немъ Монарха беззакон-
 наго; что онъ, не смѣя явно ополчаться
 прошивъ Димитрія, сводитъ полки въ
 Ливнахъ, будпо бы на случай Ханскаго
 впаденія; что главные Воеводы ихъ,

Г. Пётръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, вспрѣвшись съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: *насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго*; что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ опъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Аспраханъ и въ Персію. Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ допомъ измѣны въ Россіянахъ, и не казнилъ ни одного челоука за явную приверженность къ Самозванцу²³⁶; съ жадностью слушая лазутчиковъ, доносишелей, клеветниковъ, воздерживалъ себя опъ пиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и перзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хопѣлъ знаками великодушнот доуверенности пронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлѣлъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безспрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна:

Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступитъ вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣститъ его представленіемъ, сколь унизительно для Вѣщеносца Христианскаго бытъ союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ²³⁷, что сей мнимый Царевичъ, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хопѣлъ лукавствовать, и подобно своимъ Вельможамъ опвѣчалъ, что не споптъ за Лжедмитрія и не мыслитъ нарушать перемирія; что нѣкоторые Ляхи самовольно помогающъ саму бродягу, *ушедшему* въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. »Мы хопимъ обмануть Бога (нишесть современникъ, одинъ изъ знапныхъ Ляховъ) » увѣряя безсовѣстно, что »Король и Республика не участвуютъ въ »Дмитріевомъ предиріятіи.«²³⁸ Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Папріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ спаралось удалить кровопролитіе за бо-

Г. гоотстпупника Разпритиу²³⁹; вселити Епископы скривили Патріариху о враношу своимъ печатями; кляпбенволевидьпелъспвуа, что они все знала. Опрельва Монохомъ. Такою же грамшу написааъ Ювъ и къ Кіевному Воеводу, Князю Вадилію Оспрожекому; напоминааъ еуд, что онъ самъ звать его бггледа діаковомъ, и заклиная сего бытъ достойнымъ выпомъ Церкви: обличитъ Разеприту, экзавитиъ и прислапъ въ Москву. Но гоццъ Патріарховы не возвращались: ихъ задержали въ Липвъ и не отвѣщивовали Юву; ни Духовенствомъ ни Князи Оспрожекой, нибо Самозванецъ дѣйствовавъ уже съ блеспнцтмъ успѣхомъ; такъ онъ и вѣривовалъ. Сіе грозное оидение; попародило низвергнуть Годунову; сопротивовдвани изъ 1500 воиновъ исправильхъ двадцатковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи; безъ успаройспва и почти безъ оружія⁴⁰. Главными Предводиселами были самъ Лжедмитрій (сопровождаетъ двумя Іезуитами) и Юрый Мишекъ (сынъ Воеводи Овдомирова); Дворжицкій, Фредро и Иъборскій; каждый изъ нихъ имѣавъ свою особенную дружину и хоругву; а старецъ Мишекъ иервеноствовавъ въ нхъ думы. Они соединились бливъ Кіева съ двумя полкелами доносныхъ Козаковъ, приведенныхъ Свирскимъ

съ полками вольницы, Кіевской и Съ-Т. верской, оиденной Раптомскимъ, и 16 1604. Оклября вепутили въ Россію²⁴¹. Тогда единствено Борисъ началъ рѣшительнот гоповитиъ къ оборонѣ: послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣдоспи, съ головами Спрѣлецкими; а знавшихъ Боярѣ; Князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салпыкова въ Брянскъ, чтобы собрать память многочисленное полевоет войско⁴². Еще Борисъ могъ спыднись спраха; видя противъ себя полпы Ляховъ, неспройной вольницы и Козаковъ; предводимыя бглымъ разепритою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Борнеа и любезнымъ для Россіи. Лжедмитрій шелъ съ мечемъ; и въ Манисепомъ: объявляаъ Россіянамъ, что онъ, невидимую десницею Всевышняго успраненный, олъ ножа Борисова и долго сокрываетъ въ неизвѣсноспи, сею же рукою изведенъ на еспръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшилъ въ Москву; взявъ наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминааъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присяпу, даданую ими Иоанну; убѣждалъ ихъ оставити хищника Бор-

Г. 1604. са и служишь Государю законному; обещалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ, они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго²⁴³. Вмѣстѣ съ шѣмъ Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Паповъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствомъ очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ²⁴⁴, дали ему рать и гошovy дасть еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ опца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ поддѣльныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украинѣ, гдѣ не только сподвижники Хлоповы²⁴⁵ и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе побѣрили Самозванцу, не узнавая бѣлаго Діакона въ союзникъ Короля Сигизмунда, окруженномъ знаменными Ляхами; въ вѣпязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и кошемъ; въ военачальникъ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золо-

то, разсыпавшее Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легко-1604. вѣрїю народному. Тщепно градоначальники Борисовы хопѣли мѣшати распро-спрашенію листовъ Самозванцевыхъ; опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, гошovy измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и спрашпви людей — доказывая, что присяга, данная Годупову, не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Юаннова мертвымъ²⁴⁶; что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не проповишся мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Восводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, упопрѣбить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отрѣпьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлитъ свое войско²⁴⁷: пошлетъ часть его къ Бѣлугороду, а самъ шель вверху Десны, въ слѣдъ за рассыпною дружиною

Т. 1604. Пер-вал измѣ-на.

перемѣнниковъ, и попорые служили ему въ ршыхъ яхушевдипетялы, анал, мѣсца и людеи. Едва поставишь ногу на Русскую землю (18 Октября), въ Слободѣ Шляхетской, онъ съвѣдалъ отъ своего первомъ успѣхы и кншелити воиныхъ Моравка ош-можилибъ опть Бориса; свѣдали, и выдади Воеводѣ своихъ Ажедимирю; въспрѣпи-ли его съ хлѣбомъ и солью²¹⁸. Чувешвуя важность пачала въ знакомъ предпринимъ, умный прощелци вель себя съ ошмѣнпох-ловкостно: поржешвенно славиль Бога; изгивлялъ милосость и делчавоестъ; не укорялъ Воеводѣ Моравскихъ въ вѣрности къ Борису, ажалъ только объ ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жало-валь, паскалъ измѣнниковъ, гражданъ, вои-повъ; видомъ и разговоромъ не безъ ис-кусства предспавала лице Державнаго, пакъ, чпо опть Липовскаго рубежа до самыхъ внутренихъ областей Россіи съ немовѣрною быстротою промчалась до-брал славою. Ажедимирин — и знамени-тая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовашъ примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Чер-ниговъ, гдѣ рацники и граждане пакже въспрѣпили его съ хлѣбомъ и солью, вы-давъ ему Воеводѣ²¹⁹, изъ коихъ глав-

ниль Князь Иванъ Андреевичъ Пашевъ, П-исел
 въспрѣпио чинавѣдѣ Бориса, какъ въпорый
 Хрущовъ безспѣдно въспунилъ въ сму-
 жбу къ обманщяку. Тамъ хранилаеъ зна-
 чительный казна: Ажедимирій, раздѣ-
 ливъ ед между своими воидами; усилитъ
 пѣвѣ ихъ ревность; умножилъ и число,
 приеодивъ къ нимъ 300 Спрѣвцевъ
 помѣщиковъ и ящелей, опблченныхъ
 усердіемъ къ нему и ли духомъ буйнымъ.
 Валъ нѣ Черниговской крѣпости 12 пу-
 шекъ; Самозванецъ оставилъ въ ней на-
 чальникомъ Илха, и епѣнилъ къ Новото-
 роду Свѣрскому. Онъ нацѣлѣа бытъ вез-
 дѣ завоеватѣлемъ безъ кровопролитія; и
 действительнѣю; на берегахъ Десны, Сѣв-
 ернѣ и Снова, видѣтъ единешвенно кожно-
 прѣскадствѣ народа и епѣнкая радостный
 влѣнѣ. рѣдѣ въравешвеннѣ Тоеударъ нѣнѣ,
 идимирій. анал! анал! анал! анал! анал!
 Но въспн не было нѣ Новгорода:
 жишела не выслали ко Ажедимирю
 ни призывныхъ грамотъ; ни Воеводѣ свѣ-
 санныхъ грамотъ бодрешвоалѣ содигъ че-
 ловѣкъ, рѣшишеленнѣ, смѣлнѣ — и епѣ
 вѣрннѣ! Сѣи выпѣлъ былъ Петрѣ Оедо-
 ровичѣ Басманѣвъ, братѣ убишлаго раз-
 бойниками (въ 1604 году) Ивана Басма-
 нова, Домѣвъ и звѣлннѣи! только чрез-

Г. 1604. вычайною судьбою отца и дѣда²⁵⁰, копорые, всѣмъ жерпвуя Иоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе: наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкопорыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, неспроогою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между людьми. Борись видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на спешерь знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Болариномъ, Княземъ Никишою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ было спасти Черниговъ²⁵¹; но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго: принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ испиною и грозною обуздалъ предашельство: самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ; самъ не боясь смерти, устрашалъ мяпежниковъ казнію; ежегъ предлѣстія, и съ янщесочною дружиною. Спирьльцевъ Москов-

Вп-
шазь
Басма-
новъ.

скихъ заперся въ крѣпости, волею или Г. 1604
неволею взять къ себѣ и знатнѣйшихъ
жипшелей²⁵². 11 Ноября Лжедимитрій под-
спунилъ къ Новугороду: пущь Россіине
привѣшествовали его, въ первый разъ,
лдрами и пулями! Онъ иребовалъ пере-
говоровъ: Басмановъ съ зажженнымъ фи-
шлемъ споллъ на снѣгъ и слушалъ
клеверша Самозванцева, Ляха Бучинскаго,
копорый сказать, что Царь и Великій
Князь Димитрій готовъ бытъ опцемъ
вопновъ и жипшелей, если ему сдадутся,
или, въ случаѣ упорства, не оставитъ
живымъ ни груднаго младенца въ Новѣ-
городѣ. » Великій Князь и Царь въ Мос-
квѣ, « опвѣшествовалъ Басмановъ: » а вашу
» Димитрій разбойникъ следеть на колъ,
» вмѣстѣ съ вами. « Отрешевъ посылалъ и
Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Ба-
сманова, но бесполезно; хотѣлъ взять крѣ-
пость смѣлымъ приступомъ, и былъ опра-
женъ; хотѣлъ огнемъ разрушитъ ея снѣ-
ны, но не успѣлъ и въ томъ; лишился мно-
гихъ людей, и видѣлъ бѣдствіе предъ собою:
спашъ его унылъ; Басмановъ давалъ вре-
ми войску Борисову ополчиться и примѣръ
неробосни инымъ градоначальникамъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Само-
званца. Въ крѣпкомъ Пушивлѣ начальство-
Толь XI

Г. 1604. вали знашній Окольнічій, Михайло Салпыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей послѣдній, какъ воинъ не безъ достоинства, какъ гражданинъ безъ чести и правилъ, съ Дьякомъ Сушуповымъ объявилъ себя за мнимаго Царевича; самъ возмущилъ гражданъ и рапниковъ; самъ связалъ Салпыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣсто Разспригъ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣшникомъ²⁵³. Не менѣе важный Рыльскъ, Волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецкъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда Монахъ Леонидъ²⁵⁴ подъ именемъ Григорія Опрепьева) также поддалися Самозванцу. Вся южная Россія кишѣла бунтомъ; вездѣ вьзали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедимитрію, копорый немедленно освобождалъ ихъ и съ милостию принималъ къ себѣ въ службу²⁵⁵. Рать его умножалась новыми поппами измѣнниковъ. Перехвапивъ казну, тайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ²⁵⁶, онъ послалъ знашнюю часть ея въ Липву, къ Князю Вишневецкому и

Пану Рожнискому, чшобы набирать шамъ Г. 1604. новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ подъ Новымгородомъ, спрѣлалъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны²⁵⁷. Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости, и зная, что войско Борисово идесть спаси ес, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будно бы въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ облыываясь сдаться ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ.

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣрояпно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемернаго презрѣнія къ Разспригъ, но гошовымъ, сильнымъ войскомъ опразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ спарый духъ Липовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ²⁵⁸, еспіесивно ожидало мяпсжа какъ счастья; гдѣ народъ и самыя люди воинскіе, удивленные безпреняпспивнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, въ-

Г. 1604. ря внушенію его лазупчикоѣ, думашь, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ проповѣсть истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запущивается въ сѣтяхъ обвиненныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: съѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнецосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблеснѣ въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана²⁵⁹, будучи только Правительствемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навѣкъ повиненія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разспиритѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ итти на встрѣчу къ Димитріевой цѣни: подозревалъ Боярѣ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знающаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строга

Робость
Годунова.

людямъ рашнымъ, всемъ безъ исключенія, Г. 1604. съѣздить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ!

Однимъ словомъ, судъ Божій гремятъ надъ Государственнымъ пресупникомъ. Ипкно изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасалъ на глазахъ всего Углича, и кого видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ печеніе ниши дней орошавъ его пѣлю слезами: слѣдственно Россіане не могли благоразумно вѣрять воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе гоповило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти²⁶⁰, и явно ложными показаніями записавъ ся спрашныя обвинительства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но шамъ жила въ сердцахъ ненависть къ пиррану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ²⁶¹, свидѣтельствовало въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной смерти Царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патриархъ во все концы Россіи, съсылаясь и на мать Ди-

Г. митрію, которая сама погребала сына
1604. ²⁶². Но безсовѣстность Шуйскаго была
еще въ свѣжей памяти; знали и слѣдную
преданность Іова къ Годунову; слышали
только имя Царицы-Инокини: никто не
видался, ни кто не говорилъ съ нею,
снова заключенною въ пустынь Выксин-
ской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи
Самозванцевъ и не понимая споль дерз-
каго обмана; любя древнее племя Царей
и съ жадностію слушая пайные разска-
зы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедими-
трія, Россіяне тайно же передавали другъ
другу мысль, что Богъ дѣйствительно,
какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ Его
правосудія, могъ спасти Іоаннова сына
для казни ненавистнаго хищника и пи-
рана ²⁶³. По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и
не изъявляли ревности споль за Бори-
са. Разсприга съ своими Ляхами уже го-
сподствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а
воины опечетства уклонялись опъ слу-
жбы, шли неохотно въ Брянскъ подъ
знамена, и пѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе
слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, ду-
мая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ
нелюбовь къ Государю рождаеть нечув-
ствительность и къ государственной
чести!

Об-
ще
распо-
ложе-
ніе
умовъ

Въ сей опасности, уже лвной, Бо- г.
рисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: ^{1604.}
къ Церкви и къ спрогоспи. Онъ велѣлъ
Іерархамъ пѣть вѣчную память Дими-
трію въ храмахъ, а Разспригу съ его кле-
врешами, настоящими и будущими, класпъ
всенародно, на амвонахъ и поржищахъ ²⁶⁴,
какъ злаго ерепика, умышляющаго не
только похитить Царство, но и ввести
въ немъ Лапинскую Вѣру: слѣдственно
Борисъ уже зналъ или угадывалъ объптъ,
данный Лжедимитріемъ Іезуитамъ и Ле-
гану Папскому. Хотя народъ, видѣвъ сла-
бость и пошворство Свяпителейъ въ из-
слѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ
имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренно-
спи; но ужасъ анаемы долженъ былъ про-
нупъ совѣсть людей набожныхъ и вселить
въ нихъ омерзѣніе къ челоѣку, отвержен-
ному Церковію и преданному ею суду
Божію. Второе средство также не оказа-
лось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы
съ каждаыхъ двухъ сотъ четверпей зем-
ли обработанной выходилъ рашникъ въ
поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ—
слѣдственно убавивъ до половины число
воиновъ, опредѣленное успавомъ Іоанно-
вымъ ²⁶⁵— Борисъ пребовалъ скороспи;
писалъ, что владѣльцы богашые живутъ

Г. въ домахъ, не заботясь о гибели Царства
 1604. и Церкви; грозилъ жестокою казнію ль-
 нивымъ и беспечнымъ, не упоминая о
 злонамѣренныхъ, и дѣйствительно велѣлъ
 наказывать ослушныхъ безъ пощады: ли-
 шеніемъ имѣнія, пенницею и кнутомъ,
 велѣлъ, чпобы и всѣ слуги Патриаршіе;
 Священпельскіе и монастырскіе, годные
 для рашнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ
 опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ
 случаѣ медленности. »Бывали времена«
 — сказано въ семь опредѣленіи Государ-
 ственнаго Совѣта — » когда и самые Ино-
 ки, Священники, Діаконы вооружались
 для спасенія опечества, не жалѣя своей
 крови; но мы не хотимъ того: остав-
 ляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Го-
 сударѣ и Государствѣ.« Сіи мѣры угро-
 зы и наказанія педѣль въ шесть соеди-
 нили до пятидесяти тысячъ всадниковъ
 въ Брянскъ²⁶⁶, вмѣсто полумилліона, въ
 1598 году ополченнаго призывнымъ сло-
 вомъ Царя, *кого любила Россія!*

Вслн. Но Борисъ еще оказалъ тогда вели-
 кодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигиз-
 мундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и въ-
 роломспвѣ Ляховъ, предлагалъ Царю со-
 юзъ и войско вспомогательное. Царь от-
 вѣщпшвовалъ, чпо Россія не требуетъ

вспоможенія иноземцевъ; что она при Ю- Г.
 аниѣ въ одно время воссала съ Сулпа- 1604.
 номъ, Липвою, Швеціею, Крымомъ, и
 не должна бояться мліежника презрън-
 наго²⁶⁷. Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣр-
 ности Россіянъ горсть Шведовъ ему не-
 нужна, а въ случаѣ невѣрности бесполез-
 на, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ: не
 лъзя было медлить, ибо Самозванецъ еже-
 дневно усиливался и распроспранялъ свои
 мирныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳедоръ
 Ивановичъ Мстиславскій, Андрей Теля-
 шевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Го-
 лицынъ, Михайло Салпыковъ, Околни-
 чіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ива-
 новичъ Годуновъ, Василій Морозовъ, вы-
 ступили изъ Брянска, чпобы пресѣчь
 успѣхи измѣны и спасти Новгородскую
 крѣпость, которая одна пропивилась
 Разспригъ, уже среди подвластной ему
 епраны. — Не только Годуновъ съ му-
 чительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ
 мыслями за Московскими знаменами, но
 и вся Россія сильно превожилась въ ожи-
 даніи, чѣмъ Судьба рѣшиптъ споль важ-
 ную прю между Борисомъ и ложнымъ
 или неложнымъ Димитріемъ: ибо не бы-
 ло общаго удосповѣренія ни въ войскѣ,

Г. ни въ Государствѣ. Мысль поднять ру-
 1604. ку на дѣйствительнаго сына Иоаннова
 или предаться дерзкому обманцику, кля-
 пому Церковію, равно ужасала сердца бла-
 городныя. Многіе, и самыя благороднѣй-
 шіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но
 гнушались измѣною, хотѣли соблюсти
 данную ему присягу; другіе, слѣдуя един-
 ственно внушенію страстей, только же-
 лали или не желали перемѣны Царя, и не
 заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрно-
 подданнаго; а многіе не имѣли почнаго
 образа мыслей, гоповаясь думая, какъ
 великіе случаи. Если бы въ сіе время от-
 крылась проницанію наблюдавша и самая
 внушенность душъ, то онъ, можетъ
 быть, еще не рѣшилъ бы для себя во-
 проса о вѣролпной удачѣ или неудачѣ Са-
 мозванцева дѣла: споль расположеніе умовъ
 было отчасти несогласно, отчасти не-
 ясно и нерѣшительно! Войско шло, пови-
 нуясь Царской власпи; но колебалось со-
 мнѣніемъ, полками, взаимнымъ недовѣ-
 ріемъ.

Приближался къ Трубчевску, гдѣ уже
 славилось имя Димитріева, Воеводы Бо-
 рисовы писали къ Сендомирскому, чптобы
 онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мир-
 ной съ Липвою, оставивъ злодѣя Раз-

спирігу на казнь, имѣ заслуженную²⁶⁸. Г.
 Мишекъ не опивѣсповалъ, въ надеждѣ^{1604.}
 чпто войско Борисово не обнажитъ меча:
 пакъ думалъ Самозванецъ; пакъ говори-
 ли ему измѣнники, сносясь съ своими
 единомышленниками въ полкахъ Москов-
 скихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, вер-
 спахъ въ шести отъ спана Лжедими-
 тріева, была переспрѣлка между опрл-
 дами того и другаго войска; а на пре-
 тій день легкая спибка. Ни съ которой
 спироны не изъвляла пылкой ревности:
 Самозванецъ ждалъ, кажется, чптобы рашъ
 Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, свя-
 зала и выдала ему своихъ начальниковъ;
 а Метиславскій, чптобы непріятель ушелъ
 безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва ли
 имѣя и 12000 воиновъ²⁶⁹. Но не видали ни
 измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лже-
 димитрію только при человекѣ изъ Дѣ-
 пней Боярскихъ. Оспавивъ Новгородъ и
 свой укрѣпленный спанъ, онъ выспроилъ
 на равнинѣ, весьма неблагопріятной^{Бл.}
 для войска малочисленнаго; оказывалъ^{шва.}
 спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь
 къ сподвижникамъ²⁷⁰, спараясь воспламе-
 нить ихъ мужество; молился велегласно,
 воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ
 увѣряющъ, громко произнести слѣду-

Г. юція слова: «Всевышній! Ты зришь глупо-
 1604. бину моего сердца. Если обнажаю мечъ
 »неправедно и беззаконно, то сокруши
 »меня Небеснымъ громомъ... (увидимъ
 17 Мая 1606 года!)...» Когда же я правъ
 »и чиспъ душою, дай силу неодолимую
 »рукъ моея въ битвѣ! А Ты, Мать Бо-
 »жія, буди покровомъ нашего воинства»
 271! 21 Декабря началось дѣло, сперва не
 жаркое; но вдругъ конница Польская съ
 воплемъ успремилась на правое крыло
 Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья
 Дмипрій Шуйскій и Михайло Кашинь: оно
 дрогнуло, и въ бѣгснвѣ опрокинуло сре-
 дину войска, гдѣ споялъ Мепиславскій;
 изумасный шакою робоснію и шакимъ
 безпорядкомъ, онъ удерживалъ мечемъ
 своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ;
 облился кровію, и съ пятнадцатью ра-
 нами упалъ на землю: дружина Спрѣль-
 цевъ едва спасла его опъ плѣна²⁷². Чась
 былъ рѣшипельный: если бы Лжедими-
 прій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ
 ударъ смѣлыхъ Ляховъ, то вся рать
 Московская, какъ пашущъ очевидцы,
 представила бы зрѣлице срамнаго бѣг-
 снва; но онъ далъ ей время опомнишься:
 700 Пѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Бо-
 рису, удержали спремленіе непріятель-

скихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. То- Г.
 гда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости,^{1600.}
 чпобы дѣйснвованъ въ шьлу у Само-^{—604.}
 званца, который, слыша выспрѣлы поза-
 ди себя и видя свой укрѣпленный станъ
 въ пламени²⁷³, прекратилъ битву. Объ
 сшороны вдругъ опешупили, Лжедими-
 прій хвался побѣдою и чепырма пѣся-
 чами убившихъ непріятелей, а Борисовы
 Воеводы опъ спыда безмолвснвуя, хоня
 и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чпобы
 менѣе спыднться, Россіане выдумали
 басню: увѣрили, чпю Ляхи испугали ихъ
 коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы на-
 выворотнъ; иноземцы же, свидѣтели сего
 малодушнаго бѣгснва, пишущъ, чпю Рос-
 сіане не имѣли, казалось, ни мечей, ни
 рукъ, имѣя единснвенно ноги²⁷⁴!

Однакожь мнимый побѣдитель не весе-
 лился. Сія битва спранная доказала не то,
 чего хопѣлось Самозванцу: Россіане сра-
 жались съ нимъ худо, безъ усердія, но
 сражались; бѣжали, но опъ него, а не
 къ нему. Опъ зналъ, чпю безъ ихъ обща-
 го предапельства ни Ляхи, ни Козаки не
 свергнули Бориса, и спрашился бытъ ме-
 жду двумя огнями, двумя вѣрными Воевода-
 ми, Мепиславскимъ и Басмановымъ, копо-
 рый, видя опешупленіе перваго, снова

Г. заключился въ крѣпости, готовый у-
 1600. реть въ ея развалинахъ. На другой день
 —604. присоединилось къ Лжедмитрію 4000
 Запорожцевъ²⁷⁵, и войско Борисово удали-
 лось къ Стародубу Сѣверскому, но для
 того, чтобы ожидать шамъ другихъ,
 свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло
 чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ
 Новгороду, обороняемому споль усиленно.
 Ревность наемниковъ и союзниковъ осла-
 бѣла: Алхи надѣялись вести своего Царя
 въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли,
 что надобно разпорочивовашь; не лю-
 били ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ
 осадъ — и какъ легкомысленно начали,
 такъ легкомысленно и кончили: объяви-
 ли, что идутъ назадъ, будто бы испол-
 няя указъ Сигизмундовъ не воевать съ
 Россією въ случаѣ, если она будетъ
 споль за Царя Годунова. Тщепно убѣ-
 ждалъ ихъ Лжедмитрій не перепать на-
 дежды: оспалось не болѣе чепырехъ
 сошъ удалцевъ Польскихъ²⁷⁶, всѣ другіе
 обѣжали во-свосяси, а съ ними и горесн-
 ный Мишекъ. Думая, что все погибло,
 и Княжество Смоленское для него и Цар-
 ство для Марины, сей въпреный спа-
 рець еще дружескиенно простился съ
 женихомъ ея и смѣло обѣщаль ему воз-

Пол-
ки
оспа-
вля-
ютъ
Смо-
ванца

вратиться съ сильнѣйшею рашію. Но Г.
 Самозванецъ, едва ли уже въря наречен-
 1600. ному шестю, еще върилъ счастию: съ
 —604. обрядами священными предавъ на полѣ
 сраженія шѣла убитыхъ, своихъ и не-
 пріятелей, и снявъ осаду Новгорода, рас-
 положился спаномъ въ Комарницкой Во-
 лости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшили
 вооружать, кого могъ: гражданъ и земе-
 дѣльцевъ. Рашь Борисова не дала ему вре-
 мени.

Смятеніе Воеводъ Московскихъ было
 споль велико, что они даже медлили
 извѣстить Царя о бытвѣ: узнавъ ошъ
 другихъ всѣ ея печальныя обстоятель-
 ства, Борисъ (1 Генваря) послалъ Князя Г.
 Василия Шуйскаго къ войску, бытъ^{1605.}
 въпорымъ Предводителемъ онаго, а Чац-
 ника Вельяминова къ раненному Мещи-
 славскому, ударить ему шлою за кровь,
 проліянную имъ изъ усердія къ святому
 опечесшву, и сказать именемъ Госуда-
 ря: »Когда ты, совершивъ знаменишную
 «службу, увидишь образъ Спасовъ, Бого-
 «матери, Чудотворцевъ Московскихъ и
 «наши Царскія очи: тогда пожалуемъ шѣ-
 «бя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ
 «пѣбъ искуснаго врача, да будешь здравъ
 «и снова на конѣ рашномъ.» Всѣмъ ишимъ

Г. Восводамъ Царь велѣлъ объявивъ свое не-
 1605. удовольствіе за ихъ преспунное молча-
 ніе, но войско увѣришь въ милоспш²⁷⁷
 Чшобы блестящею наградою мужества
 оживишь доблесть въ сердцахъ Россійшъ,
 Борисъ, искренно довольный однимъ Ба-
 смановымъ, призвалъ его къ себѣ, вы-
 Честь Бас- манову. слалъ знатнѣйшихъ государственныхъ
 сановниковъ на встрѣчу къ Герою и соб-
 щивенныя великолѣпныя сани для тор-
 жественнаго вѣзда въ Москву со всею
 Царскою пышностію; далъ ему изъ сво-
 ихъ рукъ нижелое золотое блюдо, на-
 сыпанное червонцами, и 2000 рублей²⁷⁸,
 множество серебряныхъ сосудовъ изъ
 казны Кремлевской, доходное помѣстье
 и санъ Боярина Думнаго. Столица и Рос-
 сія обратили взоръ на сего новаго Вель-
 можу, ознаменованнаго вдругъ и славою
 подвига и милоспшію Царскою; превозно-
 сили его необыкновенныя достоинства—
 и любимецъ Государевъ сдѣлался любим-
 цемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ
 своего времени въ общемъ мнѣніи. Но
 споль блестящая награда одного была
 укоризною для многихъ и еспешивенно
 раждала негодованіе зависти между знат-
 ными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть
 уславъ Боярскаго спарвѣйшинства и дань

главное Воеводство Басманову, то, мо- Г.
 жешъ бышь, спасъ бы свой Домъ отъ 1605.
 гибели и Россію отъ бѣдствій: чего
 Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ
 Москву, вѣрояпно, съ намѣреніемъ поль-
 зоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь
 отплатъ лучшаго Восводу у рапи и сдѣ-
 лалъ, кажешя, новую ошибку, избравъ
 Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, по-
 добно Мешиславскому, могъ не робѣть
 смерни въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума,
 ни души Вождя истиннаго, рвнипель-
 наго и смѣлаго; увѣренный въ самозван-
 ствѣ бродяги, не думалъ передать ему
 ошечества, но, угождая Борису какъ
 царедворецъ льстивый, помнилъ свои
 опалы: видѣлъ, можешъ бышь, не безъ
 шайнаго удовольствія муку его пиран-
 скаго сердца, и желая спасти честь Рос-
 сіи, зложелательшеговалъ Царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ
 чиновныхъ Стольниковъ и Стряпчихъ²⁷⁹,
 нанелъ войско близъ Спародуба въ лѣ-
 сахъ, между заѣлками, гдѣ оно, усиленное
 новыми дружинами, какъ бы пайлось
 онгъ неиряшеля, въ бездѣйствіи, въ
 ушшн, съ Предводителемъ недужнымъ;
 другая запасная рать подъ начальствомъ
 Ѳедора Шеремешева собиралась близъ
 8*

Г. Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ по-
 1605. лѣ не менѣе осьмидесяти тысячъ вои-
 новъ²⁸⁰. Мстиславскій, еще изнемогая
 отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двину-
 лись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимириѣ не хо-
 щѣлъ ждать ихъ: смѣлый опчаяніемъ,
 Побѣ- вышелъ изъ города и встрѣтился съ
 да Вос- нимъ въ Добрыничахъ. Силы были несо-
 подъ- ными въ Добрыничахъ. Силы были несо-
 Бри- размѣрны: у него 15,000, конныхъ и пѣ-
 совыхъ шихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70
 тысячъ. Узнавъ, что полки наши пѣс-
 нятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью за-
 жечь ее и въ распахъ нагрянувъ на сон-
 ныхъ: шамошніе жилища взялись подве-
 ссти его къ селенію незамѣтно; но спра-
 жи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась пре-
 вога, и непріятель удалился²⁸¹. Ждали
 разсѣла (21 Января). Самозванецъ мо-
 лился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и
 въ день Новгородской битвы; раздѣлилъ
 войско на три части: для перваго уда-
 ра взялъ себѣ 400 Ляховъ и 2000 Россі-
 янъ всадниковъ, которые все оплеча-
 лись бѣлою одеждою сверхъ ланъ, что-
 бы знать другъ друга въ стѣчѣ²⁸²: за ни-
 ми должны были идти 8000 Козаковъ,
 также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ вои-
 новъ съ пушками. Утромъ началась силь-
 ная пальба. Россіяне, сполъ многочислен-

ные, не шли впередъ, съ обѣихъ сто- г.
 ронъ примыкая къ селенію, гдѣ спояла¹⁶⁰⁵
 ихъ пѣхопа. Оглядѣвъ устройство Мос-
 ковскихъ Воеводъ, Лжедимириѣ съѣлъ на
 борзаго, каряго аргамака, держа въ рукъ
 обнаженный мечъ, и повелъ свою конни-
 цу долиною, чтобы спремительнымъ
 нападеніемъ разрѣзать войско Борисово
 между селеніемъ и правымъ крыломъ.
 Мстиславскій, слабый и помный, былъ
 на конѣ: угадалъ мысль непріятеля, и
 двинулъ сіе крыло, съ иноземною дру-
 жиною, къ нему на встрѣчу. Тушъ Раз-
 стрига, какъ испинный выпязъ, оказалъ
 смѣлость необыкновенную: сильнымъ
 ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ;
 сломалъ и дружину иноземную²⁸³, не смо-
 пря на ея мужественное, блестящее со-
 пропивленіе, и кинулся на пѣхопу Мос-
 ковскую, которая спояла предъ дерев-
 нею съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ — и
 не проталась, какъ бы въ оцѣпѣннѣи;
 ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пу-
 шекъ, изъ десяти или двѣнадцати ты-
 сячъ ружей, поразила непріятеля: мно-
 жество всадниковъ и коней пало; кто
 уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ
 страха — и самъ Лжедимириѣ. Уже Ко-
 заки его неслись-было во всю прысь до-

Г. 1605. вершишь легкую побѣду своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили пыль, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхопа. 5000 Россіянь и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott (*помози Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на просипрансивѣ осьми верстѣ, убили тысячъ шесть, взяли не мало и плѣтниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ испребили бы всѣхъ до единого; если бы Воеводы, какъ пишущи²⁸⁴, не велѣли имъ оспановишься, думая, вѣрояшно, что все кончено, и что самъ Лжедимипрій убитъ. Съ сею счастливого вѣспію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеннъ, и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія...

Борисъ запренялъ ошъ радости; велѣлъ пѣнь благодарственныя молебны, звонилъ въ колокола и предсинавилъ народу професи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольниковъ, послалъ съ любимымъ Спольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей²⁸⁵, и писалъ къ первымъ, что ждепъ ошъ нихъ вѣспи о концѣ мяшежа, будучи гоншовъ ошдапъ вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенноти благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ

Г. 1605. Предводителей, Валпера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда спойла намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяпти сотъ Россіянь и двадцати-пяпти Нѣмцевъ²⁸⁶.

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдишели, безвременно веселись и шоржествуя, упустили его: онъ на раненномъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ шу же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Тапевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ прусовъ или предателей²⁸⁷, такъ, что они съ досадою и спыдомъ ушли во-сволси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимипрій искалъ се въ Пушिवлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще сполли въ Добрыничахъ, занимаясь казиями: вѣшали плѣтниковъ (кромѣ Липовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разспрѣливали земледельцевъ, жишелей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну²⁸⁸, безжалостно

Г. спило и безразсудно, усиливая шѣмъ
1605. оспервененіе мяшежниковъ, ненависть къ
Царю и доброе расположеніе къ обман-
щику, который миловалъ и самыхъ усерд-
ныхъ слугъ своего непріятеля. Сія же-
спіокоспъ, вмѣстѣ съ оплошностію Во-
еводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей
надежды, разбишый на голову, почти
испребленный, съ горспнію бѣглецовъ
увьныхъ, онъ хошѣлъ тайно уйпи изъ
Пушпивля въ Липву: измѣнники опча-
линые удержали его, сказавъ: «мы всѣмъ
»шебъ жерпвовали, а ты думаешь толь-
»ко о жизни поспыдной, и предаешь насъ
»мещи Годунова; но еще можемъ спа-
»спися, выдавъ шебѣ живаго Борису»²⁸⁹
Они предложили ему все, что имѣли:
жизнь и достояніе; ободрили его; руча-
лись за множеспво своихъ единомышлен-
никовъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ
Государспвѣ. Не менѣ ревности оказа-
ли и Козаки Донскіе: ихъ снова пришло
къ Самозванцу 4000 въ Пушпивль²⁹⁰; другіе
засѣли въ городахъ, и клялись обороняпъ
ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедимш-
рій волею и неволею оспался; послалъ
Князя Ташева къ Сигизмунду²⁹¹ пребо-
вапъ немедленнаго вспоможенія; укрѣп-
лялъ Пушпивль, и слѣдуя совѣту измѣн-

никовъ, издалъ новый Манифеспъ, раз- Г.
сказывала въ немъ свою вымышленную 1605.
испорію о Димитріевомъ спасеніи, сви-
дѣпсельспвуясь именемъ людей умершихъ
²⁹², особенно даромъ Князя Ивана Мспи-
славскаго, креспомъ драгоцѣннымъ, и
прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно
воспипывался въ Бѣлороссіи, а послѣ
тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою
въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова
сидящаго на пресполѣ Іоанновомъ. Сей
второй Манифеспъ, удовлетворяя лю-
бобыспству баснями, дополъ неизвѣсп-
ными, умножилъ число друзей Самозван-
ца, хопя и разбишаго. Говорили, что
Россіи не шли на него только принужден-
но, съ незьяснимаго боязнію, внушае-
мою чѣмъ-то сверхъеспспвеннымъ, безъ
сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили слу-
чайно, и не успояли бы безъ слѣннаго
оспервененія Нѣмцевъ; что Провидѣніе
очевидно хошѣло спасти сего вишпзя и
въ самой несчастной бишпвѣ; что онъ и
въ самой крайности не оспавленъ Богомъ,
не оспавленъ вѣрными слугами, которые,
признавъ въ немъ истиннаго Димитрія,
еще гошпвы жерпвовали ему собою, же-
нами, дѣтьми, и конечно не могли бы
имѣть споль великаго усердія къ обман-

Г. 1605. щикъ. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала мѣсяцъ Борисова, спешались въ Пушнвль, пребуя оружія и чesпи умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не испребленъ — пронулись съ мѣсяца, приступили къ Рыльску, и не общая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: «служимъ Царю Димитрію» — и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность²⁹⁵. Воеводы спояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во время чesовѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать оцдохновеніе войску, дѣйствительно упружденному злымъ походомъ; опспунили въ Комарницкую Волость и донесли Царю, что будущъ ждашь шамъ весны въ покойныхъ снахахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости въспревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстислав-

скаго и всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ Г. 1605. къ нимъ въ Оспрогъ Радогоспнскій Окольничаго Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ ушущеніи Самозванца изъ рукъ, въ бесполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые долготъ вѣрно исполняли присягу, обогрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались атомьсленники, чтобы усилить нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться устѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца²⁹⁴, многіе чиновники вопскіе видимо склонились къ Самозванцу, и желаніе *избавить Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя спрогому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле; чтобы удивить Россію ничтожностью своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Пушнвль, соединились съ запасною ратнью Ослофа Шереметева²⁹⁵, уже двѣ или

Г. 1605. Осада Кромь при недѣли тѣснившаго Кромь, и вмѣстѣ съ нимъ, въ Великій постъ, начали осаждашь сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячь восьмидесять или болѣе ратниковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жилищей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ²⁹⁶ съ храбрымъ Апшаномъ Корелю! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣшкою спрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ, или малодушный или уже предашель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступити, въ поспѣ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ²⁹⁷. Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказашъ виновнаго, уже видя худое расположеніе въ смодвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взявъ крѣпость голодомъ, только спрѣляли изъ пушекъ, не вреда осажденнымъ, коцорые выкопали себѣ землянки и подъ защиною вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки²⁹⁸. Между шѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жерст-

вою повальной болѣзни: смертоноснаго мыша²⁹⁹. Сіе бѣдствіе еще оказало доспихвальную заботливость Царя, при-славшаго въ спашъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, пакъ, чпо въ бѣлый день 100 воевъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедимитриевыхъ изъ Пупивля могли пройти въ обожженныя Кромь³⁰⁰.

Досаду на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишуть современники, избавити себя и Россію отъ злодѣя. Три Ипока, знавшіе Отрепьева Діакономъ, явились въ Пупивль (8 Марша) съ грамопами отъ Государя и Паптріарха къ шамошнимъ жителямъ: первый обѣщаль имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго; вторый грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ Церковной анаемы. Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ Царскомъ одѣяніи, на пронтъ, сидѣлъ Полякъ Иваницкій, и представляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ: «знаете ли меня?» Монахи сказали: «нѣтъ; знаемъ только, чпо пы во всякомъ случаѣ не Димитрій.» Ихъ спали пышатъ: двое

Г. терпѣли и молчали; а претѣмъ спасъ се-
 1603. бя объявленіемъ³⁰¹, что у нихъ есть ядъ,
 коимъ они, исполняя волю Борисову, хо-
 пѣли уморить Лжецаревича, и что нѣ-
 копорые изъ ближнихъ его людей въ за-
 говоръ съ ними. Ядъ дѣйствительно на-
 шелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ
 Пноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ
 измѣнниковъ между своими любимцами,
 предалъ ихъ въ жертву народной мести.
 Увѣряющъ, что онъ, хваляся явнымъ Не-
 беснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ
 тогда къ Паптіарху и къ самому Царю:
 укорялъ Гоа злоупотребленіемъ Церков-
 ной власти въ пользу хищника, а Бори-
 са убѣждалъ мирно оставить престолъ
 и свѣсть, заключившись въ монастырь и
 жить для спасенія души, обещая ему
 свою Царскую милость³⁰². Такое письмо,
 если дѣйствительно писанное и достав-
 ленное Годунову, было конечно новымъ
 искупеніемъ для его пвердости!

Пись-
 мо Са-
 мозван-
 ца къ
 Бори-
 су.

Душа сего властолюбца жила тогда
 ужасомъ и припворствомъ. Обмануемый
 побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ спра-
 далъ, видя бездѣйствіе войска, неради-
 вость, неспособность или зломыслие Во-
 еводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не
 избрать худшихъ; спрадалъ, внимая

1603. Г. молвъ народной, благопріятной для Са-
 мозванца, и не имѣя силы унять се, ни
 снисходительными убѣжденіями, ни кляш-
 вою Свяшительскою, ни казню: ибо въ
 сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ
³⁰³ Доносы ежедневно умножались, и Году-
 новъ спрашилъ жеспокою ускорить
 общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ,
 но чувствовалъ оцѣпеніе власни въ
 рукъ своей, и съ престола, еще окружен-
 наго льстивыми рабами, видѣлъ ошкры-
 шую для себя бездну! Дума и Дворъ не
 измѣнялись наружно: въ первой текли
 дѣла, какъ обыкновенно; вторыи блиспаль
 пышноспію, какъ и дополь. Сердца бы-
 ли закрыты: одни шали спрахъ, другіе
 злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ
 принуждать себя Годуновъ, чтобы уны-
 ніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣ-
 спили своей гибели — и, можетъ быть,
 шолько въ глазахъ вѣрной супруги обна-
 руживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глу-
 бокія раны его, чтобы облегчать себя
 свободнымъ спенаніемъ. Онъ не имѣлъ
 ушѣщенія чисшѣйшаго: не могъ пре-
 дашься въ волю Свяшаго Провидѣнія,
 служа шолько идолу властолюбія: хо-
 пѣлъ еще наслаждаться и плодомъ Ди-
 митріева убѣненія, и дерзнулъ бы конеч-
 но на злодѣніе новое, чтобы не лишиться

Г. 1605. ся приобрѣшеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души упѣшася смершній вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для пѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣль мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго.

Коп-
чина
Году-
нова.

Борису исполнилось 53 года опъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокою подагру, и легко могъ, уже спарѣясь, испощить свои плѣсныя силы душевнымъ спраданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и радилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ значныхъ иноземцевъ³⁰⁴, объдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурнопу: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, споль имъ любимые, не могли оспановить ее. Онъ перялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріявъ Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ поий же хранинѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами. . . .

Къ сожалѣнію, попомество не знаетъ

ничего болѣе о сей кончинѣ, разитель- Г. 1605.
ной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты такой жизни — чипать въ его взрахъ и въ душѣ, смященной незапнымъ наспуленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ гоповою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быти, и поздняго раскаянія! . . . Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло опъ насъ зрѣлище споль важное, споль нравоучительное, позволя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряюшъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ опчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ³⁰⁵; но обспоятельства и родъ его смерши подпверждаюшъ ли истину сего извѣствія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человекъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ опъ бѣдствія, малодушно оставивъ жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И порожество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не имѣвало Царю дѣломъ; еще спольло, хопя и безъ усердія, подѣ

Г. его знаменами? Только смерть Борисова
 1605. рвшила успѣхъ обмана; только измѣнни-
 ки, явные и тайные, могли желать, мо-
 гли *ускорить* ее — но всего въролпше,
 что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные
 дни Борисовы, къ испишной скорби опеч-
 чества: ибо сія безвременная кончина бы-
 ла Небесною казню для Россіи еще бо-
 лѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по
 крайней мѣрѣ на прони, не въ узахъ
 предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще
 въ воздаяніе за государствецныя его бла-
 гопворенія; Россія же, лишенная въ немъ
 Царя умнаго и пощенищельнаго, съдѣ-
 лась добычею злодѣйства на многія дѣца.

Но имя Годунова, одного изъ разум-
 нѣйшихъ Власпишелей въ мѣръ, въ шеч-
 ченіе сподѣщій быдо... и будещъ произ-
 носимо съ омерзѣніемъ, во славу прав-
 спвеннаго неуклоннаго правосудія. По-
 помощво видишь лобное мѣсто, обогрен-
 ное кровію невинныхъ... Слѣди Димитрія
 издыхающаго подъ ножемъ убійцы, Героя
 Цесовскаго, въ пещлѣ, споль многихъ
 Вельможъ въ мрачныхъ пещищахъ и кел-
 ліяхъ; видишь гнусную мзду, рукою Вѣн-
 ценосца предлагаемую клеветникамъ доно-
 сителемъ; видишь спешему коварства,
 обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Бо-

гомъ. . . вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ Г.
 добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Бори- 1605.
 совыхъ, въ щедрости, въ любви къ гра-
 жданскому образованію, въ ревности къ
 величію Россіи, въ Полицикѣ мирной и
 здравой? Но сей яркій для ума блескъ
 хладенъ для сердца, удосновѣреннаго, что
 Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ
 случаѣ дѣйствовати вопреки своимъ
 мудрымъ государственнымъ правиламъ,
 если бы власнубоіе потребоvalo опъ
 него такой перемѣны. Опъ не былъ, по
 бывалъ пираномъ; не безумствовалъ, но
 злодѣйствовалъ подобно Іоанну, успра-
 вля совмѣстниковъ или казни недоброже-
 лателей. Если Годуновъ на-время благо-
 устроилъ Державу, на-время возвысилъ
 ее во мнѣніи Европы, шо не онъ ли и
 ввергнулъ Россію въ бездну олополучія,
 почти неслышаннаго — предаль въ добы-
 чу Лахамъ и бродягамъ, вызвалъ на ое-
 дщрѣ сонмъ мспишелей, и самозванцевъ
 испреблещемъ древидю племени Царска-
 го? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ со-
 дѣйствовалъ уничиженію престола, воз-
 сѣвъ на немъ свящубійцею?

Г Л А В А III.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА БОРИСОВИЧА
ГОДУНОВА.

Г. 1605.

Присяга Теодору. Достоинства юного Царя. Избрание Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измена Басманова. Самозванецъ усиливается. Измена Голыциныхъ и Салтыкова. Измена войска. Походъ къ Москвѣ. Отъезжаніе умовъ въ столицу. Измена Москвитянь. Сведеніе Теодора съ престоломъ. Присяга Лжедмитрію. Заточеніе Паптіарха и Годуновыхъ. Царевубійство.

Г.
1605.Прис-
яга
Тео-
до-
ру.

Еще Россіяне погребли Бориса съ честію во храмъ Св. Михаила, между памянниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Священники въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорожной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу*³⁰⁶! Еще всѣ, отъ Паптіарха и Синклипа до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія присягнули «Царицѣ Маріи и ѡдѣжамъ ея, Царю

«Теодору и Ксеніи³⁰⁷, облыываясь спрашившими клятвами не измѣняли имъ, не ^{1605.}умышлять на ихъ жизнь, и не хотѣть на Государство Московское ни бывшаго «Великаго Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни злодѣя, именующаго себя Димитріемъ; не избѣгать Царской службы, и не бояться въ ней ни прудовъ, ни смерти.» Доспигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожь Царемъ законнымъ: сынъ естественнo наследовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою³⁰⁸, и какъ бы давалъ имъ ^{До-}новую силу прелестію своей невинной ^{стопи-}юности, красоты мужественной, души ^{ства}равно твердой и кропкой; онъ соединялъ ^{юного}Царя въ себя умъ отца съ добродѣтелию матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, опрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣанія, всегда упоребляемый родинелемъ въ посредники между закономъ и милостію³⁰⁹. Чего не лзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омра-

Г. 1605. чала пресполь Теодоровъ : ненависть къ опцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдсвѣй опъ алаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быль жерпвою Небесной казни за Годунова, не успрашились подвергнушь ся сей казни за преступленіе собшвенное : за вѣроломство, осуждаемое успавомъ Божеспвеннымъ и человѣческимъ.

Еще Теодоръ, споль юный, имѣль нужду въ совѣтникахъ : мать его блиспала единственнo скромными добродѣшелями своего пола. Немедленно велѣли шремъ знапнѣйшимъ Болрамъ, Князьямъ Мспиславскому, Василью и Дмишрію Шуйскимъ, оспавивъ войско и быль въ Москву, чшобы правительспивовашъ въ Синклишѣ; возвратили свободу, чеспъ и dospояніе славному Бѣльскому⁵¹⁹, чшобы шакже пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: искали уже не спарѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣвашъ ся ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Теодоръ, въ присушествіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ : «слу-

Из-
браніе
Ба-
смано-
ва въ
Воспа-
чаль-
ники.

»жи намъ, какъ ты служилъ опцу мо- 1605.
вему«—и сей чесплюбедъ, пылая (шакъ казалось) чувспвомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу⁵¹¹! Басманову дали въ шоварищи одного изъ знапнѣйшихъ Болръ, Князя Михайла Каптырева-Росповскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Миспрополипа Новгородскаго, Псидора, чшобы войско въ его присуствіи цѣловало креспъ на имя Теодора. — Нѣсколько дней прошло въ тишинѣ для сполиты. Дворъ и народъ шоржеспвенно молились о душѣ Царя успошпаго ; гораздо искреннѣе молились испниные друзья опечеспства о спасеніи Государспва, предвидя бурю. Съ неперпнїемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго спана — и первыя доспсенія новыхъ Воеводъ казались еще благопріятными.

Невидимо держа въ рукъ судьбу опечеспства, Басмановъ 17 Апрелья⁵¹² прибыль въ спанъ, и не нашель тамъ уже ни Мспиславскаго, ни Шуйскаго ; созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подѣ знамена ; извѣспилъ ихъ о воцареніи Теодора, и прочиналь имъ грамопы его, весьма милоспивыя : юный Монархъ обѣщаль вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисо-

Г. 1605. вяхъ. Сильное внутреннее движеніе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россію; другіе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Θεодору. Съ симъ извѣстіемъ Минпрополишь Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ . . . а чрезъ нѣскольکو дней узнали его измѣну!

Измѣна Басманова удивляетъ и попомсво. Сей чедовѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковій часть его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; споль ревностно обличалъ и споль мужеспвенно разилъ его подъ спѣнами Новгорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Θεодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарностъ безпредѣльную, съ надеждою оставилъ блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разсприги, въ видѣ гнуснаго предаателя! Изъяснимъ ли такое непонянное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое шоржеспство Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничтоженія: хотѣлъ лучше отдать и

войско и Царство обманщику, нежели Г. бышь выданнымъ ему мятежниками³¹⁵? 1605. Но полки еще клялись именемъ Божиимъ въ вѣрносипи къ Θεодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не обшая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска³¹⁶. Сей честолюбецъ безъ правилъ чеспти, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Θεодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, еспеспвенно будетъ привязанъ благодарностію и собеспвенною пользою къ главному виновнику своего счастья: судьба ихъ дѣлалась пераздѣльною — и кто могъ запнить Басманова доеспоществами личными? Онъ зналъ другихъ Болръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пуши беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и до довременнымъ порелничеспствомъ и

Г. 1605. блескомъ великаго ума государственнаго: Феодоръ, слабый юностию лъсть и новостію Державска, вселялъ смѣлость въ предавша, вооруженнаго суетудриемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хопя и самозванцу, хопя и челоуѣку низкаго происхожденія, по смѣлому, умному, другу знаменитаго Венценовца Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лжедмитрій на путь добра и милости: обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ — ея счастьемъ! Можетъ быть, Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельству; для выгодъ своего честолюбія; можетъ быть, онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Воеводу и войска къ обманщику. Все цѣловали крестъ Феодору (ибо никто не дерзнулъ быть первымъ мятежникомъ), но большею частію съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ. И тѣ, копорые допсль не вѣрили мнимому Димитрію, спали вѣрнѣ ему, бу-

дучи поражены незапною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство, что не самозванецъ, а дѣйствительно наследникъ Іоанновъ пребуешь своего законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ они думали³¹⁵ — несомнительно благоволилъ о немъ и ведеть его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Феодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Опреньевымъ: слагали ея, вѣроятно безъ умысла, написали единственно: *клянемся не приставать къ тому, кто именуеть себя Димитріемъ*³¹⁶. »Слѣдственно« — говорили многіе — »сказка о бѣгомъ Діаконѣ Чудовскомъ уже поржественно объявляется вымысломъ. Кто же сей Димитрій, если не истинный?« Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Феодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердець общало легкой успѣхъ измѣнъ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрилъ, посредствомъ шайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Оставленный на свободѣ въ Пушквль, Лжедмитрій въ печеніе трехъ мѣсяцевъ укрѣплялъ свои города и воору-

Г. жалъ людей; писалъ къ Мнишку, что на-
 1605. дѣвшея на счастье болѣе нежели, когда ни-
 Само- будь; посылалъ дары къ Хану, желая заклю-
 зва- чить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ спод-
 лець усили- внижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ
 сл. дружиною всадниковъ, приведенныхъ къ
 нему Михайломъ Рапомскимъ, котораго
 увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ бу-
 дещъ и Воевода Сендомирскій съ Королев-
 скими полками³¹⁷. Но только смерть Бо-
 рисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ
 могла исполнить дерзкую надежду Раз-
 сприги: о первой свѣдаль онъ въ концѣ
 Апрѣля опъ бѣглеца, Дворянина Бахме-
 шева³¹⁸; о впорой въ началѣ Мая, въ-
 роятно опъ самого Басманова — и съ по-
 го времени зналъ все, что происходило
 въ странѣ Кромскомъ.

Отдавъ честь мужа Думнаго и сла-
 ву знаменишаго вишязя за прелеснь ис-
 ключительнаго Вельможеслва подъ скип-
 промъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ
 сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ
 низкихъ самолюбцевъ: Боярина Князя Ва-
 силия Васильевича Голицына, брата его
 Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Сал-
 пыкова³¹⁹, которые шакже не имѣли ни
 совѣспи, ни спыда, и шакже хотѣли
 бышь временщиками новаго царствования

Измѣ-
 на Го-
 лицы-
 ныхъ и
 Сал-
 пыко-
 ва.

въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и Г.
 злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ 1605.
 въ своихъ ковахъ: обманывала другъ дру-
 га, лицемѣры находили въ Лжедимитріи
 все признаки истиннаго³²⁰, добродѣтели
 Царскія и свойства души высокой; ди-
 вились чудесной судьбѣ его, ознаменован-
 ной перстомъ Божиимъ; злословили цар-
 ство Годуновыхъ, списканное лукав-
 ствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣд-
 ствіе войны междоусобной и кровопро-
 липной, необходимой для удержанія ко-
 роны на слабой главѣ Феодоровой, и въ
 поржесствѣ Разсприги видѣли пользу,
 пишину, счастье Россіи. Они условились
 въ предательствѣ, и спѣшили дѣйстви-
 вать. Еще нѣсколько дней коварствовали
 впайнѣ, умножая число надежныхъ ели-
 номъшленниковъ (между коими отличались
 ревностію Боярскіе Дѣти городовъ
 Рязани³²¹, Тулы, Коширы, Алексина);
 успокаивали совѣспь людей малоумныхъ,
 недалновидныхъ, швердл и повпоряя,
 что для Россіянъ одна присяга законная:
 данная ими Ивану и дѣпямъ его; что
 новѣйшія, взятыя съ нихъ на имя Бори-
 са и Феодора, суть плодъ обмана и не-
 дѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не
 умираетъ и здравешвуетъ въ Пушквлѣ.

Г. Наконецъ, 7 Мая³²², заговоръ открылся: ударили тревогу; Басмановъ съѣлъ на ко-
 1605. Навой-
 ска. ня, и громко объявилъ Димитрій Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: » да здравствуетъ же отецъ нашъ, Государь Димитрій Иоанновичъ! « Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. Тогда единственно проснулись Воеводы первые, обманутые коварствомъ Басманова: Князь Михайло Капыревъ-Росптовскій, Андрей Телешевскій, Иванъ Ивановичъ Годуновъ; но поздно! Видя малое число усердныхъ къ Θεодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чинщиками и воинами, Россійцами и чужеземцами³²⁵: ихъ гнали, били; настали Ивана Годунова, и связаннаго привели въ спань, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи поржествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ опещива. Никто не смѣлъ изъяснить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новгорода-Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на пронѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣспи для обольщенныхъ вѣроломцевъ! . . . Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣй-

ствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ Г. Лукашиномъ: Князь Василій Голицынъ 1605. велѣлъ связать себя, желая на всякій случай уверить Россію, что предается обманщику неволею³²⁴!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Θεодору, быль вѣрнымъ мнимому Димитрію, и дало знать Апанаму Корсакъ, что они служатъ уже одному Государю. Война прекратилась: Кромскіе защитники выползли изъ своихъ норъ и брагски обнимались съ бывшими неприятелями на валу крѣпости; а Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Пушквль, уже не къ Царевичу, а къ Царю³²⁵, съ повинною опъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Димитрій имѣлъ нужду въ необыкновенной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво сидѣлъ на пронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ сановниковъ и Дворян³²⁶, смиренно билъ ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ шакъ: »Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ державу Россіи, и ждетъ твоего милосердія. Обольщенные Борисомъ, мы долго пропивились нашему Царю законно-

Г. 1605. »му: нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно себѣ присягнули. Иди на престолю родительскій; царствуй счастливо, и многія льба! Враги твои, клеветники Борисовы, въ узахъ. Если Москва дерзнетъ бытъ спиропливою, по смиришь ее. Иди съ нами въ столицу, вничаешься на царство!«. . . Въ сей самый часъ, поизвѣстію Лынописца, нѣкоторые Дворяне Московскіе, емопрѣ на Лжедмитрія, узнали въ немъ Діакона Отрепьева²⁷: содрогнулись, но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро представляя лице Монарха великодушнаго, пронушаго раскаяніемъ виновныхъ поданныхъ, счастливый обманчикъ не благодарилъ, а только просилъ войско; велѣлъ ему итти къ Орлу²⁸, и самъ выступилъ туда 19 Мая изъ Пупивля съ 600 Ляховъ, съ Донцами и своими Россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужествомъ ихъ защитниковъ, и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ печеніе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячъ добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи,

Походъ къ Москвѣ.

изъявить удивленіе и хвалился чудомъ Г. Небесной къ нему милости. Далѣе на 1605. пупи встрѣтили Разспригу Воеводу, Михайло Салпыковъ, Князь Василій Голицынь, Шереметевъ и Глава предапельсва, Басмановъ . . . сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за него, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ опечесствомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лжедмитрій распустилъ часть его на мѣсяць для отдохновенія²⁹, другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ шихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Аспрахани привезли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Феодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Испоріи, ввергнули въ шемницу³⁰. Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ пѣснились къ его коню, чпобы лобызатъ ноги Са-

1605. Г. мозванца! Все было въ волненіи, не ужа-
 дя, но радости. Исчезъ оплошь спыда и
 спраха для измѣны: она бурною рѣкою
 стремилась къ Москвѣ, неся съ собою
 гибель Царю и народной чести. Тамъ
 первыми вѣспниками злополучія были
 бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Каны-
 ревъ-Рословскій и Теляшевскій съ ихъ
 дружищами³³¹. Феодоръ, еще пользуясь
 Царскою властію, изъявилъ имъ благо-
 дарность опечесства шоржеспвенными
 наградами — и какъ бы спокойно ждалъ
 своего жребія на бѣдствениомъ прощѣ,
 видя вокругъ себя уже не многихъ друзей
 искреннихъ, опчаяніе, недоуміе, при-
 творство, а въ народѣ еще пишину, но
 грозную: гошовность къ великой пере-
 мѣнѣ, пайно желасмой сердцами³³². Мо-
 жешь бышь, зломысліе и лукавство нѣ-
 копорыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благо-
 пріяшствуя Самозванцу, усыпляли жерш-
 ву на канувъ ея закланія: обманыва-
 ли Феодора, его машь и ближнихъ,
 уменьшая опасность или предлагая мѣры
 недѣйствительныя для спасенія. Власть
 верховная дремала въ палапахъ Кремлев-
 скихъ, когда Опрешевъ шелъ къ столицѣ,
 — когда имя Димитрія уже гремѣло
 на берегахъ Оки, — когда на самой Крас-

Оцѣ-
 пенѣ-
 ніе
 умовъ
 въ
 столицѣ

Г. 1605. ной площади толпился народъ, съ жад-
 ностію слушающій вѣсти объ его успѣхахъ.
 Еще были Воеводы и воины вѣрные:
 юный Спрашигъ державшій, въ видѣ Ан-
 гела красоты и невинности, еще могъ
 бы смѣло иппи съ ними на сонмы ослѣ-
 пленныхъ клятвопреступниковъ и на
 подлаго Разспригу: въ дѣлѣ законномъ
 есть сила особенная, непонятная и спра-
 шная для беззаконія. Но если не ковар-
 стиво, то чудное оцѣпеніе умовъ предава-
 ло Москву въ мирную добычу злодѣй-
 ству. Звукъ оружія и движенія ратныхъ
 могли бы дать бодрость унылымъ и
 спрахъ измѣнникамъ; но спокойствіе,
 ложное, смертоносное, господствовало въ
 столицѣ, и служило для козней вожде-
 лѣннымъ досугомъ. Дѣлшсльность Прави-
 тельства оказывалась единственно въ
 томъ, что ловили гонцевъ съ грамопами
 опъ войска и Самозванца къ Московскимъ
 жителямъ³³³: грамопы жгли, гонцевъ са-
 жали въ шемницу; наконецъ не успере-
 гли — и въ одинъ часъ все совершилось!

Лжедимитрій, угадывая, что его
 письма не доходятъ до Москвы, избралъ на
 двухъ сановниковъ смѣлыхъ, распороп-
 ныхъ, Плещеева и Пушкина³³⁴: даль имъ
 грамопу и велѣлъ вхашь въ Красное се-

Г. 1605. ло, чшобы возмушишь пашошнихъ жи- шелей, а чрезъ нихъ и шшлицу. Сдѣла- дось, какъ онъ думалъ. Купцы и реме- сленники Красносельскіе, плѣненные до- вѣренностію мнимаго Димитрія, присяг- нули ему съ ревностію, и торжествен- но ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, опкрытую, безоружную: ибо войны, вы- сланные Царемъ для усмиренія сихъ мятеж- никовъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ ме- ча; а Красносельцы, славя Димитрія, на- шли множество единомышленниковъ въ шшлицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣко- торые присяжали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ спре- мился къ лобному мѣсту, гдѣ, по данно- му знаку, все умолкло, чшобы слу- шать грамоту Лжедимитріеву къ Син- клипу, къ Большимъ Дворянамъ, санов- никамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и чернымъ⁵³⁵. »Вы »клялися опцу моему« — писалъ Разспри- га — »не измѣняшь его дѣшамъ и по- »шомству во вѣки вѣковъ, но взяли Го- »дунова въ Цари. Не упрекаю васъ: вы »думали, что Борисъ умерщвилъ меня »въ лѣпахъ младенческихъ; не знали его »лукавства и не смѣли противиться че-

»ловьку, который уже самовлашвовалъ Г. 1605. »и въ царешованіе Θεодора Іоанновича, »— жаловалъ и казилъ, кого хопѣлъ. »Имъ обольщенные, вы не вѣрили, что »я, спасенный Богомъ, иду къ вамъ съ »любовію и крепостію. Драгоценная кровь »лилася . . . Но жалю о томъ безъ гнѣва: »невѣдніе и страхъ извиняють васъ. »Уже судьба рѣшилась: города и войско »мои. Дерзните ли на брань междуособ- »ную въ угодность Маріи Годуновой и »сыну ея? Имъ не жалъ Россіи: они не »своимъ, а чужимъ владѣють; уинпали »кровію землю Сѣверскую и хопяють ра- »зоренія Москвы. Вспомните, что было »опшъ Годунова вамъ, Бояре, Восводы и »всѣ люди знаменитые: сколько опалъ и »обшчестія нещоснаго? А вы, Дворяне и »Дѣли Боярскіе, чего не прешерпѣли въ »шлагосныхъ службахъ и въ ссылакахъ? »А вы, купцы и госшц, сколько упѣсене- »ній имѣли въ торговѣ, и какими неу- »штранными пошлинами опягощались? »Мы же хопимъ васъ жаловать безпри- »штрно: Боярь и всѣхъ мужей санови- »шпыхъ честію и новыми опчинами, Дво- »рлянъ и людей Приказныхъ милосшію, »госшпей и купцевъ лшгошю, въ непре- »рывное шеченіе дней мирныхъ и ши-

Г. 1605. »хихъ. Дерзнете ли быть непреклонны-
 »ми? Но опъ нашей Царской руки не
 »избудете: иду и сяду на престолъ опъ-
 »ца моего; иду съ сильнымъ войскомъ,
 »своимъ и Липовскимъ: ибо не только
 »Россіяне, но и чужеземцы охотно жер-
 »твуютъ мнѣ жизнью. Самые невѣрные
 »Ногаи хотѣли слѣдовать за мною: я ве-
 »лѣлъ имъ оспаться въ степяхъ, шадя
 »Россію. Спрашались гибели, временной
 »и вѣчной; спрашались отвѣта въ день
 »суда Божія: смиритесь, и немедленно
 »пришлише Митрополиповъ, Архіеписко-
 »повъ, мужей Думныхъ, Большихъ Дво-
 »рянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и шор-
 »говыхъ, бились намъ челомъ, какъ ваше-
 »му Царю законному.« Народъ Московскій
 слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ
 пакъ³³⁶: »Войско и Бояре поддалися безъ
 »сомнѣнія не ложному Димитрію. Онъ
 »приближается къ Москвѣ: съ кѣмъ
 »споятъ намъ противъ его силы? съ
 »горстію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ на-
 »шими ли спарцами, женами и младси-
 »цами? и за кого? за ненавистныхъ Го-
 »дуновыхъ, похитителей Державной вла-
 »сти? Для ихъ спасенія предадимъ ли
 »Москву пламени и разоренію? Но не спа-
 »семъ ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ

»безполезнымъ. Слѣдственно не о чемъ Г.
 »думать: должно прибѣгнуть къ мило- 1605.
 »сердію Димитрія!»

И въ то время, когда сіе беззакон-
 ное Вѣче располагало Царствомъ, глав-
 ные совѣтники Престола пренепали въ
 Кремль опъ ужаса. Патриархъ молилъ
 Бояръ дѣйствовать, а самъ, въ смяте-
 ннн духа, не мыслилъ явиться на лоб-
 номъ мѣстѣ въ ризахъ Священнелскихъ,
 съ крестомъ въ десницѣ, съ благослове-
 ніемъ для вѣрныхъ; съ клятвою для из-
 мѣнниковъ: онъ только плакалъ³³⁷! Знаш-
 нѣйшіе Болре, Мстиславскій и Василій
 Шуйскій, Бельскій и другіе Думные Со-
 вѣтники вышли изъ Кремля къ гражда-
 намъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ
 увѣщаніе, и хотѣли схватить голицевъ
 Лжедимитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и
 завонилъ: »Время Годуновыхъ миновалось!
 »мы были съ ними во тѣмъ кромѣшней:
 »солнце восходитъ для Россіи! Да здравъ
 »спивуетъ Царь Димитрій! Клятва Бори-
 »совой памяти! Гибель племени Годуно-
 »выхъ!« Съ симъ воплемъ толпы ринулись
 въ Кремль. Спража и шѣлохранители ис-
 чезли вмѣстѣ съ поданными для Теодо-
 ра: дѣйствовать одни буйные мятежни-
 ки; вломились во дворець; и дерзостною

Г. рукою коснулись того, кому недавно
1605. присягали : спасили юнаго Царя съ пре-
спола³³⁸, гдѣ онъ искалъ безопасности !
След- Мать злосчастная упала къ ногамъ не-
ннѣ сповыхъ и слезно молила не о царствѣ,
Осодо- а только о жизни милаго сына ! Но мн-
ра съ лтсжники еще спрашивали бытъ извер-
пре- гами : безвредно вывели Θεодора, его мать
спола и сестру изъ дворца въ Кремлевскій соб-
оръ славенный домъ Борисовъ, и тамъ при-
справили къ нимъ спражу ; всѣхъ род-
ственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Са-
буровыхъ, Вельяминовыхъ, заключили,
имѣннѣ ихъ расхипили, дома сломали ; не
оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ
ипоземныхъ Медиковъ, любимцевъ Бори-
зовыхъ ; хоптали грабиль и погреба ка-
зенные, но удержались, когда Бѣльскій на-
помнилъ имъ, что все казенное уже сепъ
Димитріево³³⁹. Сей пѣступнъ меньшаго
Юаннова сына³⁴⁰ явился тогда вдругъ глав-
нымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій
врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими
Боярами, малодушными или коварными
спарался упишнть мятежь именемъ Ца-
ря новаго. Всѣ дали присягу Димитрію,
и (5 Юня) Вельможи, Князь Иванъ Ми-
хайловичъ Ворошнскій, Андрей Теляшев-
скій, Пётръ Шереметевъ, Думный Дьякъ

При-
сва
Лже-
димитрію.

Власевъ, и другіе знапнѣйшіе чиновни- Г.
ки, Дворяне, граждане выѣхали изъ спо- 1605.
лицы съ повинного къ Самозванцу въ Ту-
лу³⁴¹. Уже вѣспникъ Плещеева и Пушки-
на предупредилъ ихъ ; уже Разсприга
зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и
еще не былъ спокоенъ : послалъ куда
Князя Василья Голицына, Мосальскаго и
Дьяка Супупова³⁴² съ тайнымъ наказомъ,
а Петра Басманова съ воинскою дружи-
ною, чтобы мерзоспнымъ злодѣйствомъ
увѣнчать поржесство беззаконія.

Сн достойные слуги Лжедимитрі-
евы, приптые въ Москвѣ какъ полномо-
спные исполнители Царской воли, нача-
ли дѣло свое съ Паппріарха. Слабодуш-
нымъ учаспемъ въ козняхъ Борисовыхъ
лишивъ себя довѣренности народной, не
имѣвъ мужесства умереть за испину и
за Θεодора, онѣмѣвъ опъ спраха, и даже,
какъ увѣряющъ, вмѣспъ съ другими Свя-
пипелями *бивъ теломъ* Самозванцу³⁴³, на-
дѣлся ли Ювъ снискасть въ немъ срам-
ную милоспъ ? Но Лжедимитрій не въ-
рилъ его безспыдству ; не вѣрнлъ, что-
бы онъ могъ съ видомъ благоговѣння воз-
ложнть Царскій вѣнецъ на своего бѣгла-
го Діакона — и для шого Послы Само-
званцевы объявили народу Московско-

Г. 1605. му, что рабъ Годуновыхъ не долженъ оспасться Первосвященелемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Пашриарха⁵⁴⁴. Иовъ со-вершалъ Липургію въ храмъ Успенія: вдругъ мясешники неисповые, вооруженные коньями и дреколіемъ, вбгаютъ въ церковь; не слушаютьъ Божешвеннаго пѣнія; спремьятсѣ въ Олшарь, хватаютьъ и влекутъ Пашриарха; рвутъ съ него одежду Священельскую... Тутьъ несчастный Иовъ изьявилъ и смиреніе и ивердоспъ: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно: »Здѣсь, предъ жею Свяшою иконою, я былъ удоспоенъ сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ хранилъ цѣлоспъ Вѣры: нынѣ вижу бѣдспвіе Церкви, шоржештво обмана и ереси. Матерь Божія! спаси Православіе!« Его одѣли въ черную ризу, *таскали, позорили* въ храмъ, на площади, и вывели въ шелегъ изъ города, чпобы заключишь въ монастырьъ Спарицкомъ. — Удаливъ важнѣйшаго Свидѣтеля истины, пропивнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ⁵⁴⁵: отправили ихъ скованныхъ въ шемницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ

(ненавистнаго Семена Годупова задавили Г. въ Переславѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейшва. Юный Феодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ спражею въ шомъ домѣ, откуда влашполюбіе Борисово извлекло ихъ на есапръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Народъ еще уважилъ въ нихъ свяпоспъ Царскаго сана, — можетъ бышь, и свяпоспъ непорочности; можетъ бышь, въ самомъ неистовствѣ бунпа желалъ, чпобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оспавиль жизнь несчастнымъ хопя въ уединеніи какого нибудь монастыря пущыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалосъ Разспригъ несогласнымъ съ Полипикою: чѣмъ болѣе доспоинспвъ личныхъ имѣлъ сверженный, законный Царь, пѣмъ болѣе онъ могъ спрашишь Лжецаря, возводимаго на пресполь злодѣйспвомъ пѣкопорыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда гошовишь другую — и никакая пущыня не скрыла бы Державнаго юношу отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣрояшно, думалъ и Басмановъ; однакожь не хопѣлъ явно участвовати въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья

г. Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерешдиновъ⁵⁴⁶, взявъ съ собою прехъ звѣровидныхъ Спрѣльцевъ, 10 Юня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Θεодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ машери, въ ожиданіи воли Божіей; вырвали пѣжныхъ дѣпей изъ объясій Царицы, развели ихъ по особымъ комнашамъ, и велѣли Спрѣльцамъ дѣйствовать⁵⁴⁷: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Θεодоръ, надѣленный опъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ чешырма убійцами, копорые едва могли одолѣшь и задушить его⁵⁴⁸. Ксенія была несчастнѣе машери и брапа: оспалась жива: гнусный сласполюбець Разсприга слышалъ объ ея прелеспяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ея къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Θεодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядохъ; но трупы ихъ, дерзосно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія⁵⁴⁹. Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жершвы, суируга и сынъ власполюбца, копорый обожалъ—и погубилъ ихъ, давъ имъ пресполь на ужасъ и на смерть люшѣйшую! »Святая кровь Димитріева,«

говорятъ Лѣтописцы, »пробовала крови Г. 1605.
вчиспой, и невинные пали за виновнаго, да спрашались преступники и за своихъ ближнихъ!« Многіе смопрѣли только съ любопытствомъ, по многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, копорая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою свяпоубійцы, жила единственнo благодѣлніями, и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній⁵⁵⁰; еще болѣе жалѣли о Θεодорѣ, копорый цвѣлъ добродѣшело и надеждою: сполько имѣлъ, и сполько обѣщалъ прекраснаго, для счастья Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали пѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвничій монастырь Св. Варсонофія на Срѣпенкѣ⁵⁵¹, и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Θεодора и Маріи!

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началась новая надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.
ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Г. 1605 — 1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посольство Англійскій. Шестіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Цирь. Милоспн. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симсош и Годуновы. Гробы Нагихъ и Ромашовыхъ перенесены въ Москву. Благодарнія. Преобразование Думы. Любовь Самозванца къ Рѣзнику IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригъ. Избраніе новаго Патриарха. Безмодное суддѣтельство Царицы-Инокнии. Вычавіе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Поспиріженіе Ксвіи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы шлохранители. Нышность и веселья. Посольство въ Липву за певѣшою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухъ о Самозванцѣ въ Польшь. Лжедимитрій платитъ долги Мининковы. Пронсисспвіа въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Пестръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Спощенія съ Халомъ Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дѣлка Осипова. Опала Царя Симеона и Ташицева. Путешествіе Воеводы Сепдомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мишкова. Условія. Опала двухъ Священствей. Въездъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны.

ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новья причины къ негодованію. Пыры. Новая ссора съ Липовскими Послами. Переговоры государственныхыя. Замышляемыя погѣхи. Наглоспѣ Лиховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Последняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басмазова. Свидѣтельство Царицы-Инокнии. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадить Марицу. Убийства. Бояре упишашутъ мяскаш. Глубокая пишина почи. Козинъ властолюбилъ. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣліе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйсствительно обманщикъ.

Незлною дерзосптію и неслыханнымъ Г. 1605.
счастьемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Испоріи: изъ бѣлаго Монаха, Козака-разбойника и слуги Пана Липовскаго въ при года спавъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неувидленнымъ среди блеска и величія, копорые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безспыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной поржества и ликованія: тамъ собралоса бо-

Г. 1605. лѣе ста тысячъ людей воинскихъ и чиновныхъ⁵⁵², множество купцевъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ городовъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскими и Теляшевскимъ, избранными бить челомъ Разспригъ опъ имени Москвы, спѣшили туда и знашнѣйшіе Думные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе, чтобы достойно вкусишь плодъ своего малодушія: презрѣніе опъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Въспѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Лжедимирия Козаки, новые Донскіе выходцы (Смага Черпенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную спротивность. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ униженныхъ, особенно Князя Андрея Теляшевскаго, долѣ другихъ вѣрнаго закону⁵⁵³. Вельможи предспавили Лжедимирию печать государспвенную, ключи опъ казны Кремлевской, одежды, достѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началось Державство Разсприги, копорый, по внушенію ли собспвеннаго ума или совѣн-

никовъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйспвуя свободно, рѣшительно, 1605. какъ бы человекъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власпи: 11 Юня, еще не имѣвъ вѣсти о Θεодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города, и въ самую Укадальную Сибирь, что онъ, укрьпый не-Лжевидимою силою опъ злодѣя Бориса, и до-Димирѣвъ до мужеспва, правомъ наслѣдія съль-прісвы на Государспвѣ Московскомъ; что Духовенство, Синклипъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что Воеводы городскіе должны немедленно взять со всѣхъ людей такую же прислугу на имя Царицы - матери, Инокнии Марѣи Θεодоровны, и его, Царя Димирия, съ обязательствомъ служишь имъ вѣрно и не давать отравы, не сносишь ни съ жѣною, ни съ сыномъ Борисовымъ, *Тедькою*, и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мстишь ни кому, не убивать никого безъ указа Государева, жить въ тишичѣ и мирѣ, а на службѣ *прлнить* и муа.спствовашъ неизмѣнно⁵⁵⁴. Уже Самозванецъ занимался и дѣлами внѣшними: велѣлъ догнашь Посла Англійскаго, Смиша, *у соль* еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взялъ у *Ап* него Борисовы письма къ Королю, и ска-*глий* залъ ему, что новый Царь, въ знакъ *скій*.

Г. 1605. особеннаго дружества къ Англіи, дася ея купцамъ новыя выгоды въ порговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія оправишь изъ Москвы знашнаго савонника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому обычаю и движению истинной любви къ Якову⁵⁵⁵.

Узнавъ, что воля его исполнилась: Папирархъ свержень, Осодоръ и Марія въ могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ неперпнѣемъ ждесть воскресшаго Димипрія, — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня раположился спаномъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ чиновники и знавшійшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, златыя кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую ушварь Царскую, и говорили съ видомъ едиводушнаго усердія: »Иди и владѣй достояніемъ пвоихъ предковъ. Свяшые храмы, Москва и черпоги Іоанновы ожидаютъ шебя. Уже шѣшь злодѣвъ: земля поглотила ихъ. »Наспало время мира, любви и веселія»⁵⁵⁶. Лжедимипрій опвѣщспивоваль, что забываетъ вины дѣшей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ опцемъ Россіи. Тупъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бивъ до конца вѣрными Бо-

Шес-
спнѣе
къ
Мос-
квѣ.

рису, оказавъ мужество въ двухъ бипвахъ, не хопѣвъ учаспвовать и въ измѣнѣ Воеводѣ подѣ Кромаи, они молили Самозванца не вмѣняшь имъ дѣла добросовѣстнаго въ пресипупленіе, и писали: »мы честпно исполнили долгъ присяги, и шкакъ служили Борису, шакъ готовы служить и шебѣ, уже Царю законному.« Лжедимипрій прицалъ ихъ начальниковъ весьма милоспиво, и сказалъ: »будте для меня по же, что вы были для Го-»
дунова: я вѣрю вамъ болѣе, нежели сво-»
димъ Русскимъ»⁵⁵⁷! Онъ хопѣль видѣшь Нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской бипвѣ, и положивъ ему руку на грудь, славиль его неуспрашимость: чего не могли слушать Россіане съ удовольствіемъ; но они должны были изъвлять радость!

20 Іюня, въ прекрасный лѣпнѣй день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, поржеспвенно и пышно. Впереди Поляки⁵⁵⁸, липшаврщики, шрубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложеныя шеспернями и верховыя лошади Царскія, богашо украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіанъ, Духовенство съ крестами⁵⁵⁹ и Лжедимипрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣ-

Г.
1605.

Доб-
рен-
поспѣ
къ
Нѣм-
цамъ.

Вступ-
леніе
въ
столи-
цу.

Г. 1605. ной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ : вокругъ его 60 Бояръ и Князей ; за ними дружина Липовская, Нѣмцы, Козаки и Спрѣльцы. Звонили во все колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей ; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрипелями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ : »Здравствуй опецъ нашъ, Государь и Великій Князь Димитрій Иоанновичъ, спасенный Богомъ для наше-го благоденствія ! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи ! « Лжедимитрій всѣхъ громко привѣщсповалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ вспапъ и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣривъ Москвитянамъ : ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ : все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и воропа Москворѣцкія выгхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь : всадники едва могли усидѣть на коняхъ ; пыль взвилась сполбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось³⁶⁰. Сей случай естественный поразилъ во-

иновъ и гражданъ ; они креслились въ Г. 1605. ужасъ, говоря другъ другу : »Спаси насъ, Господи, опъ бѣды ! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія ! « Тушь же люди благочеспивые были вспревожены соблазномъ : когда Разсприга, вспрѣченый Свящспелыми и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чшобы приложиться къ образамъ, Липовскіе музыканты играли на прубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна³⁶¹. Увидѣли и другую непристойность . вспупивъ за Духовенспвомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успе-нія, Лжедимитрій ввелъ шуда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ : чего никогда не бывало, и чшо казалось народу оскверненіемъ храма³⁶². Такъ Разсприга на самомъ первомъ шагу изумилъ споллицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ свящспнымъ ! . . . Опшуда спѣшилъ онъ въ церковь Архиспратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Иоанновъ, лилъ слезы и сказалъ : »О родишель любезный ! пы оставилъ меня въ сиропствѣ и гоненіи ; но свщспными пвоыми молишвами я цѣль и державспвую ! « Сіе искусное лицедѣйствіе было не бесполезно : народъ плакалъ и говорилъ : »шю

Г. 1605. »истинный Димитрій!» Наконецъ Разсприга въ черпогахъ Иоанновыхъ съѣлъ на пресполь Государей Московскихъ.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, кошорый спалъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Иоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ³⁶⁵; убѣждалъ Россіянь любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служишь ему вѣрно. Народъ опивѣспвовалъ единогласно: »многія лѣта »Государю нашему Димитрію! Да погибнутъ враги его!« — Торжествовало казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили и веселились до глубокой ночи.

Пиръ. »Но плачь былъ не далеко отъ радости,« говоритъ Лѣтописецъ, »и вино лилось въ Москвѣ предъ кровію«³⁶⁴.

Мило-сти. Объявили милости: Лжедимитрій возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но и всѣмъ опальнымъ Бо-

рисова времени: спрадальца Михайла Нагаго³⁶⁵ пожаловалъ въ санъ Великаго Князя; брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никипича Романова, двухъ Щереметевыхъ, двухъ Князей Голицыныхъ, Долгорукаго, Ташева, Куракина и Кашина въ Болре; многихъ въ Околиціе, и между ими знамениаго Василья Шелкалова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; Князя Василья Голицына назвалъ Великимъ Дворецкимъ, Бѣльскаго Великимъ Оружничимъ, Князя Михайла Скопика - Шуйскаго Великимъ Мехникомъ, Князя Лыкова-Оболенскаго Великимъ Крайчимъ, Пушкина Великимъ Сокольничимъ, Дьяка Сущупова Великимъ Секретаремъ и Печаникомъ, а Власьева также Секретаремъ Великимъ и Надворнымъ Подскарбіемъ или Казначеемъ, — то есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноязычныя, заимствованныя отъ Ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго, опальнаго Инока Филарета изъ Сійскаго пустыни, чтобы дать ему санъ Митрополита Ростовскаго³⁶⁶: сей добродѣтельный мужъ, некогда главный изъ Вельможъ и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ сладостное упѣшеніе видѣшь шѣхъ, о коихъ и въ жизни опшель-

Филаретъ и Михаилъ.

Г. ника посковало его сердце: бывшую су-
 1605. пругу свою и сына. Съ того времени
 Ниокиня Марѳа и юный Михаилъ, оп-
 данный ей на воспитаніе, жили въ Епар-
 хіи Филаретовой, близъ Коспромы, въ
 монастырьъ Св. Ипатія, гдѣ все напоми-
 нало непрочную знаменитость и рази-
 тельное паденіе ихъ личныхъ злодѣвъ:
 ибо сей монастырьъ въ XIV вѣкѣ былъ
 основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою
 Чепомъ, и богато украшенъ ими. —
 Странное пугалище воображенія Борисо-
 ва, мнимый Царь и Великій Князь Иоан-
 нова времени, Симсонъ Бекбулатовичъ,
 ослѣпленный, какъ увѣряють³⁶⁷, и со-
 сланный Годуновымъ, также удостоился
 Лжедимитріева благоволенія, въ память
 Иоанну: ему велѣли бысть ко Двору, ока-
 зали великую честь и дозволили снова
 именоваться Царемъ³⁶⁸. Сняли опалу съ
 родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ
 мѣста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ
 Гробы На- обласняхъ дальнихъ. Не забыли и мерш-
 1605. выхъ: пѣла Нагихъ и Романовыхъ, усоп-
 Романо- шихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ
 новыхъ пресе- пусынныхъ, перевезли въ Москву и
 сени въ схоронили съ честью, тамъ, гдѣ лежали
 Мос- ихъ предки и ближніе³⁶⁹.

Угодивъ всей Россіи милостями къ

невиннымъ жертвамъ Борисова ширап- Г.
 ства, Лжедимитріей спарался угодить 1605. Благо-
 ей и благодареніями общими: удвоилъ жа- дѣвля
 лованье сановникамъ и войску³⁷⁰; велѣлъ
 заплачивать всѣ долги казенные Иоаннова
 царствования, отпѣнилъ многія торго-
 выя и судныя пошлины; строго запре-
 тилъ всякое мздоимство и наказалъ мно-
 гихъ судей безсовѣстныхъ; обнарудовалъ,
 что въ каждую Среду и Субботу будеть
 самъ принимаешь челобитныя отъ жалоб-
 щиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ из-
 далъ также достопамятный законъ о
 крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ
 бѣглыхъ возвращить ихъ опчинникамъ и
 помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые уш-
 ли во время голода, бывшаго въ Борисо-
 во царствованіе, не имѣвъ нужного про-
 припанія; объявилъ свободными слугъ,
 лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпо-
 стей, внесенныхъ въ государственный
 книги³⁷¹. Чпобы оказать довѣренность
 къ подданнымъ, Лжедимитріей оппустилъ
 своихъ иноземныхъ пѣлохранищелей³⁷²
 и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ
 въ награду за вѣрную службу по сороку
 злотыхъ, деньгами и мѣхами, но пѣмъ
 не удовлетворивъ ихъ корыстолюбію:

1605. Г. они хопѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Плѣненный обычаями поюй земли, гдѣ началась его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россією, Лжедмитрій не удовольствовывался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій; онъ сѣвшилъ, въ духъ сего подражанія, измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патриарха (что въ важныхъ случаяхъ и дошолъ бывало), чепыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и шремъ Епископамъ³⁷³, надѣясь, можешъ бышь, обольщитъ шѣмъ мірское чеполубіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно шамъ присуписивовалъ, слушалъ и рѣшилъ дѣла, какъ увѣряющъ, съ необыкновенною легкостію³⁷⁴. Пишущъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блисшалъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, по еспь, въ Липвѣ и въ Поль-

Преобра-
зова-
ніе Ду-
мы.

нѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому Феррику IV³⁷⁵; хвалился, подобно Вориссу, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и швердилъ людямъ ближнимъ: «я могу двумя способами удержаться на престолѣ: шнствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно исполнить обѣщъ, данный мною Богу: не проливать крови». Такъ говорилъ убійца непорочнаго Феодора и благодѣтельной Маріи!.. Разспригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протопрей, Теренпій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣщеносцу доблестному, носилщелу на языкъ милость, а Патриархъ Иерусалимскій униженною грамошною извѣстилъ его, что вся Палестина ликуешъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего влбавишеля, и что при лампады денно и ношно плаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димитрія³⁷⁶.

Ближніе люди Самозванца совѣтовали ему, для упверженія своей власти, немедленно вѣнчаться на Царство: ибо многие думали, что и злосчастный Феодоръ не споль легко сдѣлаалъ бы жершвою вѣнчаны, если бы успѣлъ освинишь

1605. П. себя въ тѣхъ народѣ саномъ. Номазан-
 ника Сейобрядъ торжественный надле-
 жало совершить Патріарху; не доверяя
 Россійскому Духовенству, Лжедимитрій
 на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чу-
 жеземца, Прека Игнація, Архіепископа
 Кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ
 опечества Турками, жилъ вѣсколько вре-
 мени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ цар-
 ствованіе Феодора Іоанновича, угодилъ
 Борису, и съ 1603 года правилъ Епархі-
 ею Рязанскою. Онъ списалъ милость
 Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тульѣ;
 не имѣлъ ни чести, ни Вѣры, ни любви
 къ Россіи, ни стыда нравственнаго³¹⁸,
 и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ
 для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ.
 Наспѣхъ послали Игнація въ Патріарх-
 ки, и наспѣхъ готовились къ Царскому
 вѣчанію; а Лжедимитрій готовилъ ме-
 жду нѣмъ иное торжественное явленіе,
 необходимое для полного удословленія
 и Москвы и Россіи, что влещъ Монома-
 ховъ возлагается на главу Іоаннова сына.
 Войско; Синклитъ, всѣ Чины госу-
 дарственныя признали обманщика Дими-
 тріемъ, всѣ, кромѣ мапери, которой
 свидѣтельство было столь важно и
 естественнѣе; что народъ безъ сомнѣнія

ожидалъ его съ неперываіемъ. Уже Са- Г.
 мовзванецъ около мѣсяца властвовалъ въ 1605.
 Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-
 Инокни, хотя она жила только въ пя-
 тни спяхъ верстахъ опшуда³¹⁹; ибо Лже-
 димитрій не могъ бытъ увѣренъ въ ея
 согласіи на обманъ, столь противный
 святому званію Инокни и материнско-
 му сердцу. Тайныя сношенія требовали
 времени: съ одной стороны предсавили
 ей жизнь Царскую, а съ другой муки и
 смерть; въ случаѣ упрямства, спрашна-
 го для обманщика, могли задушить не-
 счастлиную — сказать, что она умерла
 отъ болѣзни или радости, и великолѣп-
 ными похоронами мпимой Государевой
 мапери успокоить народъ легковѣрный.
 Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не
 сипарая лѣтами, помнила удовольствія
 евъша, Двора и пышности; 15 лѣтъ
 плакала въ униженіи, спрадала за себя,
 за своихъ ближнихъ³²⁰ — и не усомнилась Без-
 въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже глас-
 но послалъ къ ней въ Выксинскую пу-
 спыню Великаго Мечника, Князя Михай-
 ла Васильевича Скопина-Шуйскаго³²¹, и Царь-
 другихъ людей знатныхъ съ убѣдитель-
 нымъ челобитьемъ нѣжиаго сына благо-
 словить его на Царство — и самъ, 18

Г. Юля³⁸², выѣхалъ въспрыпипъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедмитрій говорилъ съ нею наединѣ³⁸³ — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга и произвели въ сердцахъ многихъ зрителией воспоргъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, вспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россією! Лжедмитрій посадилъ Марю въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Иоанновыхъ палацахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изгощивали ей прекрасныя комнаты въ Вознесенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою. Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и

нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; Г. 1605. былъ доволенъ искуснымъ ея прищвор-спвомъ, но удалалъ опъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чшобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, опъ нескромности или раскляпн³⁸⁴.

21 Юля совершилось вѣнчаніе съ Вѣнчаніе. извѣстными обрядами³⁸⁵; но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйсвія, выступилъ Іезуитъ Николай Черниковскій, чшобы привѣнствоваць нововѣнчаннаго Монарха непоцлпвою для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ³⁸⁶. Какъ обыкновенно, все знающіе Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силебъ наперывъ оказывашъ ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общес заблужденіе не продолжилось!

Первымъ врагомъ Лжедмитрія былъ Безсамъ онъ, легкомысленный и вспльчи-раз-суд-ный опъ природы, грубый опъ худога-постъ-воспитанія, — надменный, безразсудный Лже-дими-и неосторожный опъ счастья. Удивлялспріа. Бояръ оспропою и живостію ума въ дѣлахъ государственныхъ, Державный прощлецъ часто забывался: оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣ-

Г. жеспвомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и пвердиль, что Россіяне должны бытъ ихъ учениками, вѣдшь въ чужія земли, видѣшь; наблюдать, образовашься и за-служить имя людей³⁸⁷. Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностраннхъ пѣлохранищелей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; вѣлъ даже въ Тайныя Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ³⁸⁸. Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его опъ того, кому они пожертвовали закономъ и честью: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ снпдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ опъ начала до конца пользовался довѣренностью и дружбою Самозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственною любимцемъ, а не руководителемъ Лжедмитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собствен-

ному уму или безумію. Грубостію и гор-чал Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ, однакожъ въ разговорахъ съ нимъ до вольности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянь о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ не уважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей³⁸⁹. Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагодарностью. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школь и въ обхожденіи съ знатными Лядами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянь и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не вѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской шапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою³⁹⁰. Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Іезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню³⁹¹. Спрашивнй къ обычаямъ иноземнымъ, вѣшренный Лжедмитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ пѣлодвиженіяхъ³⁹²; вѣлъ

Г. 1605. пелятину, которая свивалась у насъ заповѣднымъ, гришнямъ лесивомъ; и не могъ перифи бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне оишъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, одинъ или самдругъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золотарямъ, Аншекарямъ³⁹³; а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились Москвитяне, доплатъ выдавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толлою значныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимишрѣви казались спранными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присушество Двора и народа, бить медвѣдей³⁹⁴; самъ испывалъ новыя пушки и спрѣлалъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостью; самъ училъ вонновъ, спронилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и перифилъ, что иногда шолкали его небережно, сшибали съ ногъ, дзвили³⁹⁵ — что есиль, хвалился искусствомъ вездника, звѣролова, пушкаря, бойца,

забивалъ достоинство Монарха. Онъ не Г. 1605. помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего права вспыльчиваго: за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя³⁹⁶ и бивалъ, палкою, значнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а нижши въ Государѣ прощивше самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную распочинельность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ великія драгоценныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей³⁹⁷ — а народъ не любилъ распочинельности въ Государяхъ, ибо спрашивалъ налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимишрѣвомъ преспольѣ, вышномъ изъ числаго золота, обвѣшенномъ кистими алмазными и жемчужными утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно чешырмя богатыми щипами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же мешалла³⁹⁸. Хотя Разспри-

Г. 1605. га бѣдиль всегда верхомъ, даже въ церк-
ковъ, но имѣлъ множеству колесницъ и
саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ
бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азі-
атскихъ его коняхъ сѣдла, узды, спре-
мена блистали золотомъ, изумрудами и
яхонтами⁹⁹; возницы, конюхи Царскіе
одѣвались какъ Вельможи. Не любилъ го-
лыхъ спѣшь въ палапахъ Кремлевскихъ,
находил ихъ печальными, и сломавъ дере-
вянній дворець Борисовъ какъ памят-
никъ ненавистный¹⁰⁰, Самозванецъ по-
строилъ для себя, ближе къ Москвѣ-ръ-
кѣ, новый дворець, также деревянній¹⁰¹,
украсилъ спѣсны шелковыми Персидски-
ми тканиями, цвѣтныя изразцовыя печи
серебряными решешками, замки у две-
рей яркою позолотою, и въ удивленіе
Москвитянамъ предъ симъ любимымъ
своимъ жилищемъ поставилъ изваянный
образъ адскаго стража, мѣднаго огромна-
го Цербера, коего при челюсти, онъ
легкаго прикосновеніа, разверзались и
брыцали¹⁰²: «чѣмъ Лжедимишрій,» какъ
сказано въ лѣтописи, «предвѣспилъ себѣ
жилище въ вѣчностн: адъ и пѣму кро-
мѣшнюю!»

Дѣйствуд вопреки нашимъ обычаямъ
и благоразумію, Лжедимишрій презиралъ

и святѣйшіе законы нравственности: не Г. 1605.
хотѣлъ обуздывать вожделній грубыхъ, Дѣла
и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ гну-
сныл.
успавы цѣломудрія и приспойности,
какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться
пѣмъ мнимому своему родителю; безче-
спилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейства
и святыя Обители дерзостію развра-
та, и не успѣдился дѣла гнуснѣйшаго
изъ всѣхъ его преступленій: убивъ мать
и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ налож-
ницы¹⁰³. Красота сей несчастной Царевны
могла увлечь опъ горести; но самое
опчяніе жертвы, самое злодѣйство не-
исповое казалось прелестію для изверга,
который симъ однимъ мерзостнымъ без-
студствомъ заслужилъ свою казнь, поч-
пи сопредѣльную съ поржестивомъ его
... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію по-По-
спригли, назвали Ольгою и заключили въ стрі-
жеіе
пустынь на Бѣлѣозерѣ, близъ монасты-Ксе-
ря Кириллова. шн.

Но Самозванецъ подъ личиною Ди-
мишрія, вѣрояно, могъ бы еще долго
безумствовать и злодѣйствовать въ вѣн-
цѣ Мономаховомъ, если бы сія, какъ бы
волшебная личина не спала съ него въ
глазахъ народа: споль велико было усер-
діе Россіянъ къ древнему племени Дер-

Г. 1605. жавному! Заблужденіе возвысило бродягу, истина долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Ювъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся Разстрига казаться другимъ челоѣкомъ, спаралась казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока прѣмѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣлъ въ рукахъ своихъ власнѣ съ грозою и снпая Россіянъ спадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзоспю мислпль уменьшпть сѣю опасность, поколебать удостоѡѡреніе, сомкнувъ уста робкой исппнп? Онъ не думалъ скрыватьсѣ, и смѣло смолрѣлъ въ глаза всякому любопыщному на улицахъ; не ходилъ шолько въ святую Обишель Чудовскую, мѣсто періятпныхъ для него знакомствъ и воспомпнаній. И такъ не удивпщельно, что въ самомъ началѣ новаго царспнованія, когда Москва еще гремяла хвалою Димптріа, уже многіе люди шептали между собою о дѣспспщптельномъ сходспствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умокала отпъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ спановплся вппщпте — и скоро взволновалъ столицу. Первымъ участпщелемъ и первою жерщвою былъ

Шепотъ о Разстригѣ.

Инокъ, которпй сказалъ всенародно, что Г. 1605. мнимый Димптрій изѡѡщенъ ему съ дѣпш- Облпн-скихъ лѣтп подѣ именемъ Ошрѣѡева, чспіе учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ⁴⁰⁴; Инока тайно умерщвлп въ темнпцѣ. Нашелся и другой, опастпщпій свпдѣтель исппны — шотъ, кому Судьба вручала мѣстѣ праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смл- Шуй-пенп ужаса прпзнавъ бродягу Царемъ, скій. вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ мѣтѣ всѣхъ могъ извпнпщель заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Иоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и спщдомъ, или имѣя уже дальновпдннѣ шпщннѣ замыслы власполубія, Шуйскій не долго безмолвспвовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнпмъ, друзьямъ, прпщцелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣрпныхъ, купца Федора Конева и другихъ, что Годуновъ и Свпщпщель Ювъ обьявляли совершенную правду о Самозванцѣ, средпщѣ, орудіи Ляховъ и Папщствъ⁴⁰⁵. Еще Лжедпмптрій имѣлъ многпхъ ревностпныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и довелъ ему о семъ повѣ, опасномъ знанщспію виновника. Взяли Шуй-

1605. г. скаго съ брашьями подь спражу и велѣ-
ли судить, какъ дополь еще никого не
судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ
людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лыпопи-
сецъ увѣрлетъ, что Князь Василій въ
семь единственномъ случаѣ жизни своей
лвилъ себя Героемъ: не оприцался; смѣ-
ло, великодушно говоритъ испину, къ
искреннему и лицемерному ужасу судей,
кошорыѣ хотѣли заглушить ее воплемъ,
проклиная пакія хулы на Вѣнцносца.
Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не на-
звалъ никого изъ соумышленниковъ, и
былъ одиавъ приговоренъ къ смертной
казни: брашьевь его лишали только сво-
боды. Въ глубокой тишинѣ народъ пѣс-
нился вокругъ Лобнаго мѣста¹⁰⁶, гдѣ
стоялъ осужденный Бояринъ (какъ быва-
ло въ Иоанново время!) подлѣ сѣкиры и
плахи, между дружинами воиновъ, Спрѣль-
цевъ и Козаковъ; на спѣнахъ и башняхъ
Кремлевскихъ также блистало оружіе,
для устрашенія Москвитянъ, и Пепръ
Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу
отъ имени Царскаго: «Великій Бояринъ,
»Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, измѣ-
»вилъ мнѣ, законному Государю вашему,
»Димитрію Иоанновичу всяя Россіи; ко-
»варствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня

1605. съ вами; добрыми подданными: называлъ г.
»Лжецаремъ; хотѣлъ свергнуть съ пре-
»стола: Для того осужденъ на казнь: да
»умретъ за измѣну и вѣроломство!« На-
родъ безмолвствовалъ въ горести, издав-
на любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы,
когда несчастный Князь Василій уже об-
нажаемый палачемъ, громко воскликнулъ
къ зрителиамъ: «обратя! умираю за ис-
»пину, за Вѣру Христіанскую и за васъ
»!» Уже голова осужденнаго лежала на
»илахъ . . . Вдругъ слышатъ крикъ: стой!
и видятъ Царскаго чиновника, скачуща-
го изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ
Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилова-
ніе Шуйскому! Тутъ вся площадь заки-
пѣла въ неописанномъ движеніи радости:
славили Царя, какъ въ первый день его
порожественнаго вступленія въ Москву;
радовались и вѣрные приверженники Са-
мозванца, думая, что такое милосердіе
дастъ ему новое право на любовь общую;
негодовали только дальновидѣйшіе изъ
нихъ, и не ошиблись¹⁰⁶: могъ ли забыть
Шуйскій пытки и плаху? Узнали, что
не въпрямый Лжедимитрій вздумалъ
пронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣй-
ствіемъ великодушія, но что Царица-
Инокія слезнымъ моленіемъ дубѣдила

Г. мнимаго сына не казнишь врага, кошо-
1605. рый искалъ головы его⁴⁰⁹! . Совѣщъ,
вѣроядно, перзала сію несчастную по-
собницу обмана: спасаю мученика истинны,
Марѳа надѣялась уменьшитъ грѣхъ свой
предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею хо-
дапайсцововали за осужденнаго и нѣко-
шорые Ляхи, видя, сколь живое участіе
принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и
желая снискавъ нѣмъ ихъ благодарнось.
— Всѣхъ прехъ Шуйскихъ, Князя Васи-
лія, Димитрія, Ивана, сослали въ приго-
роды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, дома
оуспошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и
свидѣтельство многихъ Галичанъ, едино-
земцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія
Опреньева: дяди, брашна и даже мащери,
добрсовѣстной вдовы Варвары⁴¹⁰: они
видѣли его, узнали, и не хотѣли молчань.
Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Опрень-
ева (въ 1604 году вздвизнаго къ Сигиз-
мунду для уличенія племянника), сослали
въ Сибирь. Схващили еще Дворянина Пе-
тра Тургенева и мѣщанина Федора, кошо-
рые явно возмущали народъ прошивъ
Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнишь
обоихъ шоржественно, и съ удовольствіемъ
видѣть, что народъ, благодарный

ему за помилованіе Шуйскаго, не изъ-
Г. явилъ чувствительности къ великодушію
1605. сихъ двухъ спрдадальцевъ: оба шли на
смерть безъ ужаса и расквлія, громо-
гласно именуя Лжедимитрія Антихри-
стомъ и любимцемъ Сапаны⁴¹¹, жалѣя
о Россіи и предсказывал ей бѣдшвіе;
чернь ругалась надъ ними, восклицал:
«умираете за дѣло!» — Съ сего времени
не умолкали доносы, справедливые и лож-
ные, какъ въ Борисово царствованіе:
ибо Самозванецъ, допощъ желавъ хвалишь-
ся милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ
правиламъ: хотѣлъ грозою унять дер-
зоснь, и для шого благопріятсцововалъ
извѣщамъ. Пыщали, кащили, дущили въ
пемницахъ, лищали имѣнія, ссыщали за
слово о Разширгѣ. По щакимъ ли доно-
самъ, или единственно опасаясь нескром-
ности своихъ старыхъ пріятелей, Лже-
димитрій велѣлъ удалитъ многихъ Чу-
довскихъ Иноковъ въ другія пущыщпыя
Обищели, кощя (что досщойно замѣча-
нія) оспавилъ въ покоѣ Крущцкаго Ми-
щирополища Пащнушія⁴¹², кощорый съ пер-
ваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Гри-
горія, бывъ въ его время Архимандритомъ
сего монастыря, но, какъ вѣроящно,
лицемѣрнымъ или безсовѣщнымъ

Г. 1605. изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя опть гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ, что столица казалась пихою. Но Разсприга сдѣлался оспорожитѣ, и явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками⁴¹⁵: выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои пѣлохранищели, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины: подъ начальствомъ *Капитановъ*: Француза Маржерета, Ливонца Киупсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и прошазанами, съкирами и бердыщами съ золопыми орлами на древкахъ, съ кистями золопыми и серебряными; далъ каждому воину, сверхъ помѣсья, опть 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣдилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый семи грозными пѣлохранищелими, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы⁴¹⁴. Мѣра достойная бродяги, игроу Судьбы вознесеннаго на сипелень Державства: приспиа иноземныхъ съкирь и копій должны были спасашъ его опть предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, бесполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между пѣмъ Лжедимишрій хо-

Нѣмцы пѣлохранищели.

пѣлъ веселья: музыка, пляска и зерпъ, Г. 1605. были ежедневною забавою Двора. Угождадал вкусу Царя къ пышности, все знашныя и не знашныя спарались блисташною одеждою богашою⁴¹⁵. Всякій день казался праздникомъ. »Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами«, говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей небогихъ считались знакомъ худаго усердія къ Царю веселому и роскошному, кошорый симъ призракомъ благососполніа желалъ увѣришь Россію въ ея алашомъ вѣкѣ подѣ державою обманщика. Ушишивъ⁴¹⁶, какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимишрій сипѣшилъ исполнить Пообѣщъ, данный его благодарноспію, сердцемъ или Полипикою: предложилъ руку и ввнцѣ Маринѣ, кошорая любовію и довѣренноспію къ бродягѣ заслуживала честнъ сидѣшь съ нимъ на шронѣ. Сношенія между Воеводою Сидомирскимъ и нареченнымъ его злпемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всехъ своихъ усрѣхахъ, называлъ всегда опцемъ и другомъ; писалъ къ цему изъ Пушивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ шребуя ихъ призна-

Пышность и веселья.

согласно

Антонъ за испушною.

Г. 1605. пельности такими словами: «Способа
«спивовавъ счастію Димитрія, я гошовъ
«спарашься, чиобы оно было и счасті-
«емъ Россіи, побуждаемый къ сему моею
«всегдашней къ ней любовію, и надеж-
«дою на вашу благодарность, когда вы
«увидите мое ревностное о васъ ходатай-
«ство предъ Трономъ, и будете имѣть
«новыя выгоды, новыя важныя права, не-
«извѣстныя до нынѣ въ Московскомъ Го-
«сударствѣ»¹¹⁷. Наконецъ (въ Септлбрѣ
мѣсяцѣ) Лжедимитрій послать Великаго
Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власьева,
въ Краковъ для торжественнаго сватов-
ства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду
и другую ошъ Царицы-Инокини Марѣи
къ ошцу невѣстину. Могли ли Россіяне
одобрить сей бракъ съ иноверкою, хопя
и знашнаго, но не Державнаго племени, —
съ удовольствіемъ видѣть спесиваго Ма-
па шестемъ Царскимъ, ждаты къ себѣ
толпу его ближнихъ, не менѣ спесивыхъ,
и раболѣпно чпшишь въ нихъ свойствѣ съ
Вѣщносцемъ, копорый избраніемъ чу-
жеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко
вѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Само-
званецъ, вопреки обычаю, даже и не из-
вѣстилъ Боярь о семъ важномъ дѣлѣ¹¹⁸:
говорилъ, совѣщовался единспивенно съ

Ляхами. Но, легкомысленно досаждал Рос- Г.
сіянамъ, онъ въ шже время не выполнѣ 1605.
удовлетворялъ и желаніямъ своихъ дру- Неудо-
зей иноземныхъ. воль-
ствіе.

Никшо ревностнѣ Нунціа Папскаго,
Рангони, не служилъ обманщику: пып-
ною грамотою привѣспивуя Лжедими-
трія на тронъ⁹¹, Рангони славилъ Бога
и восклицалъ: *мы побѣдили!* льспилъ
ему хвалами неумѣренными и надѣялся,
чпю соединеніе Церквей будетъ первымъ
изъ его дѣлъ безсмертныхъ; писалъ: «Изоб-
раженіе лица пшого уже въ рукахъ Св.
«Ошца, исполненнаго къ тебѣ любви и
«дружества. Не медли изъявипъ свою бла-
«годарность Главѣ вѣрныхъ. . . и пріими
«опъ меня дары духовныя: образъ силь-
«наго Воеводы, Коего содѣйсствіемъ нынѣ
«побѣдилъ и царспивуешь; чешки молипы
«венныя и Библию Латинскую, да усаж-
«даешься ея чтеніемъ, и да будешь впоп-
«рымъ Давидомъ.» Скоро прибылъ въ Мос-
кву и ииовникъ Римскій¹²⁰, Графъ Алек-
ксандръ Рангони (племянникъ Нунціа) съ
Апостольскимъ благословеніемъ и съ по-
здравительною грамотою ошъ преемника
Климентова, исперильливаго въ желаніи
видѣть себя главою нашей Церкви; но
Самозванецъ въ учпшвомъ ошвѣнѣ, хваля-

Е. 1605. ся чудесною къ нему благоспiю Божiю, испребившею злодѣя, *отцеубийцу* его, не сказалъ ни слова о соединенiи Церквей: говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣренiи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ Императоромъ иппи на Султана, чтобы спереть Державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа да мира съ Турками: для чего хотѣлъ опправитъ въ Авспрiю и собсвеннаго Посла. Ажедмитрiй писалъ и впорично къ Папѣ, обѣщая доставитъ безопасность его Миссiонарiямъ на пути ихъ чрезъ Россiю въ Персiю и *быть спркъмъ въ исполненiи даннаго ему слова*; посылалъ и самъ Iезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажешя, болѣе для государсвеннаго, нежели Церковнаго дѣла: для переговоровъ о войнѣ Турецкой, которую онъ дѣйствительнo замышлялъ, плѣнясь въ воображенiи ея славою и пользою. Надменный счастьемъ, ражденный смѣлымъ и съ любовiю къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженiи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государсвномъ Московскимъ: хотѣлъ завоеванiй и Державъ новыхъ⁴²¹! Сiя ревность еще сильнѣе воспыдала въ немъ опть донесенiя Воеводъ

Терскихъ, что ихъ Спрѣльцы и Козаки Г. 1605. одержали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что инокорые даники Султанскiе въ Дагеспанѣ присягнули Россiи⁴²². Издавна проповѣдая въ Европѣ необходимость всеобщаго возспанiя Державъ Христiанскихъ на Опшоманскую, могъ ли Римъ не одобритъ намѣренiя Ажедмитрiя? Папа славилъ Царя - Героя, совѣщующа ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы испребленiемъ гнѣзда злодѣйскаго, споль бѣдоноснаго для Россiи и Польши, *отрѣзать крылья и праую руку* у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Лаптинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаеиъ всякаго *ленаго* слова о Законѣ. Кажешя, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердii сдѣлать Россiю Папистами: ибо, не взирая на свойсвенную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступитъ къ исполненiю онаго, если бы и долѣе царсвовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Ажедмитрiевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастье и престоль измѣнили

1605. Г. того, кшо еще недавно въ восторгѣ ло-
бызалъ его руку, безмолствовалъ и отды-
халъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный
423. Бывъ непосредственнымъ виновникомъ
успѣховъ Самозванца — оказавъ бродягѣ
честь сына Царскаго, давъ ему деньги,
воиновъ, и шѣмъ склонявъ народъ Сѣвер-
скій вършитъ обману — Сигизмундъ все-
ма естествененно ждалъ благодарности, и
чрезъ Секретаря своего, Гостъвекаго, при-
вѣществуя новаго Царя⁴²⁴, нескромно пре-
бывать чпобы Лжедимириѣй выдалъ ему
Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ
Москву опъ *лятежника* Карла. Гостъв-
скій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объ-
явилъ за тайну, что Король въпрево-
женъ молвою удивительною. » Недавно «
(говорилъ сей чиновникъ) » выѣхалъ къ
Слухъ, » намъ изъ Россіи одинъ Приказный, ко-
что
Бо-
ри-
Году-
новъ
живетъ.
»порый увѣрелъ, что Борисъ живъ:
»успрашенный своими побѣдами, и слѣ-
»дую наспавленію вохвовъ, онъ уступилъ
»Державу сыну, юному Теодору, припиво-
»рился мертвымъ, и велѣлъ шоржествен-
»но, вмѣсто себя, схоронитъ другаго че-
»ловѣка, опоснаго ядомъ; а самъ, взявъ
»мщожество золопа, съ вѣдома одной Ца-
»рицы и Семена Годунова бѣжалъ въ Ан-
»глию, называясь кущемъ. Поручивъ на-

1605. »дежнымъ людямъ развѣдать въ Лондонѣ, Г.
»дѣйствительно ли укрывался тамъ
»опасный злодѣй швой, Сигизмундъ, какъ
»испещенный другъ, счелъ за нужное пред-
»остеречь себя, и думая, что върноснъ
»Россіянъ еще сомнительна, далъ указъ
»нашимъ Липовскимъ Восводамъ быти въ
»гоповности для швоей защиты. « Сія
сказка не испугала Лжедимириѣя: онъ
благодарилъ Короля, но опвѣщивовалъ,
что »въ смерти Борисовой не сомнѣвали-
ся; что гоповъ быти недругомъ мяшк-
нику Шведскому, но прежде хочеть удо-
сповѣрится въ искренней дружбѣ Си-
гизмунда, который, вопреки ласковымъ
словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ
достоинство« — ибо Сигизмундъ въ письмѣ
своемъ назвалъ его Господаремъ и Великимъ
Княземъ, а не *Царемъ*: Самозванецъ же
хотѣлъ не только сего шипула, но и
новаго, пышнѣйшаго: вздумалъ имено-
вашъ себя *Цесаремъ*, и даже *непобди-^{ти-}*
льмиъ, мечпая о своихъ будущихъ побѣ-^{шуть}
дахъ⁴²⁵! Узнавъ о такомъ гордомъ пребо-^{Цеса-}
ваніи, Сигизмундъ изъявилъ досаду, и
Вельможные Паны упрекали недавняго
бродягу смѣшнымъ високоуміемъ, злою
неблагодарностию; а Лжедимириѣй пи-
салъ въ Варшаву, что онъ не забылъ
Томъ XI 12

Г. 1605. добрыхъ услугъ Сигизмундовыхъ, чпшишь его какъ брапа, какъ опца; желаешь утвердишь съ нимъ союзъ, но не прешаешь претрбовать Цесарскаго шишула, хопя и не мыслишь грозить ему за по войною⁴²⁶. Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нунцій Папскій, шщепно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду не лзя перемѣнишь сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не меньше благоразумные люди думали, что Республика не должна ссориться за пустое имя съ хваспливымъ другомъ, копорый можетъ бышь ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; но Пань не хотѣли слышатъ о новомъ шишулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому⁴²⁷: »Богъ не любитъ гордыхъ, и *»непобѣдилому Царю вашему не усидѣшь на шронѣ.«* — Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ свашовства.

1 Нолбря⁴²⁸ *Великій Посолъ* Царскій, Аванасій Власевъ, со многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ предсцавленъ Сигизмунду:

Г. 1605. говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Юаннова сына, о славѣ низвергнушь Державу Опшоманскую, завоевать Грецію, Иерусалимъ, Виолеемъ и Виоанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлишь престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему во дни его несгоды и печали, знаменистымъ ся родителемъ⁴²⁹. 12 Нолбря, въ присуствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевы Анны, совершилось поржественное обрученіе (воспѣтое въ списахъ Пипдарическихъ⁴³⁰ Обрученіе. Иезушномъ Гроховскимъ). Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными, блистала равно и красотою и пышиностию. Именемъ Мнишка сказавъ Власеву (копорый заступалъ мѣсто жениха), что опецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Липовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ Краковскій, славя «доспоинства, воспитаніе и знашный родъ Марины, *вольной Дворянки Государства вольнаго,* — честность Димитрія въ исполненіи даннаго имъ обѣща, счастье Россіи имѣть законнаго, «опечественнаго Вѣнцносца, вмѣсто ино-

Г. 1605. »земнаго или похиппителя, и видѣшь ис-
 »кренную дружбу между Сигизмундомъ и
 »Царемъ, копорый безъ сомнѣнія не бу-
 »дешъ примѣромъ неблагодарности, зная,
 »чѣмъ обязанъ Королю и Королевству
 »Польскому.« Кардиналъ и знавшійше ду-
 ховные сановники пѣли молишву: *veni*
Creator: всѣ преклонили колѣна; но Власъ-
 евъ споялъ — и едва не произвелъ смѣха,
 на вопросъ Епископа: »не обрученъ ли
 »Димитрій съ другою невѣстою?« опъ-
 вѣшшвуя: *а мнѣ какъ знать? того у*
*меня нѣтъ съ наказъ*⁴³¹. Мѣняясь перспъ-
 нями, онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ
 однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ
 Кардиналу; а самъ не хотѣлъ голою ру-
 кою взять невѣспина перспня. По со-
 вершеніи священныхъ обрядовъ былъ ве-
 ликоколѣнный споль у Воеводы Сендомир-
 скаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля,
 принимая опъ Россійскихъ чиновниковъ
 дары своего жениха: богашый образъ Св.
 Троицы, благословеніе Царицы - Инокни
 Марѣы; перо изъ рубиновъ; чашу гіацин-
 шовую; золошой корабль, осыпанный мно-
 гими драгоцѣнными каменьями; золошаго
 быка, пеликана и павлина; какія-то *уди-*
вительныя часы съ флейшами и шрубамы;
 слишкомъ при пуда жемчугу, 640 рѣд-

кихъ соболей, кипы бархаповъ, шарчей, Г.
 шпофовъ, апласовъ⁴³², и проч. и проч. 1605.
 Между шѣмъ Власъевъ, желалъ бышь по-
 чтипельнымъ, не хотѣлъ садиться за
 споль съ Мариною, ни пить, ни ѣшь,
 и худо разумѣя, что онъ предшавляень
 лице Димитрія, билъ челомъ въ землю,
 когда Сигизмундъ и семейшво его пили
 за здоровье Царя и Царицы: уже такъ
 именовали невѣспу обрученную. Послѣ
 обѣда, Король Владиславъ и Шведская
 Принцесса Анна танцовали съ Мариною;
 а Власъевъ уклонился опъ сей чести,
 говоря: »дѣрзну ли коснуться Ея Вели-
 »честива!« Наконецъ, прощаясь съ Сигиз-
 мундомъ, Марина упала къ ногамъ его и
 плакала опъ умиленія, къ неудовольспъ-
 вію Посла, копорый видѣлъ въ томъ
 униженіе для будущей супруги Москов-
 скаго Вѣнценосца; но ему отвѣшшповова-
 ли, что Сигизмундъ Государь ея, ибо
 она еще въ Краковѣ. Подиавъ Марину съ
 ласкою, Король сказалъ ей: »Чудесно воз-
 »вышенная Богомъ, не забудь, чѣмъ шы
 »обязана спиранъ своего рожденія и восни-
 »шанія, — спиранъ, гдѣ оситавляешъ ближ-
 »нихъ, и гдѣ нашло шебя счастье необы-
 »кновенное. Пишай въ супругъ друже-
 »спво къ намъ и благодарность за сдѣ-

Г. 1605. «Лаяное для него мною и швоимъ опцемъ. »Имѣй спрахъ Божій въ сердцѣ, чпи ро- »дипелей и не излпнлай обычалмъ Поль- »скимъ.» Снявъ съ себя шапку, онъ пере- крестилъ Марину, собспвенными руками опдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сен- домирскому ѡхпъ съ нею въ Россію; а Власевъ, немедленно опправивъ къ Самозванцу перспень невѣспы и живопис- ное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣ- сколько дней въ Краковѣ, чпобы празд- новалп Сигизмундово бракосочетаніе съ Авспрійскою Эрцгерцогинею, и (8 Дека- бря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидашь шамъ Мнишка и Марины на пупи ихъ въ Рос- сію⁴³⁵; но ждалъ долго.

Пожерпвовавъ Самозванцу знатною частію своего богатспва, Воевода Сендо- мирскій не былъ доволенъ одними дарами: прребовалъ опъ него денегъ, чпобы рас- плпшишь съ займодавцами, и не кошѣлъ безъ шого выѣхашъ изъ Кракова⁴³⁴; ску- чалъ, досадовалъ и превожилъ худю мол- вою о будущемъ зпшѣ. Въ Краковѣ зна- ли, чпо дѣлалось въ Москвѣ; знали о не- годованіи Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому происхожденію Лжедимит- рія, ни долговременности его счастія; говорили о шомъ всенародно, предостпс-

Слухи
о Са-
мо-
званцѣ
въ
Поль-
шѣ.

регали Короля и Мнишка. Сама Царица- Г. Инокія Марѡа, какъ увѣряюптъ, шайно 1605. велѣла чрезъ одного Шведа объявить Си- гизмунду, чпо мнимый Димитрій не еспъ сынъ ея⁴³⁵. Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шеп- пали на ухо любопытнымъ о Царѣ без- законномъ, и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили шакимъ рѣчамъ или показывали, чпо не вѣряптъ, желая при- писывать ихъ единспвенно внушеніямъ шайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Годунова и Шуйскаго. Во вслкомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ шѣмъ, кпю звалъ на пресполь Марину и честно вознаграждалъ опца ея за всѣ его убыт- ки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), Секретарь Янъ Бучинскій привезъ изъ Г. Москвы 200 тысячъ злпныхъ Мнишку, 1606. свержъ еша тысячъ, опданныхъ Лжеди- Лже- митріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, дими- копнорую занялъ у него Воевода Сендомир- шій ской на ополченіе 1604 года⁴³⁶. Разспри- плпши. га изъяслялъ неперпѣнне видѣшь невѣ- долги Мни- спту; но отецъ ея, занимаясь пышными шковъ сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ шолною своихъ ближнихъ, уже въ распушцу, шакъ, чпо нѣкто-

Г. рые изъ нихъ опъ худой дороги возвра-
1606. тились⁴³⁷, — къ ихъ счаснѣю : ибо въ
Москвѣ уже все изготавилось къ спран-
ному дѣйствию народной мести.

Прое-
стие
снѣ
къ
Мос-
квѣ.
Оградивъ себя иноземными пѣло-
хранителями, и видя пищину въ столи-
цѣ, уклончивость, низость при Дворѣ,
Лжедимириѣ совершенно успокоился; вѣ-
риль какому-то предсказанію, что ему
власнвовать 34 года⁴³⁸, и пироваль съ
Боярами на ихъ свадьбахъ⁴³⁹, дозволивъ
имъ свободно выбирать себѣ невѣсты и
женился: чего не было въ царствованіе
Годунова, и чѣмъ воспользовался, хопя
уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣй-
шій Вельможа Князь Мспиславскій, за
кого Самозванецъ выдалъ двоюродную се-
спирю Царицы-Инокнии Марѣи. Казалось,
что и Москва искренно веселилась съ
Царемъ : никогда не бывало въ ней
столько пировъ и шума; никогда не ви-
дали столько денегъ въ обращеніи : ибо
Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лже-
димириѣ, опъ щедрошъ его сынали зо-
лопотомъ⁴⁴⁰, къ немалой выгодѣ Москов-
скаго купечества, и хвастаясь богат-
ствомъ, по словамъ Лѣтописца, не поль-
ко ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись
изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сн весе-

лые дни Самозванецъ, расположенный къ Г.
дѣиспвіямъ милоснн, простилъ Шуй-
скихъ, чрезъ шеснь мѣсяцевъ ссылки⁴⁴¹ : 1606.
Воз-
враще-
ние
Шуй-
скихъ.
возвратилъ имъ богатство и знатность,
въ удовольствіе ихъ многочисленнѣхъ
друзей, которые умѣли хитро ослѣпить
его прелестію такого великодушія, и,
вѣроятно, уже не безъ намѣренія, ги-
бельнаго для Лжецаря. Всѣми уважаемый
какъ первостепенный мужъ государствен-
ный и попомокъ Рюриковъ, Басилій
Шуйскій былъ иногда идоломъ народа,
прославивъ себя неустраслиаго твердо-
стнѣю въ обличеніи Самозванца : пышки и
плаха дали ему, въ глазахъ Россіянъ,
блнспательный вѣнецъ Героя-мученика,
и никто изъ Бояръ не могъ, въ случаѣ
народнаго движенія, имѣть столько вла-
сти надъ умами, какъ сей Князь, равно
честнолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ
на себя письменное обязательство вѣр-
ности Лжедимириѣ⁴⁴², онъ возвратился
въ столицу, по видимому инымъ чело-
вомъ : казался усерднѣйшимъ его слугою,
и снискаль въ немъ особенную довѣрен-
ность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ бли-
зкихъ людей Самозванца, которые гово-
рили, что можно изъ милосердія, иногда
одобрѣаемаго Полипикою, не казнять изъ

Г. мѣнника и клятвопреступника, во безразсудно вѣришь его новой кляпвѣ; что Шуйскій, не выдавъ опъ Димитрія ничего кромѣ благоволенія, замышлялъ его гибель, а претерпѣвъ опъ него безчестіе, муки, ужась смерти, конечно не исполнился любви къ своему карашелю, хопя и правосудному: исполнился, вѣроупнѣе, злобы и меспи, скрываемыхъ подъ личиною раскаяніа. Они говорили испину: Шуйскій возвратился съ шѣмъ, чтобы погибнуть или погубить Лжедмитрія. Но легкоумный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благоштію, сколько безстрашіемъ, опвѣпшвовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милоспи, любитъ прощанъ совершенно, не вполовину, и безъ грѣха не можешь чего нибудь спрашивъся, бывъ опъ самой колыбели чудесно и явно храпимъ Богомъ⁴⁴³. Онъ хопѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знашную невѣспу: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Роспновскую, свойспвенницу Нагихъ, и долженъ былъ женишься чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы — однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Иоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разспригу нехипраго,

сдѣлался его совѣпникомъ, и не для шо- Г. го, чтобы совѣповать ему доброе! 1606.

Лжедмитрій дѣйспвовалъ, какъ и прежде: вѣпрено и безразсудно; шо желалъ снискашь любовь Россіянъ, шо умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: »Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верспахъ въ придцаши опъ Москвы, и поѣхалъ шуда съ своими шѣлохранишелями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ Дворянствомъ. Россіанамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взялъ его приступомъ: шѣмъ и другимъ, вмѣсто оружіа, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводителъспвуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость; поржеспвовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму Азовъ* — и хопѣлъ поваго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію: ибо Нѣмцы, во время схватки, бросаю въ нихъ снѣгомъ, бросаю и камешьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, споль озлобила Россіянъ, что Лжедмитрій, опасаясь дѣйспвишельной сѣчи между ими⁴⁴⁴, шѣлохранишелями и Ляхами, спѣ-

Г. шиль развеспи ихъ и возврапилься въ
 1606. Москву. « Ненависть къ иноземцамъ , па-
 дая и на приспраспнаго къ нимъ Царя,
 ежедневно усиливалась въ народъ опъ
 ихъ дерзости: на примъръ, съ дозволенія
 Лжедимитріева имъя свободный входъ въ
 наши церкви, они безчинно гремъя шамъ
 оружіемъ, какъ бы гошоваясь къ бипвъ ;
 опирались, дожились на гробы Святыхъ.
 Не менше жаловались Москвитяне и на
 Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ:
 величаясь своею услугою, сіи люди гру-
 бые оказывали къ нимъ презръніе и на-
 зывали ихъ въ ругательство Жидами⁴⁴⁵;
 суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ
 врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовен-
 ство. Какъ бы желая унизить санъ Мо-
 нашества, онъ срамилъ Инокъ, въ слу-
 чаѣ ихъ гражданскихъ пресупленій, без-
 честиною торговою казнію ; занималъ
 деньги въ богатыхъ Обищелыхъ, и не ду-
 малъ плащиль сихъ долговъ значитель-
 ныхъ; наконецъ велѣлъ предспавиль се-
 бѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ мо-
 настырей, изъявивъ мысль оспавиль имъ
 только необходимое для умѣреннаго со-
 держанія Спарцевъ , а все прочее взять
 на жалованье войску⁴⁴⁶: по еспь, смѣлый
 бродяга, бурею кинутый на престолъ

шашкѣй, и новою бурею угрожаемый, хо- Г.
 тѣлъ прямо, необиновенно совершилъ 1606.
 дѣло, на которое не отважились Госу-
 дари законные, Іоанны III и IV, въ пи-
 нинѣ безспорнаго властвованія и повино-
 венія неограниченнаго ! — Дѣло менше важ-
 ное, но не менше безразсудное шакже воз-
 будило негодованіе Бѣлаго Московскаго
 Духовенства : Лжедимитрій выгналъ всѣхъ
 Арбанскихъ и Черпольскихъ Священни-
 ковъ изъ ихъ домовъ, чшобы помѣспиль
 шамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранище-
 лей, которые жили большею частію въ
 слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко опъ
 Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ пор-
 жеспвенно молаясь за мнимаго Димитрія,
 пайло кляли въ пемъ врага своего, и шеп-
 тали прихожанамъ о Самозванцѣ, гониле-
 лѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ерсей:
 ибо онъ, дозволявъ Іезуитамъ служиль
 Лапинскую Обѣдню въ Кремль, дозволилъ
 и Люперанскимъ Пасторамъ говорить
 шамъ проповѣди, чшобы его тѣлохрани-
 щели не имѣли пруда ѣзидиль для моле-
 нія въ опдаленную Нѣмецкую слободу⁴⁴⁷.

Въ сіе время явленіе новаго Само-Само-
 званца шакже повредило Разстригъ въ об-^{зва-}
 щемъ мнѣніи. Завидуя усильху и чести Петръ
 Донцевъ, ихъ брапья, Козаки Волжскіе и

Г. Терскіе, назвали одного изъ своихъ поварей, молодого Козака Илейку, сыномъ Государя Θεодора Іоанновича, Пепромъ, и выдумали сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣшилась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего власполюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою (Θеодосіею). Ихъ собралось 4000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ: ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ, что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячъ рублей⁴⁴⁸; а Лжедмитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать, и писалъ къ мнимому Пепру — вѣроятно, желая заманить его въ сѣпи — что если онъ истинный сынъ Θεодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честью. Никто не вѣрилъ новому обманщику; но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разсприги, изъясняя одну басню другою; многіе даже думали, что оба Самозванца въ тайномъ согласіи; что Лжепепръ естъ орудіе Лжедмитрія; что послѣдній велитъ Козакамъ грабить купцевъ для обогащенія казны своей⁴⁴⁹, и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревност-

ныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго Г. 1606.
ширанства надъ Россіями, ему ненавистными. Илейка дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разсприги и шелькъ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не спало⁴⁵⁰.

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Начала Князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедмитрія, которій изгодовалъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на протѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть, оспорожнѣйшіе изъ Бояръ не захоули бы свергнуть Властителя хопя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разспригина царствованія: вѣдая, что онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человекъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастье дѣлами доспохвальными; увидѣли безуміе — и возпали на обманщика: ибо Москва, какъ пишутъ, уже

Г. 1606. не сомнѣвалась погда въ единствѣ Опреньева и Лжедимириѣ⁴⁵¹. Любопытно знать, что самые ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедимириѣ, сказалъ имъ: »вы имѣете въ немъ опца и благодѣйствуете въ Россіи: молитесь о здравіи его вмѣстѣ со мною. Хотя онъ и не сынъ Иоанновъ, но Государь нашъ: ибо мы присягали ему, и лучшаго найши не можемъ«⁴⁵². Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что присяга, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще не давно внушали народу друзья Лжедимириевы, склоняя его измѣнить юному Θεодору⁴⁵³; сею же мыслию успокаивалъ и Шуйскій Россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть общниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испытывалъ опасность кововъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клеветниковъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедимириѣ созрѣла и ручалась за вѣр-

нѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлось предапелей - извѣстниковъ — и Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселась и пируя, составить заговоръ, коего нишля отъ Царской Думы чрезъ все степеніи государственныхъ до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Опреньева, выведенные изъ шельмъ его упрямствомъ въ неблагоразуміи, приспали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что онъ, пылая жаждою кровопротіія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимириѣ несомнительно думалъ воевать съ Султаномъ, назначилъ для того Посольство къ Шаху Аббасу⁴⁵⁴, чтобы приобрести въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ дружинамъ Дѣисей Болрскихъ идти въ Елецъ, опирая вътуда множеству пушекъ; грозилъ и Швеціи, написалъ къ Карлу: »Всѣхъ сосѣдственныхъ Государей уведомивъ о своемъ воцареніи, уведомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ Королемъ Шведскимъ, Сигизмундомъ, пребуя, чтобы ты возвратилъ ему Державную власнь, похищенную побою вѣроломно,

Г. 1606.

По-
соль-
ство
въ
Собра-
ніе
войска
въ
Елецъ
Швед-
скому
Коро-
лю.

Г. 1606. »вопреки успаву Божественному, Еспе-
»спенному и Народному Праву — или во-
»оружили на себя могущественную Рос-
»сію. Усовѣспись и размысли о печальномъ
»жребіи Бориса Годунова: такъ Всевыш-
»ній казнишь похищителей — казнишь
»и шебл⁴⁵⁵. Увѣрjali еще, что Лжеди-
»мистріи вызываешъ Хана опустошашъ
южныя владѣнія Россіи, и желалъ приве-
спи его въ бышенство, послалъ къ не-
му въ даръ шубу изъ свиныхъ кож⁴⁵⁶:
басня опровергаемая современными госу-
дарственными бумагами, въ коихъ упо-
минается о мирныхъ, дружественныхъ
сношеніяхъ Лжедмитрія съ Казы-Тире-
емъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили
справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи
Самозванца предати нашу Церковь Папѣ
и знатную часть Россіи Липѣ: о чемъ
сказывалъ Боярамъ Дворянинъ Золотой-
Квашинъ, бѣглець Іоаннова времени, ко-
порый долго жилъ въ Польшѣ⁴⁵⁷. Гово-
рили, что Разсприга ждешь только Вое-
воды Сендомирскаго съ новыми шайками
Ляховъ для исполненія своихъ умысловъ,
гибельныхъ для опечества. Уже пачаль-
ники заговора хотѣли-было присупипъ
къ дѣлу⁴⁵⁸; но опложили ударъ до свадь-
бы Лжедмитріевой, для того ли, какъ

Спо-
шеніе
съ Ха-
помъ.

Толики
о за-
мы-
слахъ
Лже-
дмит-
стріи.

Казнь

Стрѣ-

льцевъ

и Дья-

кова.

пищупъ, что съ невѣсною и съ ея ближ-
ними возвратились въ Москву древній
Царскія сокровища, раздаренныя имъ щед-
ростію Самозванца, или для того, что-
бы онъ имѣлъ время и способъ еще бо-
лѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконі-
ями, предвидѣнными Шуйскимъ и друзь-
ями его?

Между тѣмъ два или три случая, не
будучи въ связи съ заговоромъ, могли
попревожипъ Самозванца. Ему донесли,
что нѣкоторые Спрѣльцы всенародно
злословящъ его, какъ врага Вѣры⁴⁵⁹: онъ
призвалъ всѣхъ Московскихъ Спрѣльцевъ
съ Головою Григоріемъ Микулинымъ,
объявилъ имъ дерзость ихъ поварищей
и требовалъ, чтобы вѣрные воины су-
дили измѣнниковъ: Микулинъ обнажилъ
мечъ, и хулители Лжецаря, не изъясляя
ни раскаянія, ни страха, были изсѣчены
въ куски своими брабьями: за что Са-
мозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ
усерднаго слугу, въ Дворяне Думные, а
народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу вели-
кодушныхъ спрадалцевъ. Такимъ же му-
ченикомъ хотѣлъ бытъ и Дьякъ Тимофей
Осиповъ: пылая ревностію изблщипъ
Разспригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ
дома, приобщился Святыхъ Таинъ, и пор-

Г.
1606.

Казнь
Стрѣ-
льцевъ
и Дья-
кова.

Казнь
Стрѣ-
льцевъ
и Дья-
кова.

Г. жественно, въ палахахъ Царскихъ, предъ
1606. всѣми Болрами, назвавъ его *Гришкою От-
ретьевымъ, работъ грѣха, еретикомъ*⁴⁶⁰. Всѣ
изумились, и самъ Ажедимириѣ безмолв-
ствовалъ въ смятеніи: опомнился и ведѣлъ
умеривши сего въ Цеспоріи незабвенна-
го мужа, который своею кровію, вмѣстѣ
съ немногими другими, искупалъ Россі-
янъ опъ снѣда повинованія бродягъ.
Пишущъ, что и Сирѣльцы и Дьякъ Оси-
повъ, прежде ихъ убіенія, были допра-
шиваемы Басмановымъ, но никого не ого-
ворили въ единомысліи съ ними. Не ме-
нѣе безспрашнымъ оказалъ себя и знаме-
нитый слѣпецъ, такъ называемый Царь
Симеонъ: будучи ревностнымъ Христіа-
ниномъ, и слыша, что Ажедимириѣ
склоняется къ Лашинской Вѣрѣ, онъ пре-
зрѣлъ его милость и ласки, всенародно
изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ испин-
ныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святыя
успавы: Симеона, обвиняемаго въ неблаго-
дарности, удалили въ монастырь Соловецкій
и поспригли⁴⁶¹. Тогда же чиновникъ извѣ-
стный способностями ума и гибкостью
ирава, бывъ въ равной довѣренности у
Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ
Михайло Тапищевъ, вдругъ заслужилъ
опалу смѣлостію, въ немъ совѣмъ не-

Опала
Царя
Симе-
она и
Тапи-
щева.

обыкновеннаго. Однажды, за споломъ Цар- Г.
скимъ, Килъзъ Василій Шуйскій, видя блю- 1606.
до шелливы, въ первый разъ сказалъ
Ажедимирию, что не должно подчивать
Россіянъ ласками, для нихъ гнусными;
а Тапищевъ, приславъ къ Шуйскому, на-
чалъ говорить столь невѣжливо и дерз-
ко, что его вывели изъ дворца и хотѣ-
ли сослать на Вязку⁴⁶²; но Басмановъ
чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему
прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ).
Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣ-
которыхъ ближнихъ людяхъ Опретьева
и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій
завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что
Тапищевъ не даромъ измѣнилъ своему на-
выку; что они, зная вспыльчивость Аже-
димирию, хотѣли вырвать изъ него ка-
кое нибудь слово нескромное и во вредъ
ему разгласить о шомъ въ городъ; что
у нихъ должно быть намѣреніе дально-
видное и злое. Къ счастью, Ажедимириѣ,
по ираву и правиламъ неонасливый, ско-
ро осшавилъ сію безпокойную мысль, ви-
дя вокругъ себя лица веселья, всѣ знаки
усердія и преданности, особенно въ Шуй-
скомъ, и всего болѣе думая тогда о ве-
ликолѣпномъ пріемѣ Маринь.

Но Воевода Сеидомирскій какъ дол-

Г. го не прогался съ мѣста, такъ медленно
1606. и пушешеспивоваль; вездѣ оспанавливал-
Путе- ся, пироваль, къ досадѣ своего провожа-
ше- шаго, Аѳанасія Власьева, и еще изъ Мин-
спиве- ска писалъ въ Москву, что ему нельзя
Восво- выѣхатъ изъ Липовскихъ владѣній, пока
ды- Царь не заплашитъ Корою *всего долга*;
Сендо- что грубосшь излишня ревностнаго слу-
мир- ги Власьева, нудящаго ихъ *не тѣхатъ, а*
скаго *летѣть* въ Россію, несносна для него,
съ Ма- ветхаго спарца, и для нѣжной Марины.
риноу. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался
удовлеспворитъ всемъ прѣбаваніямъ Сп-
гизмундовымъ, прислалъ 5000 червонцевъ
въ даръ невѣстѣ, и сверхъ того 5000
рублей и 13,000 палеровъ на ея пуптеше-
спиве до предѣловъ Россіи⁴⁶³; по изъявилъ
неудовольспивіе. »Вижу,« писалъ онъ къ
Мнишку, »что вы едва ли и весною до-
спигнете нашей споліцы, гдѣ можете
»не найти меня: ибо я намѣренъ встрѣ-
»шитъ лѣшо въ спанѣ моего войска, и
»буду въ полѣ до зимы. Бояре, выслан-
»ные ждашь васъ на рубежѣ, испрашили
»въ сей голодной спранѣ всѣ свои запасы
»и должны будущъ возвратитъсья, къ
»спыду и поношснію Царскаго имени.«
Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхатъ назадъ;
однакожь, извистивъ колкія выраженія бу-

дущаго злѣя непѣрпѣнїемъ его спраспной Г.
любви, 8 Апрѣля вѣхаль въ Россію. 1606.

Пашуптъ, что Марина, оспавляя на-
вѣки опечеспво, неуштѣшно плакала въ
гореспспныхъ прѣдчувспвіяхъ, и что Влась-
евъ не могъ успоконтъ ее велѣрѣчивымъ
изображеніемъ ея славы⁴⁶⁴. Воевода Сендо-
мирскай желалъ блеспнутъ пышносптію:
съ нимъ было родспвенниковъ, прііспше-
лей и слугъ не менѣ двухъ тысячь, и
сполько же лошадей. Марина ѣхала ме-
жду рядами копніцы и пѣхоты. Мни-
шекъ, брашь и сынь его, Князь Вишне-
вецкай и каждый изъ знапныхъ Пановъ
имѣлъ свою дружину воинскую. На гра-
ницѣ прііспствовали невѣсту царедвор-
цы Московскіе, а за мѣспечкомъ Краснымъ
Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лже-
димитрїевъ) и Князь Василій Мосальскій,
кошорый сказалъ опцу ея, что знамени-
тѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли бы
выдашь дочерей своихъ за Димитрїя, но
что Димитрїй прѣдпочлаесптъ имъ его
дочь, умѣя любить и бытъ благодарнымъ.
Опшуда повезли Марину на двѣнадцати
бѣлыхъ коняхъ, въ савяхъ великолѣпныхъ,
украшенныхъ серебрянымъ орломъ⁴⁶⁵; воз-
ницы были въ парчевой одеждѣ, въ чер-
ныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало

Г. двѣнадцать знашнихъ всадниковъ, кошо-
 1606. рые служили пупеводителями, и крича-
 ли возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму.
 Не смотря на весеннюю распушницу, ве-
 здѣ исправили дорогу, вездѣ построили
 новые мосты и дома для ночлеговъ. Въ
 каждомъ селеніи жипели вострѣчали не-
 вѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники
 съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, До-
 рогобужѣ, Вязмѣ подносили ей многоцѣн-
 ные дары отъ себя, а саповники вручали
 письма отъ жениха съ дарами еще бога-
 тѣйшими. Всѣ старались угождать не
 только будущей Царицѣ, но и спутни-
 камъ ея, надменнымъ Ляхамъ⁴⁶⁶, кошо-
 рые вели себя нескромно, грубили Россія-
 намъ, приговорно смиреннымъ, и достиг-
 нувъ береговъ Угры, вспомнили, что
 путьъ была древняя граница Липвы —
 надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мни-
 шекъ везъ съ собою владѣнную грамошу,
 данную ему Самозванцемъ, на Княженіе
 Смоленское! . . . Оставивъ Марину въ Вяз-
 мѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и
 Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ Мос-
 кву для нѣкоторыхъ предварительныхъ
 условій съ Царемъ опносительно къ бра-
 ку⁴⁶⁷.

25 Апрѣля, имѣвъ пышный вѣздъ

въ столицу⁴⁶⁸, Минскѣ съ воспоргомъ Г.
 увидѣвъ будущаго зятя на великолѣпномъ 1606.
 шронѣ, окруженномъ Боярами и Духовен-
 ствомъ: Патриархъ и Епископы сидѣли
 на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Рѣчь
 Минскѣ цѣловалъ руку Лжедимитріеву; Мин-
 говорилъ рѣчь, и не находилъ словъ для шкова.
 выраженія своего счастья. »Не знаю (ска-
 зать онъ), какое чувство господствуетъ
 »теперь въ душѣ моей: удивленіе ли
 »чрезмѣрное или радости неописанная?
 »Мы проливали нѣкогда слезы умиленія,
 »слушая повѣсть о жалоспной, мнимой
 »кончинѣ Димитрія — и видимъ его вос-
 »кресшаго! Давно ли, съ горестію ина-
 »го рода, съ участіемъ искреннимъ и нѣ-
 »жнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего
 »гостя печальнаго — и сію руку, нынѣ
 »державную, лобызаю съ благоговѣніемъ!
 ». . . О счастье! какъ пы играешь смерт-
 »ными! Но что говорю? не слыному сча-
 »спію, а Провидѣнію дивимся въ судьбѣ
 »твоей: Оно спасло тебя и возвысило,
 »къ утѣщенію Россіи и всего Христіан-
 »ства. Уже извѣсны мнѣ твои блестя-
 »щія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу
 »битвы неуспрашаемаго, въ трудахъ воин-
 »скихъ неупомимаго, къ хладу зимнему
 »нечувствительнаго . . . пы бодрство-

Толъ XI

Г. 1606. «валъ въ полѣ, когда и звѣри Сѣвера въ своихъ норахъ тайлись. Исторія и Спиховорство прославишь себя за мужество и за многія иныя добродѣтели, которыми спѣши открытъ въ себѣ міру; но я особенно долженъ славить твою высокую ко мнѣ милость, щедрую награду за мое къ тебѣ раннее дружество, которое предупредило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣлалъ свое величіе съ моею дочерью, умѣя цѣнить ея нравственное воспитаніе и выгоды, данный ей рожденіемъ въ Государствѣ свободномъ, гдѣ Дворянство столь важно и сильно — а всего болѣе зналъ, что одна добродѣтель есть истинное украшеніе человека.» Лжедимитрій слушалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно упирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни слова: вмѣсто Царя описывалъ Афанасій Власевъ. Началось роскошное угощеніе. Мнишекъ обѣдалъ у Лжедимитріа въ новомъ дворцѣ, гдѣ Польки хвалили и богатство и вкусъ украшеній⁴⁶⁹. Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за серебряною трапезою, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецъ-

Г. 1606. кому золотыя шарелки⁴⁷⁰. Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ данью, и рассказывали любопытнымъ иностранцамъ, что сіи спиранные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря; не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры⁴⁷¹: Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Вечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; слылъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, опсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Болръ: «слава Царю!» — Въ сіе время занимался и дѣломъ. Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Воеводѣ Сендомірскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чинить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея⁴⁷²; дол-

Г. жна также наблюдать обычаи Москов-
1606. скіе, и не убирать волосовъ: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое прѣбываніе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не восирещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не великъ супругамъ жертвованъ другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ⁴¹⁵. Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, приобщалась Святыихъ Таинъ отъ Папріарха и постилаеъ еже-недѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожь свою Лапшинскую церковь и наблюдая всѣ иныя уснавы Римской Вѣры. Папріархъ Игнацій былъ доволенъ; другіе Священныи молчали, всѣ, кромѣ

Опала Митрополита Казанскаго Ермогена и Ко-
друкъ
Святц-
шелей. Разспригою, за ихъ смѣлосць: ибо они
ушверждали, что невѣсту должно крестить, или женитьба Царя будещь без-

законіемъ⁴¹⁶. Гордяся хитрою Полипи- Г.
кою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, 1606.
и Римъ и Москву — устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ вѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпнѣмъ Царскимъ.

Марина дни чепыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донныя цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Минишковыхъ спутниковъ. 1 Мая, версць за 15 отъ Москвы, встрѣпили будущую Царь-Въ-
рицу купцы и мѣщане съ дарами — 2 ^{вздѣ} Мари-
Мая, близъ городской заставы, Дворян- ны къ
ствои-
ство и войско: Дѣти Болрскіе, Спрѣль- цу.
цы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтаняхъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до снатысячъ⁴¹⁷. Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ проспой одеждѣ между ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ распавилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились Бояре: Князь

Г. Мстиславскій говорилъ ей привѣстивенную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шапра сподли 12 прекрасныхъ верховыхъ коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятиью пѣгими лошадьми⁴⁷⁶: въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Болрами, чиновниками и пріема дружинами Царскихъ пѣдохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ музыкантами, а позади ѣхало 13 кареевъ и множеству всадниковъ. Звонили въ колокола, спрѣляли изъ пучекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ *сторично* бѣдственное предзнаменованіе⁴⁷⁷: увѣряющъ, что въ сей день свирѣпствовала буря, такъ же, какъ и во время Разспригина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣчало бы невѣсту Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы липаврщиковъ, производившій для слуха шумъ и громъ. При въѣз-

здѣ ея въ Спасскія ворота музыканты Г. Польскіе играли свою народную пѣсню: *настьки въ счастъ и несчастъ*⁴⁷⁸; колесница остановилась въ Кремль у Девичьяго монастыря: тамъ невѣста была принята Царицею-Иокинею⁴⁷⁹; тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, оплощенной на шестъ дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Между тѣмъ Москва волновалась. По-Негодованіе мѣшивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ⁴⁸⁰ Борисомъ (вершентъ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ Москвичи всѣ лучшіе дворы въ Киапѣ, въ Бѣломъ городѣ, и выгнали хозяевъ, не только купцевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родошвенниковъ Царскихъ; Нагихъ⁴⁸¹: сдѣлался крикъ и вопль. — Съ другой стороны, видя тысячи госпней незваныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ — видя, какъ они еще изъ шелегъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, Москвичи спрашивали у Нѣмцевъ, вѣдѣтъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу какъ на бипву⁴⁸², и говорили другъ другу, что Поляки хотѣтъ овладѣть еполицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву Великіе Послы Сигиз-

Г. мундовы, Паны Олесницкій и Гостѣвскій 1606. ⁴⁸³, также съ воинскою многочисленною дружиною, также къ безпокойству народа, которъ думалъ, что они прѣхали за вѣномъ Марины, и что Царь уступилъ Липвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска ⁴⁸⁴— мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего Посольства: Олесницкій и Гостѣвскій должны были только, вмѣсто Короля, присушествовать на свадьбѣ Лжедмитрія ⁴⁸⁵, утвердить Сигизмундову съ нимъ дружбу и союзъ съ Россією, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣвонисца, зная мольбу народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую обласль, говорилъ Боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли Россійской Ляхамъ ⁴⁸⁶— и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Пану, обманулъ бы и шестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не спарались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедмитріи, которъ новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Соблазны. Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли утвердить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недо-

ступныхъ келліяхъ училъ нашему Зако- Г. ну и постился, говновалъ къ крещенію, ^{1606.} ⁴⁸⁷: въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ опца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совѣтъ не монастырскіе ⁴⁸⁸. Марина имѣла при себѣ одну служанку, куда не выходила изъ келліи, не ѣдила даже и къ опцу; но ежедневно видѣла спрашнаго Лжедмитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разсприга вводилъ екомороховъ въ Обишельщины и набожности, какъ бы ругался надъ святымъ мѣстомъ и саномъ Инокіи непорочныхъ ⁴⁸⁹. Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ. Соблазнъ иного рода, плодъ въпрямости Лжедмитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разсприга порожественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ, и Пословъ Королевскихъ Гофмейстеръ Марины, Спадницкій, имевшій всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь ⁴⁹⁰, ска-

Г. 1606. зашь ему: «Если кто нибудь удивится
 шивому союзу съ домоу Мнишка, пер-
 ваго изъ Вельможъ Королевскихъ, по-
 шущихъ заглянеть въ Исторію Государ-
 ства Московскаго: *прадѣды* швой, ду-
 маю, быль женатъ на дочери Виповца,
 а дѣды на Глинской — и Россія жалава-
 лась ли на соединеніе Царской крови съ
 Липовскою? ни мало. Симъ бракомъ
 утверждаешь шья связь между двумя на-
 родами, которые сходствуютъ въ язы-
 къ и въ обычаяхъ, равны въ силѣ и до-
 блести, но донынѣ не знали мира ис-
 жренного, и своєю закоснѣлою враждою
 шпѣшили невѣрныхъ; нынѣ же гоповы,
 какъ истинные братья, дѣйствовашь
 единодушно, чптобы низвергнушь Луну
 ненавистную... и слава швой какъ солн-
 це возсіяшъ въ странахъ Сѣвера». За
 родствениками Воеводы Сендомирскаго,
 важно и величаво, шли Послы. Лжедими-
 трій сидѣлъ на престолѣ: сказавъ Царю
 привѣшество, Олесницкій вручилъ Сигиз-
 мундову грамошу Аѳанасію Власьеву, ко-
 торый шихо прочипаль Самозванцу ея
 надпись, и возвращиль бумагу Посламъ,
 говоря, чпто она писана къ какому-шо
 Князю Димитрію, а Монархъ Россійскій
 есть *Цесарь*; чпто Послы должны ѣхашь

Ссора
 съ По-
 слами.

съ него обратню къ своему Государю. Г.
 Назуменный Панъ Олесницкій, взявъ гра- 1606.
 мошу, сказалъ Лжедимитрію: «Принимаю
 шь благоговѣннѣмъ; но чпто дѣлается?
 оскорбленіе непримѣрное для Короля,
 для всѣхъ знаменитыхъ. Ляховъ, стоя-
 щихъ здѣсь предъ тобою, — для всего
 нашего опечешства, гдѣ мы еще недавно
 видѣли тебя, осыпаемаго ласками и бла-
 годѣянїями! Ты съ презрѣннѣмъ ошвер-
 гаешь письмо Его Величества, на семъ
 шронѣ, на коемъ сидишь по милости
 Божіей, Государя моего и народа Поль-
 сскаго!»... Такое нескромное слово оскор-
 бляло всѣхъ Россійанъ не менѣ Царя; но
 Лжедимитрій не мыслиль выгнать дерз-
 каго Пана, и какъ бы обрадовался слу-
 чаю блиснать ошвомъ краснорѣчнѣмъ; ве-
 лѣль снять съ себя корону⁴⁹¹, и самъ
 опвѣшествовалъ слѣдующее: «Необыкно-
 венное, неслыханное дѣло, чптобы Вн-
 ценосцы, сидя на престолѣ, спорили съ
 иноземными Послами; но Король упрям-
 шествомъ выводишь меня изъ шерпѣнїя.
 Ему изъяснено и доказано, чпто я не
 шполько Князь, не шолько Господарь и
 Царь, но и Великій Имперашоръ въ сво-
 ихъ неизмѣримыхъ владѣнїяхъ. Сей ш-
 шуль данъ мнѣ Богомъ, и не ешь одно

Г 1606. «пустое слово, какъ пипулы иныхъ Ко-
 «родей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ни-
 «же Римскіе Цесари не имѣли дѣйстви-
 «тельнаго права такъ именоваться.
 «Могу ли бытъ доволенъ названіемъ Кня-
 «зя и Господаря, когда мнѣ служатъ не
 «только Господари и Князья, но и Цари?
 «Не вижу себѣ равнаго въ спранахъ полу-
 «нощныхъ; надо мною одинъ Богъ. И не
 «всѣ ли Монархи Европейскіе называютъ
 «себя Императоромъ? Для чего же Си-
 «гизмундъ того не хочетъ? Панъ Олес-
 «ницкій! спрашиваю: могъ ли бы ты при-
 «нять на свое имя письмо, если бы въ
 «его надписи не было означено твое
 «Царское достоинство? ... Сигиз-
 «мундъ имѣлъ во мнѣ друга и брата, ка-
 «кого еще не имѣла Республика Польская;
 «а теперь вижу въ немъ своего зложела-
 «теля». Извиняясь въ худомъ вѣдѣніи
 «неспособностію говорить безъ пригото-
 «вленія, а въ смѣлости навѣкомъ чело-
 «ка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и
 «грубостию упрекалъ Лжедимитрія небла-
 «годарностию, забвеніемъ милостей Коро-
 «левскихъ, безразсудностию въ требованіи
 «пипула новаго, безъ всякаго права; ука-
 «зывал на Болръ, спавилъ ихъ въ свидѣ-
 «тели, что Вѣщеносцы Россійскіе нико-

гда не думали именоваться *Цесарями*; Г.
 предавалъ Самозванца суду Божию за кро- 1606.
 вопрошаніе, вѣроуемое слѣдствіе како-
 го неумѣреннаго честолюбія. Самозванецъ
 возражалъ; наконецъ смягчился, и звалъ
 Олесницкаго къ рукѣ не въ видѣ Посла,
 а въ видѣ своего добраго знакомаго; но
 разгоряченный Панъ сказалъ: «или я По-
 «солъ или не могу цѣловать руки твоей»
 — и сею твердостию принудилъ Раз-
 «спригу усупити: «для того (сказалъ
 «Власевъ), что Царь, готовясь къ брач-
 «ному веселію, расположенъ къ снисходи-
 «тельности и къ мирнымъ чувствамъ.
 Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ
 указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ
 о здоровьи Короля, но сидя: Олесницкій
 хотѣлъ, чтобы онъ для сего вопроса, въ
 знакъ уваженія къ Королю, привсталъ,
 и Разсприга исполнилъ его желаніе —
 однимъ словомъ, унижилъ, оспыдилъ се-
 бя въ глазахъ Двора явленіемъ непристой-
 нымъ, досадивъ вѣсепъ и Ляхамъ и Рос-
 сіянамъ. Съ честью опустивъ Пословъ
 въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку
 Грамотину сказать имъ, что они мо-
 гутъ жить, какъ имъ угодно, безъ вся-
 каго надзора и принужденія: видѣлся и
 говорилъ, съ кѣмъ хоплять; что обы-

Г. чаи переѣнились въ Россіи, и спокой-
 1606. над любовь къ свободѣ заступила мѣсто
 недовѣрчиваго тиранства; что госпепри-
 имная Москва ликуешъ, въ первый разъ
 видя шакое множество Лхвъ, а Царь
 гоповъ удивилъ Европу и Азію дружбою
 своею къ Королю; если онь признаешъ
 его Императоромъ изъ благодарности
 за шипуль *Шведскаго*, опнятый Бори-
 сомъ у Сигизмунда, но возвращаемый
 ему Димитріемъ. — Дѣломъ государст-
 веннаго союза хотѣли заняться послѣ
 свадьбы Царской: ибо Дзедимитрій не
 имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, зани-
 маясь единственно невѣсною и госпями.
 Въ монастырѣ веселились; во двор-
 цѣ пировали⁴⁹². Женихъ ежедневно дарилъ
 невѣсту и родныхъ ся, покупалъ лучшіе
 повары и купцевъ иноземныхъ, коихъ
 множество наѣхало въ Москву изъ Лип-
 вы, Италіи и Германіи. За два дни до
 свадьбы принесли Маринѣ шкапулу съ
 Дары. узорочьями, цѣною въ 50 тысячъ рублей
⁴⁹³, а Мнишку выдали еще 100 тысячъ
 злотыхъ для уплаты ospальныхъ дол-
 говъ его, шакъ, что казна издержала въ
 сіе время на одни дары 800,000 (нынѣш-
 нихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей⁴⁹⁴,
 кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на пу-

пешествіе или угощеніе Марины съ ея г.
 ближними. Дзедимитрій хотѣлъ Царскою ^{1606.}
 роскошью зашмить Польскую: ибо Во-
 вода Сендомирскій и другіе знашные Лх-
 хи также не жалѣли ничего для внѣшн-
 го блеска, имѣли богатыя карешы и пре-
 красныхъ коней, рядили слугъ въ бар-
 хашъ, и готовились житьъ пышию въ Мос-
 квѣ (куда Мнишекъ⁴⁹⁵ привезъ 50 бочекъ
 одного вина Венгерскаго). Но самая ро-
 скошь госпей озлобляла народъ: видя ихъ
 великолѣпіе, Москвитяне думали, что
 оно есть плодъ расхищенія казны Цар-
 ской⁴⁹⁶; что достояніе опечеснва, со-
 бранное умомъ и шрудами нашихъ Госу-
 дарей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріа-
 телей Россіи.

7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ Обру-
 монастыря, и при свѣщѣ двухъ ^{челю} сощъ
 факеловъ, въ колесницѣ окруженной шѣ ^и свадь-
 лохранителями и Дѣшми Болрскими, пе- ^{ба.}
 рѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее
 утро, совершилось обрученіе по уставу
 нашей Церкви и древнему обычаю; но,
 вопреки сему уставу и сему обычаю, въ
 шопѣ же день, на канунъ Пяшницы и
 свяшатаго праздника, совершился и бракъ:
 ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ
 днемъ своего счастія жершвовать, какъ

Г. 1606. онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Споловую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Севдомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Болръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, красномъ бархатномъ плащѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ: на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же плащѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блисталъ алмазами и всякими камнями драгоценными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали короваи съ сырами и разносили ширинки. Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Вояре и ея новники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіянъ важную новость: два прешола, одинъ для Самозванца, другой для Маринны — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «Наилучшійшая Великая Государыня, *Цесарева* Марія Юріевна! волею Божіею и непобѣдимаго Самодержца, Цесаря и Великаго Князя вся Россіи, ты избрана быти

его супругою: вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и властвуй вмѣстѣ ^{1606.} всѣмъ Государемъ надъ нами!» Она съла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Вельми Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготавили къ торжественному обряду, и куда, по разсланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Севдомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды пѣлохраниителей и Сирѣльцевъ, Спольники, Сиряччіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скипетромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началось священнодѣйствіе, доподоль безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хопѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можешь быти, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ шагѣ называемомъ *гертожною* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патриархъ: пер-

Г. вѣй на золотомъ провъ Персидскомъ⁴⁹⁸,
 1606. впорая на серебряномъ. Лжедимитрій го-
 ворилъ рѣчь: Папріархъ ему ошвѣтство-
 валь, и съ молиивою возложилъ живо-
 творящій крестъ на Марину, бармы, діа-
 диму и корону (для чего свахи сняли го-
 ловный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Ли-
 ки пѣли многолѣтніе Государю и благо-
 стрной Цесаревъ *Маріи*, которую Па-
 пріархъ на Липургіи украсилъ цѣпію Мо-
 номаховою, помазалъ и причастилъ. Та-
 кимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не
 будучи супругою Царя, уже была вѣнчан-
 ною Царицею (не имѣла полько державы
 и скиптра). Духовенство и Бояре цѣло-
 вали ея руку съ обѣщаніемъ вѣрности⁴⁹⁹.
 Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ
 знавшійшихъ, изъ церкви, и Протопопъ
 Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разспригу съ
 Мариною. Держа другъ друга за руку, оба
 въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя
 опиралась на Князя Василія Шуйскаго) вы-
 шли изъ храма уже въ часъ вечера и бы-
 ли громко привѣтствуемы звукомъ шрубъ
 и липавръ; выспрѣлами пушечными и
 колокольнымъ звономъ⁵⁰⁰, но тихо и не-
 вняпно народными восклицаніями. Князь
 Мстиславскій, въ дверяхъ осыпавъ ново-
 брачныхъ золотыми деньгами изъ бога-

шой мисы, кинулъ полпамъ гражданъ, Г.
 всѣ оспальные въ ней червонцы и меда-
 ли (съ изображеніемъ орла двуглаваго).
 1606. Воевода Сеномирскій и немногіе Бояре
 обѣдали съ Лжедимитріемъ въ Споловой
 палатѣ; но сидѣли не долго: встали и
 проводили его до спальни, а Мнишекъ и
 Князь Василій Шуйскій до постели⁵⁰¹.
 Все утихло во дворцѣ. Москва казалась
 спокойною: праздновали и шумѣли одни
 Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Цар-
 скихъ, новыхъ даровъ и почестей. Не
 праздновали и не дремали клеветы Шуй-
 скаго: время дѣйствовать наступало.

Сей день, радостный для Самозван-
 ца и столь блестящій для Марины, еще
 усилилъ народное негодованіе. Не взирая
 на всѣ безразсудныя дѣла Разсприги, Мос-
 квичяне думали, что онъ не дерзнетъ
 дать сана Россійской Царицѣ иновѣркѣ,
 и что Марина приметъ Законъ нашъ;
 ждали того до послѣдняго дня и часа: уви-
 дѣли ея въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ;
 и не слышали опреченія ошъ Латинства.
 Хотя Марина цѣловала наши святыя ико-
 ны, вкусила шѣло и кровь Христову изъ
 рукъ Папріарха, была помазана елеемъ и
 торжественно возглашена *Благовѣрною*
Царицею; но сіе явное дѣйствіе лжи ка-

Новая
прочи-
ны къ
негодо-
ванію.

Г. залось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вънчаніе Польской Шляхешки, удостоенной величія неслыханнаго и недослупнаго для самыхъ Цариць, испивно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ: для Анастасіи, Прини и Маріи Годуновой⁵⁰². Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для шогдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслить народъ, или шакія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей спрोगихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разсприга дозволилъ бытъ въ церкви свидѣтелями сего бракосочетанія, но и сіи немпогіе своимъ безчислствомъ возбудили общее вниманіе⁵⁰³: шупшили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непременно хощѣли сидѣть, пребо-вали кресель и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказати имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на пронтъ, единственнo по случаю коронованія Марини⁵⁰⁴. Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Цариць скамьи подъ ноги — кичливые

Паны дивились въ слухъ шакой низости Г. и благодарили Бога, что живутъ въ Россіи¹⁶⁰⁶. публикъ, гдѣ Король не смѣетъ пребывать презрительныхъ услугъ, отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ. . . Россіи не видѣли, слышали и не прощали. Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, Пирь, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника⁵⁰⁵: сія шумная музыка не умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ гоповился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; Послы шакже учтиво благодарили, хощѣли однакожъ непременно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: »Вы шребуете неслыханнаго: у насъ никому нѣтъ мѣста за особенною Царскою шрапезою; Король же угостилъ меня наравнѣ съ Послами Императорскимъ и Римскимъ: слѣдшвенно не сдѣлалъ ничего чрезвычайнаго, ибо Государь нашъ не менте ни Императора, ни Римскаго Владыки — нѣтъ,

Г. 1606. »Великій Цесарь Димитрій болѣе ихъ : чпо. у васъ Пана, то у него Попы «⁵⁰⁶. Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и желая, можешь бышь, сею неприспойною насмѣшкою доказать, чпо Лжедимитрій не есть Панистъ. Олесницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во дворець. Всѣ иные знашныя Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго : онъ находилъ требованіе Пословъ справедливымъ, щещно умолялъ зяця исполнить оное, проводилъ его и Марину до споловой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пирнества. Новобрачные обѣдали на протѣ; за ними спояли пѣлохранили съ съкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богашеству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ плащѣ, а Царицу въ Польскомъ : ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который на кануѣ едва согласился, чпобы Марина, хопя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою⁵⁰⁷. Вечеру ближніе Мнишковы веселились во внут-

реннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патриарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знашныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужеспиранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицомъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ⁵⁰⁸. Въ Золотой палатѣ обѣдало 150 Ляховъ, проспыхъ воиновъ, но избранныхъ; угощаемыхъ Думными Дворянами : наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна⁵⁰⁹. Наконецъ, 11 Мая; обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зяця дать Олесницкому первое мѣспіо *возль* сполы Царскаго, уговорилъ и сего Пана не пребывать ничего болѣе и не жертвовашъ спору о суешной чести выгодами союза съ Россією. Хопя Лжедимитрій едва было не возобновилъ прѣвнія, сказавъ Олесницкому : »я не звалъ Короля къ себѣ на свадьбу : слѣдственно ты здѣсь не въ лицѣ его, а только въ качествѣ Посла; но Мнишекъ благоразумными представленіями упишилъ зяця, и все кончилось дружелюбно. Сей прѣвій пиръ казался еще

Г. 1606. пишице. Царь и Царица были въ корот-
цахъ и въ Польскомъ великолѣдномъ на-
рядѣ. Тупь обѣдали и женщины: Книги-
ня Мстиславская, Шуйская⁵¹⁰ и родствени-
ницы Воеводы Сандомирскаго, который,
забывъ свою должность, не хотѣлъ си-
дѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ
цреть Царицею, и служилъ ей не какъ
оноцъ, а какъ подданный, къ удивленію
всѣхъ⁵¹¹. Лжедмитрій пилъ здоровье Коро-
ля; вообще пили много, особенно инозем-
ные гости, хваля Царскія вина, но жа-
луясь на яства Русскія, для нихъ не
вкусныя⁵¹². Послѣ стола опкланялись Ца-
рю сановники, коимъ надлежало ѣхать
къ Шаху Персидскому съ письмами: они
цѣловали руку у Лжедмитрія и Марины
⁵¹³. — 12 Мая Царица въ своихъ компа-
нахъ угощала однихъ Ляховъ, пригла-
сивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и
Князя Василія Мосальскаго. Услуга и ку-
щанья были Польскія, такъ, что Паны,
изъявляя живѣйшее удовольствіе, гово-
рили: »мы пируемъ не въ Москвѣ и не
» у Царя, а въ Варшавѣ или въ Краковѣ у
» Короля нашего⁵¹⁴. Пили и плясали до
ночи. Лжедмитрій, въ гусарской одеж-
дѣ, танцевалъ съ женою и съ шестемъ.
— Но Царица оказала милость и Россія-

намъ: 14 Мая обѣдали у нее Болре и лю- Г.
ди чиновные. Въ сей день она казалась 1606.
Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи;
спаралась быть и любезною, всѣхъ
привѣтливую и лаская⁵¹⁵. . . . Но при-
вѣтствія уже не прогнали сердце оже-
сточенныхъ! — Между пѣть не умолка-
ла въ столицѣ музыка: барабаны, липа-
вры, трубы съ утра до вечера оглуша-
ли жишелей⁵¹⁶. Ежедневно гремѣли и пуш-
ки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадя
пороху, и въ пашь или въ шестъ
дней испрашдали сго болѣе, нежели въ вой-
ну Годунова съ Самозванцемъ. Лихи такъ
же въ забаву спирѣдали изъ ружей, въ сво-
ихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью,
шрезвые и пьяныя⁵¹⁷.

Упомненный празднеспвами, Лжеди- Пере-
митрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 ^{говоря} ^{госу-}
Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундо- дар-
вы нанли его въ новомъ дворцѣ сидяща- ствен-
но на креслахъ, въ прекрасной голубой ные.
одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ,
съ жезломъ въ рукѣ, среди множеспва
наредворцевъ⁵¹⁸: онъ велѣлъ Посламъ иш-
ти къ Болрамъ въ другую комнату, чино-
бы объяснить имъ предложенія Сигизмун-
довы. Князь Дмитрій Шуйскій, Ташицевъ,
Власьевъ и Дьякъ Грамошищъ бесѣдовали
Толъ XI.
14.

Г. съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодови-
1606. той, Вепхимъ и Новымъ Завѣшомъ дока-
зывалъ обязанность Христіанскихъ Мо-
нарховъ жить въ союзѣ и пропитившеся
невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Констан-
тинополя и несчастіе Иерусалима; хва-
лилъ великодушное намѣреніе Царя осво-
бодить ихъ отъ бѣдспивеннаго ига, и за-
ключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылалъ
усердіемъ раздѣлить съ брапомъ своимъ,
Димитріемъ, славу шакого предпріятія,
желаетъ знать, когда и съ какими сила-
ми онъ думаетъ итти на Султана? Та-
пищевъ отвѣтспивовалъ: » Король хо-
»четъ знать: вѣрамъ; но хочетъ ли дѣй-
»ствительно помогать ненобъдимому Це-
»сарю въ войнѣ съ Турками? сомнѣваемся.
»Желаніе все вывѣдашь, съ намѣреніемъ
»ничего не дѣлать, кажешся намъ шоль-
»ко обманомъ и лукавспвомъ.« Удивляясь
дерзоспи Тапищева (который говорилъ
невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой пере-
мѣнѣ общоспительствѣ), Послы свидѣ-
сптельствовались Власевымъ, что не Си-
гизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигиз-
мунду предложилъ воевать Опшоманскую
Державу: слѣдспвенно и долженъ объ-
вить ему свои мысли о способахъ успѣха.
Тутъ Россійскіе чиновники оставили По-

словъ, ходили къ Лжедимитрію, возвра- Г.
тились, и сказавъ: »самъ Цесарь будетъ 1606.
»говорить съ вами въ присушесвіи Бо-
»ляръ«, опуспустили ихъ домой; но мни-
мый Цесарь уже не могъ сдержавъ слова!

Еще Лжедимитрій гововилъ поспѣхи
новыл; велѣлъ спроеить деревянную крѣ-
носпь съ земляною оспѣью внѣ города, <sup>Замы-
шляе-
мья
попѣ-
ши.</sup> за Срѣшенскими ворапами, и вывеспи
шуда множеспво пушекъ изъ Кремля,
чтобы 18 Мая предспавить Лхамъ и
Россіанамъ любопытное зрѣлище при-
спупа, если не кровоспролишнаго, по гро-
мозвучнаго, коему надлежало заключить-
ся ширшесспвомъ общенароднымъ. Марина
шакже замышляла особенное увеселеніе
для Царя и людей ближнихъ во внуспрен-
нихъ комнапахъ дворца: думала съ сво-
ими Польками плясать въ личинахъ⁵¹⁹.
Но Россіане уже не хотѣли ждатель
шпой, ни другой поспѣхи.

Если Шуйскій опложилъ ударъ до свадь-
бы Опреньева съ намѣреніемъ дать ему
время еще болѣе возмушить сердца своимъ
легкомысліемъ⁵²⁰, по сіе предвидѣніе ис-
полнилось: новые соблазны для Церкви,
Двора и народа умножили ненависть и пре-
зрѣніе къ Самозванцу, а наглоспъ Лховъ <sup>Наг-
лоспъ</sup>
все довершила, шакъ, что имъ обязан-
ловъ.

Г. ный счастьемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ
 1606. и погибли! Сіи госпни и друзья его услу-
 живали хитрому Шуйскому, испощая
 перья Россіянъ, споль мало ими ува-
 жаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ
 нескромно общалъ Болрамъ свою ми-
 лость, и Посоль Королевскій дерзнулъ
 поржественно назвать Лжедимирія пво-
 реніемъ Сигизмундовымъ⁵²¹. На самыхъ пи-
 рахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгорячен-
 ные виномъ Ляхи укоряли Воеводѣ на-
 шихъ шрусостию и малодушіемъ, хваляся:
 »мы дали вамъ Царя!« Но Россіяне, сколь
 ни униженные, сколь ни виновные предъ
 опечесвомъ и добродѣтелию, еще имѣ-
 ли гордоспъ вародную; кипѣли злобою,
 но удерживались и шептали другъ другу:
 »часъ меспи не далеко!« Сего мало: вои-
 ны Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи,
 не презвые возвращаясь изъ дворца съ
 обнаженными саблями, на улицахъ руби-
 ли Москвищанъ, безчеспили женъ и дѣ-
 вищъ, самыхъ благородныхъ, силою из-
 вякая ихъ изъ колесницъ или влამыва-
 ясь въ дома⁵²²; мужья, машери вопили,
 пребовали суда. Одного Ляха преспуни-
 ка хопѣли казнищъ; но шоварищи осво-
 бодили его, умершвивъ палача, и не спра-
 шась закона⁵²³.

Такъ было — и на беззаконіе воспла- Г.
 ло беззаконіе. Мы удивлялись легкому 1606.
 торжеству Самозванца: теперь удивимся
 его легкому паденію. Въ то время, какъ
 онъ безопасно пѣшился и плясалъ съ сво-
 ими Ляхами — когда головы кружились
 отъ веселія и мысли зашмѣвались пара-
 ми вища — Шуйскій, неусыпно наблюдая, Поч-
 рѣшился уже не медлить, и въ пишищѣ ^{шай}
 ночи призвалъ къ себѣ не только со- ^{совѣтъ}
 общниковъ (изъ коихъ главными имену- ^{въ}
 ются Князь Василій Голицынъ и Бол- ^{домъ}
 ринъ Иванъ Куракинъ) — не только дру- ^{Шуй-}
 зей, клеверповъ, но и многихъ людей ^{скаго.}
 спороннихъ: Дворящъ Царскихъ, чинов-
 никовъ военныхъ и градскихъ, Сопниковъ,
 Пятидесяпниковъ⁵²⁴, которые еще не бы-
 ли въ заговорѣ, благопріятствуя оному
 едипшвенно въ шайнѣ мыслей. Шуйскій
 смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ,
 что опечесво и Вѣра гибнущъ отъ
 Лжедимирія; извинялъ заблужденіе Рос-
 сіянъ; извинялъ и пѣхъ, которые знали
 истину, но приняли обманщика, желая
 низвергнущъ ненавистныхъ Годуновыхъ,
 и въ надеждѣ, что сей юный вищазъ,
 хопя и разсприга, будетъ добрымъ Вла-
 спителемъ⁵²⁵. »Заблужденіе скоро исчез-
 ло,« продолжалъ онъ — и вы знаете, что

Г. 1606. »первый дерзнулъ обличать Самозванца; «но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй «спокойно величался на престолѣ: Москва не пронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полного удостовѣренія въ оба нѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ⁵²⁶ и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, незаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣнованіе Москвы, какъ бы плѣсненной сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотяпть ли Россіяне, сложивъ руки, ждапть гибели неминуемой: видѣпть костелы Римскіе на мѣстѣ церкви православныхъ, границу Липовскую подтѣспнанаи Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ⁵²⁷ или хотяпть дружнымъ возспаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова гопповъ иппи на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнителяго: кто не принадлежалъ, поппъ

Г. 1606. присталъ къ заговору въ семь сборницъ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разспригу и Ляховъ, не боясь ни кляпивопресупленія, ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, имеемъ оиечесства, Вѣры, Духовенства, всѣ запрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло общали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Солники и Пятидесятники опивѣспивовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ надежныхъ людей⁵²⁸, призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ общивенныхъ владѣній, будипо бы для того, чпобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, гопповились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики спрашились, кажепся, быпть жертвою народной злобы): но какая скромность могла уптанипть движенія заговора, споль многолюднаго?

Дерз-
12 Мая говорили поржественно, на кія рт-
площадяхъ, что мнимый Димитрій еспть ^{чи} на
Царь *поганый*: не чпипть свяпыхъ иконъ, жадп-

Г. не любитьъ набожности, нишается гну-
 1606. сными яствами, ходилъ въ церковь пе-
 чисный, прямо съ ложа сквернаго; и еще
 ни однажды не мылся въ банѣ съ своею
поганю Царицею; что онъ безъ сомнѣ-
 нія ерепикъ, и не крови Царской⁵²⁹. Лже-
 димитріевы пѣлохранители схватили
 одного изъ такихъ поносителей и приве-
 ли во дворець: Разсприга вельмъ Боярамъ
 допросилъ его; но Бояре сказали, что
 сей человекъ пьянъ и бредитъ; что Ца-
 рю не должно уважать рѣчей безумныхъ
 и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Само-
 званецъ успокоился. Въ слѣдующіе при-
 дни примѣшно было сильное движеніе въ
 народѣ: разглашали, что Лжедимитрій
 для своей безопасности мыслилъ изгу-
 билъ Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ
 и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ ми-
 ной воинской поспѣхи въ Москву, на лу-
 гу Срътенскомъ, ихъ всѣхъ переспрѣля-
 ютъ изъ пушекъ⁵³⁰; что столица Рос-
 сійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ
 Самозванецъ опдаситъ не только всѣ до-
 мы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но
 и святыя Обители, выгнавъ опшуда
 Иноковъ и женивъ ихъ на Ипокншахъ.
 Москвитяне вѣрили; толпились на ули-
 цахъ, днемъ и ночью; совѣновались другъ

Волне-
 ніе па-
 рода.

съ другомъ, и не давали подслушивать. Г.
 себя иноземцамъ, опгоняя ихъ какъ ла-
 1606. зупчиковъ, грозилъ словами и взорами.
 Были и драки: уже не спуская госпнямъ
 буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя
 Вишневецкаго и едва не вломился въ его
 домъ, изъявляя особенную ненависть къ
 сему Пану, спаршему изъ друзей Раз-
 спригинныхъ⁵³¹. Нѣмцы остерегали Лже-
 димитрія и Ляховъ; остерегали перваго
 и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ! Но Са-
 мозванецъ, желая болѣе всего казаться
 неустрашимымъ и твердымъ на проне
 въ глазахъ Поляковъ, шушилъ, смѣялся,
 искренно или прищеорно, и сказалъ ис-
 пуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ
 »вы, Ляхи, малодушны!» а Посламъ Си-
 гизмундовымъ: «я держу въ рукѣ Москву
 »и Государство; ничто не смѣетъ дви-
 »нуться безъ моей воли.» Въ полночь, съ
 15 на 16 Мая, схватили въ Кремль
 шестъ человекъ подозрительныхъ: пы-
 пали ихъ какъ лазупчиковъ, ничего не
 свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за
 пужное усилие спражу во дворець, гдѣ
 находилось обыкновенно 50 пѣлохрани-
 телей⁵³²: онъ вельмъ другимъ быль дома
 въ головности на всякій случай; вельмъ
 еще распавилъ Спрѣльцевъ по улицамъ

Спо-
 кой-
 ствие
 Лже-
 дими-
 трія.

Г. для охраненія Ляховъ, чшобы успокоить
 1606. плесня, докучавшаго ему и Маринъ сво-
 ею болзнію. — 16 Мая иноземцы уже не
 могли купить въ госпитномъ дворѣ ни
 фунта пороку и никакого оружія⁵³³; всѣ
 лавки были для нихъ заперты. Ночью,
 на канунъ рѣшительнаго дня, вкралось
 Измѣ- въ Москву съ разныхъ сторонъ до 18
 на вой- тысячъ воиновъ, кошорые спояли въ по-
 ска. лѣ, версшахъ въ шесши днѣ города, и
 должны были идти въ Елецъ, но присо-
 единились къ заговорщикамъ⁵³⁴. Уже дру-
 жины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли
 двѣнадцатью ворошами Московскими, ни
 кого не пуская въ столицу, ни изъ сто-
 лицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ,
 увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою
⁵³⁵. Самые Поляки, хотя и не чуждые
 опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *озна-*
менованныхъ для кровавой мессы: Рос-
 сіяне скрышно пославили знаки на оныхъ,
 въ цѣль удара. Нѣкошорые изъ Пановъ
 имѣли собственную спражу, другіе на-
 дѣялись на Царскую: но Спрѣльцы, ихъ
 хранители, или сами были въ заговорѣ
 или не думали кровію Русскою спасать
 иноплемениковъ пропивныхъ. Ночь ми-
 новалась безъ сна для большей части
 Москвитинъ⁵³⁶: ибо градскіе чиновники

По-
 слѣд-
 ня
 ночь
 для
 Само-
 званца

ходили по дворамъ съ шайнымъ приказомъ,
 чшобы всѣ жители были готовы спать
 1606. грудью за Церковь и Царство, ополчились и
 ждали набаша. Многіе знали, многіе и не зна-
 ли, чему бытъ надлежало, но угадывали
 и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли,
 для великаго и свяшаго подвига, какъ
 имъ сказали. Сильнѣе, можетъ бытъ, все-
 го дѣйствовала въ народѣ ненависть къ
 Ляхамъ; дѣйствовалъ и спыдъ имѣшь Ца-
 ремъ бродягу, и спрахъ бытъ жершвою
 его безумія, и, наконецъ, самая прелеснь
 бурнаго мясца для спрасшей необуздан-
 ныхъ.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня⁵³⁷, Воз-
 прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходя-
 щее солнце освѣтило ужасную првегую ^{спсаніе}
 столицы: ударили въ колоколь сперва у ^{Мос-}
 Св. Іліи, близъ двора госпинаго, и въ ^{квы.}
 одно время загремѣлъ набашъ въ цѣлой
 Москвѣ, и жители успремались изъ до-
 мовъ на Красную площадь, съ копьями,
 мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Бояр-
 скіе, Спрѣльцы, люди Приказные и шор-
 говые, граждане и чернь. Тамъ, близъ
 лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ,
 окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ
 шлемахъ и лапахъ, въ полныхъ доспѣхахъ
⁵³⁸, и предспавляя въ лицѣ своемъ оше-

Г. 1606. чество, ждали народа. Спеклося безчисленное множество людей, и воропа Спаскія распворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распяіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмъ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: »во имя Боже идите на злого ерешика!« указалъ имъ дворець, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина. Пробужденный звукомъ набата⁵³⁹, Ажедимітрій въ удивленіи вспадаетъ съ ложа, спѣшивъ одѣвшись, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣщаютъ, что, въроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мшпежа. Сей Бояринъ, духа швердаго, могъ бытъ предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже спыдился измѣнить Самозванцу, и шцетно желавъ образумитъ, спасши легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ

его, куда она спремится? въ нѣсколько Г. 1606. голосовъ кричатъ: »веди насъ къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!« Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ шѣлохранишелямъ не пускать мятежниковъ, и въ опчаяніи прибѣжавъ къ Разспригъ, сказалъ ему: »Все кончилось! Москва бунтуетъ: хопяиъ головы швоей: спасайся! Ты мнѣ не въриль!« Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками; шребуя, чшобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, дашь опченъ въ своихъ беззаконіяхъ⁵⁴⁰: Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Ажедимітрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у шѣлохранишеля Шварцгофа, распворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: »я вамъ не Годуновъ!« Опшвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человекъ, и еще, во внушренныхъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ⁵⁴¹: иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ шопъ, кому на кануиъ повиновались миллионы! Но Ажедимітрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ шу минушу, когда на-

Г. 1606. родъ опбиваль двери, Басмановъ впоори-
чно вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ
полпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ лю-
дей Разспригиныхъ: Князей Голицыныхъ,
Михайла Салпыкова, спарыхъ и новыхъ
измѣнниковъ; хопѣлъ ихъ усовѣстити;
говорилъ объ ужасѣ бунша, вѣроломства
безначаліа; убѣждалъ ихъ одуматься; ру-
чался за милость Царя. Но ему не дали
говоришь много: Михайло Тапищевъ, имъ
спасенный опъ ссыдки, завопилъ: «зло-
дѣй! иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Ца-
ремъ»⁵⁴²! и ножемъ ударилъ его въ сер-
дце. Басмановъ испустилъ духъ, и мер-
швый былъ сброшенъ съ крыльца....
судьба достойная измѣнника и ревност-
наго слуги злодѣйства, но жалостная для
человѣка, который могъ и не захопѣлъ
быть честию Россіи!

Уже народъ вломился во дворець,
обезоружилъ шѣлохранипелей, искалъ
Разсприги и не находилъ: дополѣ смѣ-
лый и неустрашимый, Самозванецъ, въ
смяпненіи ужаса кинувъ свой мечъ, бѣгалъ
изъ комнапы въ комнапу, рвалъ на себѣ
волосы и не видя инаго спасенія, выско-
чилъ изъ палатъ въ окно на Житный
дворъ⁵⁴³ — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ
грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тупѣ

Гл-
бель
Васма-
цова.

узнали его Спрѣльцы, которые въ семь Г.
мѣспѣ были на стражѣ, и не учаспиво-
вали въ заговорѣ: они вѣлля Разспригу,
посадили на фундаментъ сломаняго двор-
ца Годуновскаго, опливали водою, изъ-
являли жалость⁵⁴⁴. Самозванецъ, омывал
шепюю кровію развалины Борисовыхъ
черпшговъ (гдѣ жило нѣкогда счаспие, и
шакже измѣнило своему любимцу), при-
шлъ въ себя: молилъ Спрѣльцевъ быти
ему вѣрными, обѣщаль имъ богатство и
чины. Уже спеклося вокругъ ихъ множе-
ство людей: хопѣли взять Разспригу;
но Спрѣльцы не выдавали его и пребо-
вали свидѣпельства Царицы - Инокини,
говоря: «если онъ сынъ ея, по мы ум-
ремъ за него; а если Царица скажетъ,
»что онъ Лжедимитрій, по воленъ въ
»немъ Бога»⁵⁴⁵. Сіе условіе было принято.
Мнимая мать Самозванцева, вызванная
Боярами изъ келліи, торжественно объ-
явила народу, что истинный Димитрій
скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что
она, какъ жена слабая, дѣспивіемъ угрозы
и лести была вовлечена въ грѣхъ безо-
вѣспной лжи: неизвѣспнаго ей человѣка
назвала сыномъ, раскалалась и молчала
опъ спраха, но шайно опкрывала исти-
ну многимъ людямъ⁵⁴⁶. Призвали и род-

1606.

Свидѣ-
ство
Цари-
цы
Ино-
кини.

Г. спвенниковъ ея, Нагихъ: они сказали по
 же, вмѣснѣ съ нею винася предъ Богомъ
 и Россіею. Чюобы еще болѣе удосновѣ-
 рить народъ, Марѳа показала ему изобра-
 женіе младенческаго лица Димитріева, ко-
 шорое у нее хранилось⁵⁴⁷ и ни мало не
 сходиловало съ чертами лица Разспри-
 гина: *изображеніе оныхъ лицъ*
 Тогда Спрѣльцы выдали обманщика,
 и Бояре велѣли нести его во дворець,
 гдѣ онъ увидѣлъ своихъ шѣлохранишелей
 подъ спражею: заплакалъ и прошянулъ
 къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за
 вѣрность⁵⁴⁸. Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ,
 Ливонскій Дворянинъ Фиршенбергъ, шѣ-
 енился сквозь толпу къ Самозванцу, и
 былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его
 умертвили; хотѣли умертвить и дру-
 гихъ шѣлохранишелей: но Бояре не велѣ-
 ди прогнать сихъ честныхъ слугъ — и
 въ комнашѣ, наюленной людьми воору-
 женными, спали допрашивають Лжедими-
 трія, покрышаго бѣднымъ рубищемъ:
 ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду
 Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи;
 слышали только, какъ увѣряютъ, что
 Разсприга, на вопросъ: «кипо ты, зло-
 дѣй?» отвѣчалъ: «вы знаете: я Димит-
 рій» — и ссыдался на Царицу-Инокиню;

Судъ
 до-
 просъ
 и
 казни
 Лже-
 дими-
 трія.

слышали, что Князь Иванъ Голицынъ⁵⁴⁹. Г.
 возразилъ: » ея свидѣтельство уже намъ
 »извѣстно: она предастъ тебя казни.«
 Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ:
 »несите меня на лобное мѣсто: тамъ
 »объявлю истину всѣмъ людямъ«⁵⁵⁰. Не-
 терпѣливый народъ ломился въ дверь,
 спрашивая, винился ли злодѣй? Ему ска-
 зали, что винился⁵⁵¹ — и два выспрѣла
 прекрашили допросъ вмѣснѣ съ жизнію
 Отрепьева (его убили Дворяне⁵⁵² Иванъ
 Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа
 бросилась перзать мертваго; сѣкли ме-
 чами, кололи прупъ бездушный и кину-
 ли съ крыльца на шѣло Басманова, вос-
 клицаа: »будыте неразлучны и въ адъ!
 »вы здѣсь любили другъ друга!« Яросп-
 ная чернь схватила, извлекла сіи нагіе
 прупы изъ Кремля и положила близъ
 лобнаго мѣста: Разспригу на споль, съ
 маскою, дудкою и вольникою, въ знакъ
 любви его къ скоморошесству и музыкѣ;
 а Басманова на скамь, у ногъ Разспри-
 гиныхъ⁵⁵³.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Ша-
 Лжедмитрія, Бояре спасли Марину. Изу-
 мленная превогою и шумомъ — не имѣвъ
 времени одѣться — спрашивая, что дѣ-
 лается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о

Г. смерти мужа, она въ безпамятствѣ вы-
 1606. бѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее,
 не узнавъ и сполкнулъ съ лѣсницы. Ма-
 рина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ
 была ея Польская Гофмейстерина съ Шля-
 хелками, и гдѣ усердный слуга (именемъ
 Осмульскій) споялъ въ дверяхъ съ обна-
 женною саблею: воины и граждане вло-
 мились, умертвили его, и Марина лиши-
 лась бы жизни или чести, если бы не
 приспѣли Болре, копорые выгнали не-
 исповыхъ, и взявъ, опечашавъ все до-
 сполніе бывшей Царицы, дали ей спра-
 жу для безопасности⁵⁵⁴; не могли одна-
 кожь или не хотѣли унять кровопроли-
 тія: убійства шолько начинались!

убій-
 ства. Еще при первомъ звукѣ набата вои-
 ны окружили дома Ляховъ, заградили
 улицы рогатками, завалили ворота; а
 Паны безопасно и крѣпко спали, такъ, что
 слуги едва могли разбудить ихъ — и са-
 маго Воеводу Сеномирскаго, копорый
 лучше многихъ видѣлъ опасность и пред-
 остерегалъ зяпя. Мишскъ, сынъ его,
 Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы,
 угадывая вину и цѣль мятежа, сѣвшили
 вооружить людей своихъ: иные пряпа-
 лись или въ оцѣпѣніи ждали, что бу-
 деть съ ними, и скоро услышали вопль:

«смерть Ляхамъ!» Пылая злобою, умер-
 пививъ въ Кремль музыканшовъ Разшири-
 1606. гиныхъ⁵⁵⁵, опустошивъ домъ Іезуитовъ,
 исперзавъ Духовника Маринина, служив-
 шаго Обѣдню, народъ успремился въ Ки-
 шай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки,
 и нѣсколько часовъ плавала въ крови ихъ,
 алчно наслаждаясь ужасною местию, про-
 пивною великодушію, если и заслужен-
 ною. Сила карала слабость, безъ жало-
 сти и безъ мужества: спно нападамо на
 одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни мо-
 ленія прогашельныя не спасали: Поляки
 не могли соединиться, будучи истреб-
 ляемы въ запертыхъ домахъ или на ули-
 цахъ, прегражденныхъ рогатками и копь-
 ями. Сии несчастные, на канунъ гордыи,
 лобызали ноги Россіянъ, требовали мило-
 сердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ
 невинныхъ жепъ и дѣшей; отдавали все,
 что имѣли — клялися прислаць и болѣе
 изъ опсчества⁵⁵⁶: ихъ не слушали и ру-
 били. Изсѣченные, обезображенные, полу-
 мертвые еще молили о бѣдныхъ остат-
 кахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ
 жестокихъ карателей находились Священ-
 ники и Монахи переодѣтые; они вопили:
 «убиите ненавистниковъ нашей Вѣры»⁵⁵⁷!
 Лилася и кровь Россіянъ: опчаяніе воо-

Г. ружало убиваемыхъ, и губители падали
1606. вмѣстѣ съ жертвами. Не иронувъ жилища
Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ при-
супалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя
Вишневецкаго, коихъ люди защищались и
спрѣяли въ толпы изъ оконъ: уже Мос-
квицыяне везли пушки, чшобы разбишь
ѣи дома въ щепы и не оставишь въ нихъ
ни одного челоувѣка живаго; но шупъ яви-
лись Бояре и велѣли прекратишь убій-
ства. Мспиславскій, Шуйскіе скакали изъ
Бояре улицы въ улицу, обуздывая, усмирля на-
уши- шна- юупъ мл- тежъ. родъ, и всюду разсылая Спрѣяльцевъ для
спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ чести-
нымъ словомъ Боярскимъ, чшо жизнь ихъ
уже въ безопасности. Самъ Князь Васи-
лій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишне-
вецкаго⁵⁵⁸, другіе Мнишка. Именемъ Госу-
дарспвенной Думы сказали Посламъ Си-
гизмундовымъ, чшо Лжедимириій, обма-
нувъ Липву и Россію, но скоро изобли-
чивъ себя дѣлами неисповыми, казенъ
Богомъ и народомъ, копорый въ самомъ
безпорядкѣ и смяшеніи уважилъ священ-
ный санъ мужей, предспавляющихъ ли-
це своего Монарха, и мспилъ единспвен-
но ихъ наглымъ единоемцамъ, пріѣхав-
шимъ злодѣйспвовавъ въ Россію⁵⁵⁹. Ска-
зали Воеводѣ Сендомирскому: »Судьба
»Царспвъ зависишь оупъ Всевышняго, и

»ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: Г.
»пкакъ въ сей день совершилась воля Бо 1606.
»жія: кончилось царспво бродяги, и добыча
»испоргнуца изъ рукъ хищника! Ты, его
»онекунъ и цаспавникъ — пы, копорый
»привель обманщика къ намъ, чшобы воз-
»мушишь Россію мирную — не достоинъ
»ли участи сего злодѣя? не достоинъ
»ли такой же казни? Но хвалися счасти-
»емъ: пы живъ, и будешь цѣль; дочь
»швол спасена — благодари Небо⁵⁶⁰! Ему
»позволили видѣшься съ Мариною во двор-
»цѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было
»знать, чшо они могли сказашь другъ
»другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сен-
»домирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь
»ряды мечей и копій, обагранныхъ кровію
»его соопечеспвенниковъ; но Москвицыяне
»смотрѣли на него уже болѣе съ любо-
»пытспвомъ, нежели съ яростію: побѣда
»укропила злобу.

Еще смяшеніе продолжалось нѣсколь-
ко времени; еще изъ слободъ городскихъ
и ближнихъ деревень спремилось множе-
ство людей съ дрекольемъ въ Мосъву на
звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе
Литовское, по уже безъ кровопролитія.
Бояре не сходили съ коней и повелѣвали
съ швердосію; дружины воинскія раз-
гоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ

Г. 1666. пльниковъ. Наконецъ, въ II часовъ утра⁵⁶¹, все зашихло. Велѣли народу смиришься, и народъ, упомянутый мяпежемъ, спѣшила домой, отдыхалъ и говоришь въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для нѣхъ, кошорые были свидѣтелями его ужасовъ: «въ печеніе семи часовъ», пишуть они, «мы не слышали ничего кромѣ набата, стрѣльбы, спуска мечей и крика: *стыки, руби злодѣевъ!* не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, скаканія, смертоубійства и мяпежа»⁵⁶². Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но значительнѣе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкошорыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, кошорые жили въ одной улицѣ съ Лягами⁵⁶³. Сей для человечества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглись, успѣди соединиться для опочаанной битвы и зажгли городъ⁵⁶⁴, къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда опъ

местни Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе. Г. 1666.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравляшь другъ друга съ извѣщеніемъ Россіи опъ Самозванца и Полковъ, хвалились своею доблестію и «не думали» (говоришь Лѣтописецъ) «благодарить Всевышняго: храмы были затворены»⁵⁶⁵! Радуюсь настоящему, не превозносились о будущемъ — и послѣ тако- бурнаго дня наспала ночь совершенно тихая⁵⁶⁶: казалось, что Москва вдругъ опустыла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чпобы удивляться сей мерзкой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ нѣмъ все кипѣло яростнымъ бунпомъ. Еще улицы дымилась кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наследника — опяппавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнецосцу угрожалъ претпеею!

Но въ семь безмолвіи бодрствовало Козни власнолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, успремляя алчный взоръ на до-

Г. бычу мяпежа и смершоубійства: на вѣ-
 1606. нець и скипетръ, обогрѣнные кровію
 двухъ послѣднихъ Царей. Легко было пред-
 видѣль, кпо возметъ сію добычу, си-
 лою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель
 Самозванца, чудесно спасенный опъ каз-
 ни и еще безспрашный въ новомъ усиліи
 низвергнуць его; виновникъ, Герой, Гла-
 ва народнаго возстанія, Князь опъ пле-
 мени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха,
 Александра Невскаго; впорый Болринъ
 мѣспомъ въ Думѣ, первый любовію Мо-
 сквишпая и достоинствами личными,
 Василій Шуйскій могъ ли еще осмашься
 проспыть царедворцемъ, и послѣ *такой*
 опваги, съ *такою* знаменитостію, на-
 чапъ новую службу лести предъ какимъ
 нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова
 не было между тогдашними Вельможами.
 Спарѣйшій изъ нихъ, Князь Федоръ Мспи-
 славскій, опличаясь добродушіемъ, чест-
 ностію, мужеспвомъ, еще болѣ оп-
 личался смиреніемъ или благоразуміемъ;
 не хопѣлъ слышашъ о Державномъ санѣ
 и говорилъ друзьямъ: «если меня избе-
 рупъ въ Цари, шо немедленно пойду въ
 »Монахи«⁵⁶⁷. Сказаніе нѣкоторыхъ чуже-
 земныхъ Испориковъ⁵⁶⁸, чпо Болринъ
 Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ

знатныхъ родспивениковъ и величалъ Г.
 своимъ происхожденіемъ опъ Гедмина 1606.
 Липовскаго, вмѣспъ съ Шуйскимъ искалъ
 коровы, едва ли достойно вѣроящія, бу-
 дучи несогласно съ извѣспіями очевид-
 цевъ. Сообщникъ Басманова, коего обна-
 женное пѣло въ сіи часы лежало на пло-
 щади, загладилъ ли измѣну измѣною,
 предавъ юнаго Феодора, предавъ и Лжеди-
 мипрія? Не равняесь ни сановипостію,
 ни заслугами, могъ ли равняпсь и чи-
 сломъ усердныхъ клеверповъ съ пѣмъ,
 кпо безъ имени Царя уже начальствоваль
 въ день рѣшипельный для опчестства,
 вель Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя
 силу, имѣя право, Шуйскій упопребилъ
 и всѣ возможныя хиппростіи: далъ на-
 ставленія друзьямъ и приверженникамъ,
 чпо говоритъ въ Синклипѣ и на Лоб-
 номъ мѣспѣ, какъ дѣйствовашъ и пра-
 вишь умами; самъ изгоповился, и въ слѣ-
 дующее упро, собравъ Думу⁵⁶⁹, произнесъ, Рѣчь
 какъ увѣряюпъ, рѣчь весьма умную и Шуй-
 лукавую: славилъ милоспъ Божію къ Рос-
 сіи, возвеличенной Самодержцами Варяж-
 скаго племени; славилъ особенно разумъ
 и завоеванія Іоанна IV, хопя и жестока-
 го; хвалился своею блестящею службою
 и важною государспвенною опытностію,
 Толъ XI
 15.

Г. 1606. пріобрѣтеннаго имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое власіполюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, кою которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. »Но мы,« говорилъ Шуйскій, »загладили сію слабость, когда настала часть умереть или спасти Россію. Жалѣю, что я, предупредивъ другихъ въ смѣлостяхъ, обязанъ жизни Самозванцу: онъ не имѣлъ права, но могъ умершвишь меня, и помиловалъ, какъ разбойникъ милуетъ иногда спранника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека въ неблагодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, честества, вооружилъ мою руку, когда я увидѣлъ въ васъ ревность къ великому подвигу. Дѣло наше есть правое, необходимое, святое; оно, къ несчастію, претрѣбовало крови: но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ — слѣдственно оно Ему угодно!... Теперь, избывъ злодѣя, еретика, чернокнижника, должны мы думать объ избраніи достойнаго Власителя. Уже нѣтъ племени Царскаго, но есть Россія: въ ней можемъ снова найтти угасшее на престолѣ. Мы должны

Г. 1606. искашь мужа знаменитаго родомъ, усерднаго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обычаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣдственно уже не юнаго — челоука, копорый, пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы не роскошь и пышность, но умеренность и правду, ограждалъ бы себя не копьями и крѣпостями, но любовью подданныхъ; не умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но избытокъ и довольствие народа считалъ бы собственнымъ богатствомъ. Вы скажете, что такого челоука найтти трудно: знаю; но добрый гражданинъ обязанъ желать совершенства, по крайней мѣрѣ возможнаго, въ Государь!»

Все знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно проповѣсть его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не лзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство⁵⁷⁰. Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ ширинія, и

Г. друзья его возражали, что время дорого; 1606. что Правительство безъ Царя какъ безъ душу; а столица въ смященіи; что надобно предупредить и всеобщее смященіе Россіи немедленнымъ врученіемъ скипидра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что итъ нужды въ совѣтѣ, когда все глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя. . . Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная площадь. Не все избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во впоромъ часу дня, звукъ лишавръ, пирубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вывели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и гражданае, госпи и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ опца Россіи. . . тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное пѣло Разстригино! Подобно Годунову изъясляя скромность, онъ хопѣлъ, чпобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипаспыря для Церкви, на мѣсто Лжесвяпителя Игнанія. Толпы восклицали: »Государь нужнѣе Патриар-

Изра-
не по-
ваго
Царя.

ха для опечества! « и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство⁵⁷¹. Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ обласпей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обешоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смященій, копорыя ожидали Шуйскаго на прееходѣ, къ новому стыду и бѣдствію опечества!

Въ день государственнаго шоржества едва успѣли очистить столицу опъ крови и пируповъ: вывезли, скоронили ихъ за городомъ⁵⁷². Трупъ Басманова опдали родспвенникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юности. Тѣло Самозванца, бывъ шри дни предметомъ любопытства и ругательства на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги⁵⁷³. Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища: и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокие морозы, вредные для садовъ и полей: суетвріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-

1606.

1606. Г. по ужасныя явленія надъ его могилою⁵⁷⁴:
 чпобы пресѣчь сію молву, шѣло мнима-
 го чародѣя вынули изъ земли, сожгли на
 Развѣ- Коплахъ, и смѣшавъ пепель съ порохомъ,
 лшіе выспрѣлили имъ изъ пушки, въ шу спо-
 Само- рону, откуда Самозванецъ пришелъ въ
 зван- Москву съ великолѣніемъ⁵⁷⁵! Въперъ раз-
 цева вѣялъ бранные оспашки злодѣя; но при-
 праха мѣръ оспался: увидимъ слѣдствія!

Дока- Описавъ испорію сего перваго Лже-
 затель- димітрія, должны ли мы еще увѣрять *вни-*
 ства, *мательныхъ* Чишпашелей въ его обманъ?
 цшо Лже- Не явна ли для нихъ истина сама собою
 димі- въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Толь-
 трій ко приспраспные иноземцы, ревностно
 быль дѣй- служивъ обманщику, ненавидя его испре-
 стви- бншелей и желая очернить ихъ, писали,
 шель- цшо въ Москвѣ убить дѣйствительный
 но обман- сыщъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь закон-
 щикъ ный, — хопя Россіяне, казнивъ и бродя-
 ду, не могли хвалипья своимъ дѣломъ,
 соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо
 свяпоспъ ея нужна для цѣлости граждан-
 скихъ обществъ, и вѣроломство еспъ
 всегда преступленіе. Не довольные укор-
 ризною справедливою, зложелатели Рос-
 сіи выдумали басню, украсили ее любо-
 пышными обстоятельствомъ, подкрѣпи-
 ли доводами благовидными, въ пищу умамъ

наклоннымъ къ историческому волюду- Г.
 ству, къ сомнѣнію въ несомнштельномъ, 1606.
 шакъ, чшо и въ наше время еспъ люди,
 для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ
 оспается еще нерѣшеннымъ. Можеть
 бытъ, представивъ въ главныя черпы
 истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе
 силы, если не для совершеннаго убѣжде-
 нія *встѣхъ* Чишпашелей, шо по крайней мѣ-
 рѣ для нашего общшвеннаго оправданія,
 чпобы они не укорали насъ слѣпою вѣ-
 рою къ принятому въ Россіи мнѣнію,
 основанному будшо бы на доказатель-
 ствахъ слабыхъ.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедими-
 тріевой памяти. Они рассказываютъ слѣ-
 дующее⁵⁷⁶: »Годуновъ, предпріавъ умерш-
 «вить Димітрія, за тайну объявилъ свое
 «намѣреніе Царевичу Медуку, старому
 «Нѣмцу, именемъ Симону, который, при-
 «творно давъ слово участвовашъ въ семъ
 «злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтнаго
 «Димітрія, имѣеть ли онъ сполько ду-
 «шевной силы, чпобы снести изгнаніе,
 «бѣдствіе и нищету, если Богу угодно
 «будеть искусить оными твердоспъ его?
 «Царевичъ опвѣспивоваль: *импю*; а Ме-
 «дикъ сказаль: *Въ сію ночь хотять тебя*
«умертвить. Ложась спать, обмѣняйся

Г. 1606. *«Блльемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ро-
ввесникомъ; положи его къ себѣ наложе,
и скройся за печь: что бы ни случилось
въ комнату, седи безмолвно, и яди меня.
Димитрій исполнилъ предписаніе. Въ пол-
ночь опворилась дверь: вошли два чело-
вѣка, зарѣзали слугу вмѣсто Царевича и
обѣжали. На разсвѣтъ увидѣли кровь и
мертвѣго: думали, что убишь Царевичъ,
и сказали о томъ мащери. Сдѣлалась пре-
вога. Царица кинулась на шрупу, и въ
опчаяніи не узнала, что сей мертвѣый
опрокъ не сынъ ея. Дворецъ наполнил-
ся людьми: искали убійць; рѣзали ви-
новныхъ и невиныхъ; опнесли шѣло
въ церковь, и всѣ разошлись. Дворецъ
опустилъ, и Медикъ въ сумерки вывелъ
опшуда Димитрія, чпобы спасшися бѣг-
ствомъ въ Украйну, къ Князю Ивану
Мстиславскому, который жилъ тамъ въ
всылкѣ еще со временъ Иоанновыхъ. Чрезъ
нѣсколько лѣтъ Докшоръ и Мстислав-
скій умерли, давъ совѣтъ Димитрію
искашь безопасности въ Липшѣ. Сей юно-
ша прислалъ къ спраншвующимъ Ино-
камъ; былъ съ ними въ Москвѣ, въ землѣ
Волошской⁵⁷⁷, и наконецъ явился въ до-
мъ Князя Вишневецкаго. «Извѣстно, что
и самъ Разсприга приписывалъ свое чу-*

Г. 1606. десное спасеніе Докшору⁵⁷⁸; но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году⁵⁷⁹, и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣпатели называютъ Медика спасителя Авгуспиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ⁵⁸⁰, и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго, (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына⁵⁸¹. Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семь случаевъ вѣроятно ли, чпобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко выдавъ Димитрія въ церкви⁵⁸², обманулись въ убійствѣ, коего шѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичъ убишь въ полдень: кѣмъ? злодѣями, которые жили во дворцѣ и не епускали глазъ съ несчастнаго младенца... и кпо предалъ его на убіеніе? мам-

Г. ка: опъ колыбели до могилы Димитрій
1606. былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи обстоя-
тельства ясно, несомнительно утвер-
ждены свидѣтельствомъ Лѣтописцевъ и
допросами цѣлаго Углича, сохраненными
въ нашемъ Государственномъ Архивѣ.

Если Разстрига не былъ самозванецъ,
то для чего же онъ, сѣвъ на престолъ,
не удовлетворилъ народному любопыт-
ству знать всѣ подробности его судьбы
чрезвычайной? для чего не объявилъ Рос-
сїи о мѣсцахъ своего убѣжища, о своихъ
воспитателяхъ и хранителяхъ въ пече-
ніе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ,
чтобы разрѣшить всякое сомнѣніе? Ни-
какою безопасностію невозможно изъ-
яснить столь важнаго упущенія. Мани-
фесты или грамоты Лжедимитріевы вне-
сены въ лѣтописи, и даже подлинники
ихъ цѣлы въ Архивахъ⁵⁸³: слѣдственно
нельзя съ вѣроятностію предположить,
чтобы именно любопытнѣйшую изъ сихъ
бумагъ испребило время. Бродяга молчалъ,
ибо не имѣлъ свидѣтельство *истинныхъ*,
и думалъ, что, признанный Царемъ, без-
опасно можеть не прудить себя вымы-
словъ *ложныхъ*. Въ Липвѣ говорилъ онъ,
что въ спасеніи его участвовали нѣко-
торыя Вельможи и Дѣлки Щелкаловы:

сїи Вельможи оспались безъ извѣстной Г.
награды и неизвѣстными для Россїи; а Ва- 1606.
силій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими
опальными Борисова царствованія, хоша
и снова явился у Двора, однакожь не въ
числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Раз-
стригу окружали не старые, вѣрные
слуги его юности, а только новые из-
мѣнники: опъ чего и палъ онъ съ ша-
кою легкостію!

Но Царица-Инокія Марѣя призна-
ла сына въ томъ, кто назывался Дими-
тріемъ? Она же признала его и само-
званцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, без-
молвнымъ, неопроверженным⁵⁸⁴, выражен-
нымъ для народа только слезами умиле-
нія и ласками къ Разстригѣ, невольная
Монахиня возвращала себѣ достоинство
Царицы; впрочемъ, торжественнымъ,
клятвеннымъ, въ случаѣ жи мать пре-
давала сына злой смерти: которое же
изъ двухъ достовѣрнѣе? и что помышле,
обыкновенная ли слабостъ человѣческая
или дѣйствіе ужасное, столь неесте-
ственное для горячности родительской?
Геройство знаменитой жены Лигурійской,
которая, скрывъ сына опъ ярости не-
пріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказа-
ла: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ

1606. Е. мукахъ, не объявивъ его убѣжища⁵⁸⁵ — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, шротаешь, но не изумляешь насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокія, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой!* И ей не грозили смертію за правду: грозили единственно судомъ Божиимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чпиль се какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Марѳа осуждала и себя на спыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и перзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоить всякое беззаконіе для сердца! — Замѣшимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неопшпуднымъ моленіемъ Царицы-Инокіи⁵⁸⁶, съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобрачаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умирало совѣсть винов-

ной Марѳы. Къ сему прибавимъ втроятое Г. сказаніе одного Писателя иноземнаго 1606. (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разсприта вельѣ было извергнушь шѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ шѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокія не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли опнпашъ у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу⁵⁸⁷.

Возражаютъ еще: » Король Сигизмундъ не взялъ бы столько живаго участія въ судьбѣ обманщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы дочери за бродягу; « но Король и Мнишекъ могли бытъ легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ спраспей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Каполика, взысканнаго его милоспію, а Воевода Сендомирскій видѣлъ дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣ правды. Король не дерзнулъ торжественно признаць Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего бо-

Г. гашепва надеждѣ величія, оставилъ буду-
 1606. щаго зятя, когда увидѣлъ сопротивле-
 ніе Россіянь. Сигизмундъ и Мнишскъ об-
 манулись, можетъ быть, не во мнѣніи
 о правахъ, но единственно во мнѣніи о
 счастіи или благоразуміи Самозванца, ду-
 мавъ, что онъ удержитъ на головѣ въ-
 нець, данный ему измѣною и заблуждені-
 емъ: для того Король спѣшилъ громо-
 гласно объявить себя виновникомъ Раз-
 спригина Державства, и Панъ Вельмож-
 ный былъ шестемъ Царя, хотя бы и
 племени Опрепьевыхъ. Похитителями въ
 ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не
 спраши мирскія, но только числая со-
 вѣсть и добродѣтель уединенная.

Убѣдительно ли и сужденіе ихъ
 друзей Лжедимитрія, которые говорятъ:
 «войско, Болре, Москва, не приняли бы
 его въ Цари безъ сильныхъ доказа-
 тельствъ, что онъ сынъ Іоанновъ»⁵⁸⁸?
 Но войско, Болре, Москва и свергнули
 его какъ уличеннаго самозванца: для че-
 го вѣрили имъ въ первомъ случаѣ и не
 вѣрили въ послѣднемъ? Въ обоихъ конеч-
 но дѣйствовало удостовѣреніе, основан-
 ное на доказательствахъ; но люди и на-
 роды всегда могли ошибаться, какъ сви-

дѣтельствуютъ Исторія . . . и самаго Г.
 Лжедимитрія. 1606.

Напомнимъ Чипашелямъ, что знаме-
 нитѣйшій изъ клеветниковъ и единствен-
 ный вѣрный другъ Разсприги въ бесѣ-
 дахъ искреннихъ не скрывалъ его само-
 званства: такое важное признаніе слы-
 шалъ и сообщилъ попомству Нѣмецкій
 Пасторъ Беръ, который любилъ, усерд-
 но славилъ Лжедимитрія, и клялъ Рос-
 сіянь за убіеніе Царя, хотя и не сына
 Іоаннова⁵⁸⁹. Сей же очевидецъ тогдаш-
 нихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не
 менѣе достопамятныя свидѣтельства
 истины:

1) » Голландскій Аптекарь Арендъ
 »Клаузендъ⁵⁹⁰, бывъ 40 лѣтъ въ Россіи,
 »служивъ Іоанну, Θεодору, Годунову, Са-
 »мозванцу, и лично знавъ, ежедневно ви-
 »давъ Димитрія во младенчествѣ, сказы-
 »валъ мнѣ упвердивельно, что мнимый
 »Царь Димитрій есть совсѣмъ другой че-
 »ловѣкъ, и не походилъ на истиннаго,
 »имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты ма-
 »шери, съ которою Самозванецъ ни мало
 »не сходствовалъ. — 2) Въ томъ же увѣ-
 »ряла меня Ливонская плѣнница, Дворян-
 »ка Тизенгаузенъ, освобожденная въ 1611
 »году, бывъ повивальною бабкою Царицы

Г. 1606. »Маріи, служивъ ей днемъ и ночью, не
 »полюбо въ Москвѣ, но и въ Угличѣ. —
 »непрестанно выдавъ Димитрія живаго,
 »видѣвъ и мерсваго. — 3) Скоро по убіе-
 »ніи Лжедимитрія выѣхалъ я изъ Мос-
 »квы въ Угличъ, и разговаривая шамъ съ
 »однимъ мастышымъ спарцемъ, бывшимъ
 »слугою! при дворѣ Маріи, заклиналъ его
 »объявить мнѣ истину о Царѣ убиномъ.
 »Онъ вспалъ, перекрестился и шакъ оп-
 »вѣспововалъ: *Москвитяне клялися ему*
»въ вѣрности и нарушили клятву: не
»хваляю ихъ. Убитъ человекъ разумный
и храбрый, но не сынъ Иоанновъ, дѣй-
»ствительно зарпзанный въ Угличѣ: я ви-
»дѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ
»мѣстѣ, гдѣ онъ всегда изривалъ. Богъ
»судія Князьямъ и Боярамъ нашимъ: вре-
»мя покажетъ, будемъ ли счастливые.»

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣ-
 тельствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, ко-
 торый былъ Посланникомъ въ Москвѣ
 отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично
 зналъ Самозванца и пишеть, что онъ ка-
 зался человекомъ дѣтѣ за тридцать⁵⁹¹;
 а Димитрій родился въ 1582 году, и
 слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе
 двадцати чепырехъ лѣтъ отъ рожденія.
 Однимъ словомъ, несомнительныя,

историческія и нравственныя доказапелельства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, Г. 1606.
 что мнимый Димитрій былъ самозванецъ.
 Но представляется другой вопросъ: кто
 же именно? дѣйствительно ли Разстрига
 Опрельевъ? Многіе иноземцы-совре-
 менники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣг-
 лый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣ-
 латься вдругъ мужественнымъ виляземъ,
 неуспрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всад-
 никомъ, и многіе считали его Полякомъ
 или Трансильванцемъ, незаконнымъ сы-
 номъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезу-
 иповъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкопору-
 хыхъ знапныхъ Ляховъ⁵⁹², и прибавляя,
 что онъ не чисто говорилъ языкомъ
 Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое,
 когда современныя донесенія Іезуитовъ къ
 ихъ начальству свидѣльствуютъ, что
 они узнали его въ Липвѣ уже подъ име-
 немъ Димитрія, и не Каполикомъ, а сы-
 номъ Греческой Церкви⁵⁹³. Никто изъ
 Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ
 знаніемъ языка нашего, коимъ онъ вла-
 дѣлъ совершенно, говорилъ правильно,
 писалъ съ легкостію⁵⁹⁴, и не уступалъ
 никакому Дьяку погдашняго времени въ
 красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣ-
 сколько подписей Самозванцевыхъ⁵⁹⁵, ви-
 15*

Г. димъ въ Лапинскихъ слабую, невѣрную
 1606. руку ученика, а въ Русскихъ швердую,
 масперскую, кудрявый почеркъ грамо-
 тѣя Приказнаго, каковъ былъ Ошрепъ-
 евъ, книжникъ Паптіаршій. Возраженіе,
 что келміи не производящъ выпазей, уни-
 чпожаеяся исторіею его юности: одѣ-
 ваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизни
 смѣлаго дикаря, скипаясь изъ пустыни
 въ пустыню, учась безстрашію, не бо-
 лась въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни
 разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ раз-
 бойникомъ подъ хоругвию Козаковъ Днѣ-
 провскихъ? Если нѣкопорые изъ людей,
 ослабленныя личнымъ къ нему приспра-
 сніемъ, находили въ Лжедимишрїи ка-
 кое-то *великіе*³⁹⁶, необыкновенное для чело-
 вѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи,
 то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдате-
 ли видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣ-
 лой подлости, не изглаженные ни обо-
 жденіемъ съ знашными Ляхами, ни сча-
 стіемъ нравилься Мнишковой дочери. Съ
 умомъ ешественнымъ, легкимъ, живымъ
 и быспрымъ, даромъ слова, знаніями
 школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую
 дерзость, силу души и воли, Самозванецъ
 былъ однакожь худымъ лицедѣемъ на
 прешолѣ, не только безъ основатель-

ныхъ свѣдѣній въ государешвенной наукѣ, Г.
 но и безъ всякой сановитости благород- 1606.
 ной: сѣвозъ великолѣніе Державства про-
 глядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили
 объ немъ и Поляки безпристрашныя³⁹⁷.
 —Доселѣ мы могли запрудняшья однимъ
 важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный
 въ Европѣ Капитанъ Маржерешъ, усерд-
 но служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ
 людей и пронешеспівія собственными
 глазами, увѣрялъ Генрика IV, знамени-
 таго Испорика де-Ту и чинашелей сво-
 ей книги о Московской Державѣ, что
 Григорій Ошрепьевъ былъ не Лжедими-
 шрїи, а совсѣмъ другой человекъ, кото-
 рый съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ
 Липву, и съ нимъ же возврапился въ
 Россію, велъ себя непристойно, пьян-
 ствовалъ, употреблялъ во зло благо-
 склонность его, и сосланный имъ за по-
 въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаре-
 нія Шуйскаго³⁹⁸. Нынѣ, опыскавъ новыя
 современныя преданія историческія, изъ-
 ясняемъ Маржерешово сказаніе обманомъ
 Монаха Леонида, который назвался име-
 немъ Ошрепьева для увѣренія Россіянъ,
 что Самозванецъ не Ошрепьевъ³⁹⁹. Царь
 Годуновъ имѣлъ способы опкрышь испи-
 ну: пысячи лазупчиковъ ревностно слу-

Г. жили ему не только въ Россіи, но и въ
 1606. Липств⁶⁰⁰, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, что бы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимипрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимипрія, живаго, мертваго, и все еще упвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ⁶⁰¹; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ попомствѣ до нашего времени.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

Конецъ XI Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ XI ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. грамоту Юва Паітріарха къ Гермогену, Митрополиту Казанскому (въ Арх. Кол. Ин. Дѣл., между историческими дѣлами г. 1598, No. 1), также Мнх. Шля Relation 458, и Борисову Избират. Грамоту, въ Рос. Вислѣд. VII, 83.

(2) См. рукоп. Избир. Грамоту.

(3) Тамъ же.

(4) Тамъ же.

(5) Сія присяга сохранилась въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣл.

См. грамоты Юва къ Гермогену и Избирательную Грамоту.

(6) См. Грам. Избирательную.

(7) Тамъ же.

(8) Тамъ же, стр. 95, 97.

(9) Тамъ же, стр. 100 — 102, и Шля Relation 458, 459.

(10) К. Нв. Солнцева-Засѣкина: см. Архив. Розряд. Книгу, л. 831, Степен. Кн. Лашухина, Берову Chron. Muscov., Маржерета 25.

(11) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 852, 833, 856, 837.

(12) См. Архив. Розряд. Кн. л. 842.

(13) Тамъ же, л. 845.

(14) Маржеретъ и Беръ.

(15) См. Архив. Розрядн. Кн. 850.

(16) Маржеретъ, 62.

(17) См. Розрядн. Кн.

(18) Розрядн. Кн. 846, 847. См. также и *Никол. Лѣт.* 58.

(19) Розрядн. Кн. 848. См. также Бера.

Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 г. означена грамота Казы-Гиреева, писанная съ Мурзою Алеемъ.

(20) См. Chron. Пепрелъ 270, Бера, и Степ. Кн. Лашухина.

Томъ XI.

О движеніи войска къ границѣ Липов. и Шведской см. Архив. Розрядн. Кн. 855.

(21) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я сію крапкую похвалу и вострыгую рѣчь Царю Борису. См. Пепрел 271.

(22) См. Избират. Грам. 110, 111. Въ печатиюй находимъ только подлинн Духовенства, а въ рукописной и Духовенства и всѣхъ государственныхъ чиновниковъ.

(23) См. *Исторію* современника, знаменитаго Келаря Троицкой Лавры, Аврамія Палицына; также Лашух. Степен. Кн. и Хронографы.

(24) См. Бера и Пепрел 271. Сей объѣздъ, говорятъ они, далъ Борисъ на пяль лѣтъ.

(25) Въ Архивскихъ Сибирскихъ бумагахъ 1600 г. Уразъ-Магметъ уже называется *Царемъ*. О пожалованіи въ Болре и проч. см. Списокъ въ *Рос. Вѣстн.* XX, 70. Сашъ Околыничихъ былъ данъ Годуновымъ Семени Никипичу, Степану Степановичу, Матвѣю Михайловичу, Никитѣ Васильевичу.

(26) См. Степен. Кн. Лашухина.

(27) См. Шилеву Relation 462 и въ *Сибирск. Исторіи* Миллера, стр. 347, указъ Борисовъ 25 Июнѣ 1600 о невзиманіи ясащной подати съ Сибирскихъ народовъ. Въ Дѣлахъ Австрійскихъ, Крымскихъ и другихъ сего времени также упоминается о милостяхъ Царскихъ: о двойномъ жалованьи, о льготѣ данной купечеству и проч.

(28) См. Шилев. Relation 462. Сей любопытный указъ до насъ не дошелъ. Шиль пишетъ, что господи при другихъ Великихъ Князьяхъ сиптали земледельцевъ своими рабами: по естѣ, обходились съ ними какъ съ рабами, хощя законъ и давалъ крестьянамъ свободу переходить отъ владѣльца къ владѣльцу.

(29) См. Т. X, стран. 23.

(30) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ *Отписки* горо-

да *Таръ Воеводъ Кузмина и Воеикова къ Царю* въ Септ. 1598.

(31) Тамъ же.

(32) См. Сибирскія лѣтописи, Ремезовскую и Саввы Есипова, и Мил. Сибир. Исп. 305 — 307.

(33) См. Шилеву Relation въ Вихман. Sammlung, стр. 432.

(34) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумаги о пріѣздѣ въ Москву семейства Кучюмова, г. 1598 — 1600, No 2. Тамъ означены имена и лѣта Царевичей; старшему было 23 года, а младшему только годъ.

(35) См. Миллер. *Сибирск. Исторію* 329 — 392.

(36) См. Розрядн. Книги и Крымскія Дѣла сего времени.

(37) См. Т. X, 199, и Далина глав. XV, 22, 23.

(38) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Д. *выписку о пріѣздѣ Королевича Густава*.

(39) См. Царской наказъ Клаусу, посланному изъ Москвы въ Дерптъ и въ Ригу (30 Ноября 1599).

(40) См. Далина глав. XV, 22.

(41) См. въ Архивѣ Кол. И. Д., между историческими бумагами 1599 г. грамоты жалованныя Москов. Нѣмецкимъ гостямъ и присягу ихъ. См. также Chron. Бера и Пепрел 272.

(42) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. наказъ данный Клаусу для склоненія гражданъ Рижскихъ къ Рос. подданству; — Царскія грамоты къ Воеводамъ въ Ивановгородъ и Псковъ, и грамоту Гуспава къ Правителю Шведскому Карлу.

(43) См. Пепрел Chron. 277.

(44) См. Chron. Бера и Пепрел 274. Маржеретъ пишетъ, что Густавъ могъ имѣть съ Углича 4000 рублей дохода.

(45) См. въ Архивѣ *выписку о пріѣздѣ Густава*, г. 1601. Царь велѣлъ опослать къ нему кушачье на домъ.

(46) См. Chron. Бера, который самъ погребалъ Густава, не въ монастырь Димитрія Солунскаго,

какъ, онъ пишетъ, а развѣ близъ сего монастыря, или въ ограды его: см. Chron. Петра 276.

(47) См. Дѣла Польск. No. 24, л. 80.

(48) Тамъ же, л. 80.

(49) Тамъ же, л. 3, 98.

(50) Дѣла Польск. No. 25, л. 147. О Владиславѣ No 24, л. 178.

(51) См. въ Архивѣ грамоту Швед. Фельдмаршала Авседа Ришнга опъ 13 Ноября 1599) къ Воеводѣ Кожорскому, К. Г. Звенигородскому, также грамоты Герцога Карла къ Борису.

(52) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. меморіаль Швед. Пословъ Гендрихсона съ товарищи.

(53) См. памъ жс. — Въ нашихъ Розрядн. Книгахъ 1601 г. уже даются Герцогу имя Короля Шведскаго, принятое имъ шольдъ въ 1604 году.

(54) См. Архив. Переписн. Книгу 1614 г. и Шлегел. Leben Christ. IV., опр. 301.

(55) См. Датскія Архивскія извѣстія въ Бишинг. Histor. Magaz. VII, 317—319.

(56) Сіе преданіе узнали отъ Лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году К. Звенигородскій и Васильчиковъ: см. Т. X, спраи. 219. О крещеніи Лапландцевъ см. Т. VII, спраи. 215.

(57) См. Маллена Hist. de Danem. кп. X, г. 1601.

(58) Въ львонписи сказано (см. Никон. Лѣт. VIII, 49), что Царь посылалъ сванкомъ въ Данію Дьяка Адамъ Власьева.

(59) Сіе условіе памъ извѣстно по письму Іоанна, Герцога Шлезвигскаго, къ Королю Христіану: см. ниже, примѣч. 77.

(60) См. въ Архивѣ, между Датскими Дѣлами, оппнски Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Іоаннѣ; также въ Бишинг. Magaz. VIII, 257. Описаніе Іоаннова путешествія, пребыванія въ Москвѣ, болѣзни и смерти его, напечатанное въ Магдебургѣ въ 1690 году. Въ Архивѣ Кол. И. Д. есть Переводъ изъ негатапныхъ плинги о полученныхъ отъ Царя Бориса Оед. Дацикиль Королевствѣ Яганомъ дорожихъ дарахъ: это совре-

менный переводъ изъ сего Описанія, изданнаго по во-
ль Короля Христіана.

(61) См. Никон. Лѣт. и Musskowitz. Reise въ Бишингъ 264.

(62) Тамъ же, 268.

(63) См. Написаніе о Царѣхъ Московскихъ (въ Русск. Достопамятн. I, 174) и Musskowitz. Reise, 270. Шлегелъ (Leben Christ. 314) пишетъ о помолвкѣ (Verlobung) въ тотъ же день; но обрученія не было, когда женихъ уѣхалъ не выдавъ Ксепи.

(64) См. Musskowitz. Reise 270. Авторъ говоритъ, что карета Теодорова походила на Нѣмецкія, вислягил, hängenden; что верхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шипками; что въ каретѣ Царицыной могли сидѣть при человекѣ рядомъ; что шляпы Боларынь украшались золотыми пуговцами и кистями, вислящими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые.

(65) См. Архивскую бумагу о дарахъ (выше примѣч. 60.)

(66) См. Степен. Кн. Лапухина.

(67) См. Розрядн. Кн.

(68) См. Musskowitz. Reise 272.

(69) См. памъ же 272—277.

Въ 1614 г. еще хранилась въ нашемъ Архивѣ свляка челобитныхъ Дацикаго Королевича Ягана и Дворянъ его къ Царю Борису о вслякахъ дльлахъ.

(70) См. Никон. Лѣт.

(71) Чрезъ Боларина Салтыкова и Дьяка Власьева, копорые вхали съ Іоанномъ отъ Наровы до Москвы (см. выше).

(72) См. Musskow. Reise.

(73) См. Дѣла Крымскія.

(74) См. Chron. Бера.

(75) См. Шлегеля Leben Chr. 315 и Chron. Бера.

(76) 7. Ноября, п. е. черезъ 10 дней по Іоанновой смерти, Борисъ принялъ гонца Ханскаго.

(77) См. бумаги Копенг. Архива, напечатанныя въ Бишинг. Hist. Magaz. VII, 321. Герцогъ Шлезвигскій,

Иоаннъ, опть 6 Марша 1605 собственноручно писалъ къ Христіану изъ Зондербурга, что около того времени, какъ Гамбургъ присягнулъ ему (Королю) въ подданствѣ (въ 1603 г.), началось дѣло о сватовствѣ между ими и Царемъ Московскимъ; что Рос. Послы (Салтыковъ и Думный Дьякъ Аванасій Власевъ?) предлагали сыну его, Фридеріку, жениться на Царевнѣ Ксении, а послѣ Альбершу, но что Иоаннъ убѣждалъ ихъ выбрать въ женихи прерпяго сына его, Филиппа, которъй, подобно *Христіанову брату*, умершему женихомъ въ Москвѣ, охотно переселился въ Россію, гдѣ назначается *Удѣль* (mit Land und Leuten) для Ксении супруга; что Послы изъявили согласіе, но что съ того времени не было уже никакихъ вѣстей опть Царя; что Иоаннъ молилъ Короля способствовать успѣху сего важнаго дѣла, скорѣе отпратить въ Москву надежнаго Посла, и проч. Но Борисъ въ 1605 году уже не могъ думать о сватовствѣ!

Въ Архив. Переп. Книгъ 1614 г. упоминается еще о Датскихъ Посланикахъ въ Москвѣ около 1603 года.

(78) См. въ Дѣл. Цес. Двора Спашейный. Списокъ Дѣла Аванасія Власева.

(79) См. Т. X, 113.

(80) См. донесеніе Власева.

(81) См. Дѣла Крымскія сего времени.

(82) См. Дѣла Грузинскіе 1604 года.

Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ, что Борисъ послалъ къ Императору соболей и черныхъ лисицъ на нѣсколько тысячъ рублей, и будно бы обаялся дать ему 10,000 воиновъ въ помощь.

Австрійскія дѣла Борисова времени сожжены Поляками во время междоцарствія, а другія сгорѣли въ Московскій ужасный пожаръ 1626 года. Въ Архив. Перечисной Книгъ 1614 года упоминается о грамотахъ Рудольфовыхъ къ Царю, привезенныхъ гонцемъ Мпхайломъ *Шелемъ* (или Шилемъ) въ 1599 и 1601 годахъ, Посланикомъ Николаемъ *Варколемъ* въ 1599,

гонцемъ *Бальциремъ* въ 1603. Тамъ же упоминается о вторичномъ Посольствѣ Аванасія Власева къ Императору около 1604 года. Въ письмахъ Рудольфовыхъ, которыя еще сохранились въ Архивѣ, именованы Посланики Австрійскіе Мих. Шель, Стефанъ *Какусъ* и Посоль Баронъ *Логанъ*: первый былъ въ Москвѣ зимою 1601, вторъй осенью 1602, а третій въ 1604 году.

Шиль (въ Нѣмецк. бумагахъ *Schiele*) еще и въ Септ. 1598 года пріѣзжалъ въ Москву съ Императорскою грамотою, въ коей Рудольфъ поздравлялъ Бориса съ восшествіемъ на престолъ.

(83) Шиль и Какусъ. Императоръ писалъ къ Борису, чтобы онъ дозволилъ имъ ѣхать изъ Москвы въ Персію (см. въ Архивѣ Рудольфовы грамоты 1600 и 1602 года).

(84) См. отписку къ Царю изъ Коломоръ опть 12 Авг. 1600 (въ Англ. Дѣлахъ). Опть Шаха Аббаса въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Посоль Перхулы-Бекъ, съ конемъ (въ Септябрѣ) отпратившись въ Персію Намѣстникъ Шацкій К. Александръ Фед. Засѣкинъ, Дворянинъ *Темиръ* Вас. Засѣцкій и Дьякъ Ив. Шарановъ, имѣя для заключенія союза примѣрную грамоту такого содержанія: » Быть Царю и Шаху на всѣхъ недруговъ за-одно; Посламъ и купцамъ здѣсь свободно изъ Россіи въ Персію, изъ Персіи въ Россію; не вводитъ новыхъ торговыхъ пошлинъ, и проч. Царь и Царевичъ послали въ даръ Аббасу scarлатныя однорядки съ кружевомъ, нѣсколько кречетовъ, соболей, черныхъ лисицъ, 7 коппей рыбаго зубу, панцырь, 2 самопала, порошницу Нѣмецкую съ наводомъ, боевые часы, да по желанію Шахову медвѣдя-гонца, двухъ собакъ борзыхъ и двухъ *Медленскихъ* (Миланскихъ), 200 ведръ вина (изъ Казани), два куба винные съ ширубами, крышками и тѣганами. Сіе Посольство возвратилось въ 1603 году.

(85) См. Дѣла Цесар. Двора г. 1604.

(86) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ Грузинск. По-

словъ, Князя Сулеймана и Дьяка Леона въ Маршь 1599. Въ Июль сего года возвратились въ Москву изъ Грузіи Посланики Козма Савишъ и Андрей Подухановъ, опираемые еще въ 1596 году.

(87) См. Т. X. стран. 216. Иванъ Аван. Нащокнишъ и Подъячій Леопишевъ опираемы въ Июль 1601.

(88) См. въ бумагахъ Посла Александра, Архимандрита Кирилла, пріѣхавшаго въ исходѣ 1603 года, вмѣстѣ съ Нащокнишымъ и Леопишевымъ.

(89) Нащокнишъ, не доѣхавъ до Москвы, умеръ. Леопишева посадили въ темницу. Они сердились на Александра за худое угощеніе и за дары скудные.

(90) См. бумаги Посла Кирилла.

(91) См. Спашейшой Списокъ Тапищева.

(92) См. тамъ же: Тапищевъ взялъ новую присягу съ Юрія и народа въ Генв. 1605.

(93) См. Т. X, стран. 214. Александръ съ Константиномъ пріѣхали въ Загемъ 8 Марша 1605; черезъ 4 дни убили первого.

(94) См. донесеніе Тапищева.

(95) См. выше, стран. 58. О Тамари см. Т. III, стр. 157.

(96) Въ такомъ смыслѣ сносился Юашишъ и Оседоръ съ Султаномъ.

(97) Терская крѣпость была построена на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья рѣки Терека (см. Больш. Чертежъ 98), и называлась *Тероки.иъ. городомъ* или *городомъ на Терь.*

(98) См. Спешей. Кн. Машукина, гдѣ всѣ главныя обстоятельства описаны согласно съ донесеніемъ Тапищева, и лучше. См. также. *Ник. Лют.*

(99) Тапищевъ возвратился въ Москву 5 Ноября 1605, уже при Имперіи Самозванцѣ.

(100) См. въ Архивѣ бумаги объ отпускѣ госня Англ. *Фрэнсиска Черча* (Francis Chery) въ Дек. 1598.

(101) См. Спашейшой Списокъ Посла Григорья Микуллина и Подъячяго Дв. Заповьева, л. 4.

(102) См. тамъ же.

(103) См. письмо Елисаветы отъ 16 Мая: Микуллинъ возвратился въ Іюль 1601.

(104) Ли (Lee, а не Lea) пріѣхалъ въ концѣ 1600, а выѣхалъ въ Апр. 1601. См. въ Архивѣ бумаги Лиева Посольства. Елисавета писала еще къ Борису съ Персѣемъ и съ другими кунцами. Между бумагами Брит. Музея, присланными къ Гр. Н. П. Руминцову, есть письмо Борисово, въ Англійскомъ переводѣ, къ Елисаветѣ, писанное въ Апрель. 1603 года, о невѣстѣ, ея предложенной. Борисъ хотѣлъ знать, происходить ли невѣста отъ одного рода съ Елисаветиною, или отъ какого иного Эрцгерцога или Герцога.

(105) Іаковъ еще до востанія своего на престолѣ Англій хотѣлъ бытъ въ сношеніи съ Россією. См. бумаги Микуллина.

(106) См. въ Архивѣ бумаги Сминова Посольства. Въ Мильтон. History of Moscovia сказано, что Борисъ, отпустивъ Сминова, послалъ ему на домъ въ объѣду 300 блюдъ рыбы (ибо день былъ постный) удивительной величины и чрезвычайно вкусной.

(107) См. Hansische Chronik III, 122, въ Мил. Samml. V, 164, и въ нашемъ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ *Любскихъ и ильскъ поморскихъ волынскихъ городовъ Пословъ.*

(108) См. Архив. Дѣла. Такъ и въ Hans. Chron. III, 171.

(109) См. Архивъ г. 1604 — 1605 описки изъ Коломгоръ о приходѣ иноземныхъ кораблей.

(110) См. *Нижой. Лют. VIII, 48, Розриди.* Книжки и въ Архивѣ Кол. Н. Д. грамоту Рудольфову къ Борису отъ 2 Іюня 1601, о пропускѣ въ Персію чрезъ Россію Панскихъ Пунціевъ, Ф. Косшы и Д. Миранда.

(111) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ въ Москву сего Флорент. чиновника. Въ 1600 г. Борисъ послалъ какого-то Беренжа Хенера во Флоренцію моремъ, черезъ Архангельскъ и Голландію: онъ былъ у Герцога Тосканскаго и сказалъ ему, что Борисъ же-

дасть имѣть у себя искусныхъ Медиковъ и всякихъ мудрыхъ ремесленниковъ (см. тамъ же).

(112) См. Дѣла Цесар. Двора г. 1604.

(113) См. грамоту 8 Февр. 1603. Бумаги о прїѣздѣ къ намъ Греческихъ Священителей, Архимандритовъ, Спарцевъ, — грамоту Иерусалим. Патриарха Софронія, поздравительную съ избраніемъ Бориса на Рос. Царство, и другія. Въ 1604 г. выѣхалъ къ намъ знатный Грекъ Христофоръ Аркадонскій, чтобы служить Царю. Между Австр. грамотами есть одна (опшъ 8 Авг. 1603), въ коей Имп. Рудольфъ проситъ Бориса быть милосивымъ къ Терновскому (Болгарскому) Архіепископу Діонисію Палеологу, котораго вѣхалъ въ Россію.

(114) См. *Никон. Лѣт. VIII, 40.*

(115) См. въ Архивъ Дѣла Ногайск. г. 1601 — 1604.

(116) См. Ногайск. Дѣла г. 1604; см. также, для сравненія, Т. VII, стран. 260. Ногаи и въ Василіево время раздѣлялись на три улуса: имя *Шидака* есть безъ сомнѣнія одно съ *Шейдяковъльмъ*, о коемъ упоминается въ Ногайск. бумагахъ 1604 г.; а Князь, названный въ запискахъ Герберштейна *Кочулольмъ*, не есть ли *Казый*?

(117) См. *Собр. Государств. Грамотъ II, 153.*

(118) См. Т. X, стран. 231.

(119) См. Указъ Царя Василія Шуйскаго 1607 года, Т. X. въ примѣч. 347, и въ *Судебн.* Татищева стран. 241.

(120) См. *Судебникъ Татищева 222.*

Царь дозволилъ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ господъ переходить къ мелкопомѣстнымъ, а не къ богатымъ владѣльцамъ, которые легко могли сманивать къ себѣ работниковъ отъ владѣльцевъ пензбыпочныхъ. Сіе узаконеніе о крестьянахъ не имѣетъ отношенія къ голоду Борисова времени: ибо въ 1601 г. онъ еще не былъ силенъ (см. *Исторію Келаря Палицына*, стр. 9), и земледѣльцы засѣяли свои поля.

(121) См. *Судебн. Татищева 224.* Шуйскій въ своемъ

Указѣ, испиномъ или подложномъ (см. Т. X, примѣч. 347), говоришь только: » Борисъ Фед., видя въ народѣ волненіе велие, пѣ книги (крѣпосныя) оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, чпо судьи не знали, какъ потому суды вершили, и *нѣмъ* » (уже послѣ Годунова?) » великія въ томъ учинились распри, » и проч.

(122) См. Т. VI, стран. 423, и Т. IX, примѣч. 754.

(123) Флемперъ 44.

(124) См. Бера и наши Хронографы, также Аврамія Палицына.

(125) См. въ Архивъ Кол. И. Д. письмо Лиценціаша Правъ, Товиъ Лошціуса, къ Царю Борису, изъ Гамбурга, опшъ 24 Сент. 1601.

(126) См. Бера; также въ Архивъ Кол. И. Д. бумаги Любскія и Англійскія 1600, 1602 и 1606 г.

(127) См. Спашени. Сисокъ Г. Микулина, л. 40.

(128) См. Бера, *Muskow. Chron.*

(129) См. Т. X, примѣч. 461, и Бера *Muskow. Chron.*

(130) Подъ заглавіемъ: *Constantini Fiedleri oratio loculenta in Borissum Godunowium. Regiomonti 1602.* Переведена на Русской С. Вороповымъ и напечатана въ 1773 году.

(131) См. Мильмонов. *Hist. of Moscovia 53.*

(132) Hessel Gerard: см. *Blaenwisch. Atlas, T. I, и Готфрид. Archontol. Cosm.* въ надписи: *Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Focdor, filius Tzaris Boris, desumta* и проч.

(133) На примѣръ, изъ уваженія къ ходатайству Царевича Борисъ заключилъ перемиріе съ Ливвою (см. выше, стран. 36).

(134) См. Современниковъ, Авр. Палицына, стран. 7, и Маржерета 93: см. также о похвальныхъ качествахъ и дѣлахъ Борисовыхъ въ *The Russian Impostor*, стр. 13, исторіи основанной на современныхъ извѣстіяхъ.

(135) Маржеретъ 111.

(136) Палицынъ, стр. 7.

(137) См. Маржеретъ 93.

(138) Въ Хронографахъ : « Сосстави (Годуновъ) о себѣ къ Богу молитву мудрыми слагатели, и написа и предасть, сже на прапсазахъ и вечерлхъ за чашами о немъ и родъ его молиши Бога сице : Отца безначальна и Сына соприисущна . . . Иже отъ Св. Духа воплощенъ . . . сущіи днесь въ полатѣ сей молилъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи и о побѣдѣ на враги Божиему служъ, великому, благочестивому, и Богомъ избранному, и Богомъ почитаемому и превознесенному . . . Государю Царю Борису Феодоровичу, самодержащему скипетры на всей Восточной странѣ и на Сѣверѣ . . . и его Царск. пресвѣтлаго Величества Царицѣ и ихъ благороднымъ чадомъ . . . и христіолобивоуму ихъ воинству . . . и о ширинѣ всему православному Христіанству . . . И на помятѣ убо и чашу сію Царскую воздвигнули, и повѣляли естемъ мнѣ (гостию хозяину) грѣшному предпоставити въ руки ваша . . . Дай Богъ, Государь нашъ и В. К. Борисъ Ф., единый подсолнечный Христіанскій Царь . . . и его Царица . . . и ихъ Царскія Дѣти . . . на многія лѣта здравы были и счастливы, и недругомъ своимъ страшны, чтобъ все великіе Государя приносили достойную почесть Его Величеству . . . и имя славилось отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конца вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его Царствемъ къ прибавленію . . . чинобы тѣ великіе Государя Его Царск. Величеству послушавны были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посвященія меча его все справы шрѣщали . . . чинобы его прекрасно-цвѣтущія, мадо-умножаемыя въши Царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Рос. Царствія были навѣки и некончаемыя въки, безъ уриву; а на насъ бы, рабъхъ его, отъ пущины премудраго его разума и обычал и милосердаго права неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежнего . . . Къ зоряскому чину призрѣніе и храбкое успросіе, и много милости бѣднымъ и

вдовымъ и сиротамъ, и всемъ благое покровеніе и крѣпкое защищеніе, а виннымъ пощада и долгоперевіе, и проч.

(139) См. выше, сшран. 4.

(140) См. Т. X, сшран. 8.

(141) См. *Никон. Лѣт.*, Лашухин. С. К., и Розрядн. Кн. г. 1600.

(142) См. Бера Chron. Muscovit.

(143) Палицынъ. См. также *Никон. Лѣт.* и Лашухин. С. К.

(144) Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Ромаповой сице до опалы ея ближнихъ: потому Ирина и не была сослана вмѣстѣ съ шими.

(145) См. Бера и Петрел, 265.

(146) Палицынъ, сшран. 7, Боляре, угождая Царю, старался всячески чернить Романовыхъ, см. Розрядн. Книгу 1598 года.

(147) Сей рабъ назывался Воико: см. Ростов. Лѣт., *Никон.* 41 — 45 и Лашухин. С. К.

(148) Баршенева втораго.

(149) См. *Никон. Лѣт.*

(150) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ. Сійскій монастырь въ Архангельской Епархіи. Историки наши долго спорили о родѣ супруги Феодора Никитича: Миллеръ считалъ ее Княжною Спскою, а К. Щербатовъ Княжною Шестуною: она была просно Шестова, какъ означено въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ.

(151) Княгиня Черкасская называлась Мареою (Никитишною); съ нею сослали на Белоозеро сестру ея Анастасію и семейство брата, Александра Никитича. Жену К. Ив. Сицкаго, также сестру Романовыхъ, Евфимію, назвали въ Инокіяхъ Евдонію.

(152) См. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(153) Тамъ же, въ донесеніи Пристава Богдана Воейкова, изъ Сійскаго монастыря отъ 25 Ноября 1602.

(154) См. *Никон. Лѣт.*

(155) См. въ *Географ. Словарь Р. Г.* спашью *Ныробъ*; а Г. Берхъ сообщил мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской Губерніи:
 » Въ Ныробѣ еще не давно умеръ столѣтній спарець, крестьянинъ Максимъ Денисовъ Повомарецъ, который любилъ рассказывать о Мих. Никип. Рومانовѣ. Сего страдальца привезли шуда зимою въ 1601 году Ром. Анд. Тушинъ (бывшій въ 1608 г. Воеводою въ Туринскѣ) и шесть спорожей. Въ то время, какъ они копали для него землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ спорожу шаговъ на десять. Въ землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. Ныробцы научили дѣтей своихъ носить къ узнику въ дупла дѣтокъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у землянки, они впускали въ оную дудочки и пыхали его. Приставъ увидѣлъ то, и посмалъ въ Москву шесть челоуѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей зломысленныхъ: возвратились двое, уже въ царствованіе Шуйскаго; другіе умерли въ пыткахъ. Узникъ жилъ около года. Спарецъ Максимъ слышалъ преданіе, что спорожи, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма тѣсна и сыра.— Мих. Никип. былъ высокъ ростомъ, дороженъ и силенъ. Жельза его хранился въ церкви: плечныя, или такъ называемый спуль, вѣсомъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или шнурія жельза въ 19, замокъ въ 10 ф. и проч.

(156) 17 Авг. 1602 уже не было въ живыхъ мужа сего К. Бориса Черкаскаго: см. Дѣло о сымъ Романовыхъ.

(157) См. память же и *Исторію Рос. Царствія II*; 647.

(158) См. Маржерет. 94.

(159) См. Розрядн. Кн. г. 1600. Скоро послѣ того К. Бахтѣровъ снова именуется въ числѣ Воеводъ.— Около 1602 года удаленный отъ дѣлъ Василій Щел-

каловъ является Околыничимъ въ царствованіе Лжедмитрія (см. Списокъ Болръ въ *Рос. Вѣстн. XX*, 78.

(160) См. Маржерет. 109 и Морозовъ. Лѣт. 117.

(161) См. *Никон. Лѣт.* 41, Палицына: 8, Латухин. С. К. и Розрядн. Кн. г. 1601.
 (162) См. Маржерета 108.

(163) Палицынъ 17.

(164) См. память же 9, и рукопис. *Повѣсть о злоиъ светикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(165) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, Маржерета и Бера.

(166) Или три Нѣмецк. гроша, по сказанію Пешреву: см. Бера.

(167) 30,000 палеровъ, говоритъ Пешрей. По сказанію Маржерета, Борисъ прекратилъ сію раздачу, увидѣвъ ея вредъ.

(168) Беръ въ Chron. Muscov. и *Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(169) Авр. Палицынъ. Далѣе см. Бера и Петрея.

(170) См. *Ядро Рос. Исторіи* 270, Маржерет. 107, и Розрядн. Кн. — Асценцини (см. Т. X, примѣч. 449) пишутъ, что отъ голода произошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь, Cholera morbus.

(171) Авр. Палицынъ.

(172) См. Бера и Аврамія Паша, *Дѣла г. 1601*, связку No. 1.

(174) Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопами разбивалъ тогда дома людей богатыхъ!! Царь, какъ въролпно, по допусу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.

(175) См. Т. I. прил. 476, Т. II, стран. 203, Т. III, стран. 12, Хронографы и Латухин. Сипевен. Книгу. *Каждъ или волга или оховъ* содержала въ себѣ 4 четверти.

(176) См. Бера и Петрея 295.

(177) Надпись на главѣ Ивана Великаго: »Изволс-

• пиетъ Святѣя Троицы, повелѣніемъ Вел. Государя Царя и В. К. Бориса Федоровича, всеа Россіи Самодержца, и сына его, благовѣри. Вел. Государя Царевича и В. К. Федора Борисовича всеа Россіи, крамъ совершкшъ и повлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108-го. — то: сей, 1600: слѣдственно еще до голода.

(178) См. въ *Никон. Лѣт.* 48: «*О каменномъ дѣлѣ въ лѣтешину* (въ голодѣ). Сей дѣвъ повылъ пашаты безъ сомнѣнія были *Столовая* и *Панихидная*, о коихъ прежде не упоминалось, а съ сего времени упоминаются (см. Т. X. примѣч. 450). Оны изображены за Граповиною и Золотою на плащѣ Кремля, издаиномъ въ Германіи: скоро послѣ Борисова царствования: мы увидимъ сей плащъ при любопытномъ *Описаніи Москвы*, сочиняемомъ Алексѣемъ Федоровичемъ Малиновскимъ».

(179) См. Бера и Петрея 245, и въ Архив. Дѣлахъ Дашевскихъ 1602 г., No. 1, описки Ивангородскаго Войводы Кс. Вас. Роспѣвскаго.

(180) Авр. Палицынъ 8, и *Подробн. Лѣтопись III.* 152.

(181) См. Авр. Палицына 12.

(182) Тамъ же.

(183) На примѣръ, еще по закону Ярослава Великаго: всякой человекъ, вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (см. сей. *Исторія Т. II.* 52).

(184) Указъ о холопяхъ, 5 Февр. 1597 г. см. въ *Указателѣ Рос. Законовъ I.* 125.

(185) См. сей *Исторіи Т. IX.* 517.

(186) Авр. Палицынъ 12.

(187) См. Степен. Кн. Латухина, также *Никон. Лѣт.* 53.

(188) Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 года: «Сподль 112 (1604) году о задорѣхъ и о разбойничкѣхъ, о *Косолапѣ* съ товарищи.» Сей сподль пропалъ.

Убитаго Околыничата Басманова съ честію схоронили у *Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ* (см. *Никон. Лѣт.* 54).

(189) См. Маржеретъ. 111. Оны говорятъ, что разбойниковъ было человекъ съ пять сотъ.

(190) См. Авр. Палицына и Бера.

(191) См. Бера, современ. *Новость о Гр. Ойперевъ*, и Вагнер. *Gech. des Russ. Reichs*, кн. 43, стр. 71.

(192) См. Архив. *Никон. Лѣт.*, гдѣ означено, что Ирныя пресѣялась 26 Окт. 1603 года. См. еще *Никон. Лѣт.* 35 и 53; также и Розряди. Кн. г. 7112.

(193) Съ вѣстію о поряженіи Кушума Борисъ сѣвши къ сестрѣ въ монастырь: см. выше, стр. 24. Самые злодѣи Борисовы, предавши отечества, называли *Пилатъ* Ирны *свяною* (см. *Собран. Государств. Грамотъ II.* 178).

(194) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 72 на об., *Собран. Г. Г. II.* 163 и рукопис. современную *Новость о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), гдѣ сказано, что отецъ Разстригинъ назывался *Яковомъ, какъ и свѣтъ Годуновъ* (слѣдственно *Яковъ-Борисъ*). Въ концѣ: «Покусиа азъ многогрѣшный... предати повѣсть сію писаніемъ, не слухомъ увѣряясь, кромѣ того, какъ той еретикъ (Самозванецъ) былъ въ Липов. землѣ, а что сотворись въ Росс. Царствѣ, то въ я зрѣ своиа очима.» Въ письмѣ Борисовомъ къ Сигизмунду, которое видѣлъ Нарушевичъ въ библиотекѣ Залудцаго и приводить въ *Исторіи Ходятивца* (*Historia Jana Karola Chodkiew*, Т. I, 426), сказано такъ: «До постриженія (Григор. Отрѣвень) именовазся Юшкою; по своему злоправію не слушался отца, вналъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ, игралъ въ кости, пьянствовалъ, неоднократно бѣгалъ изъ родительскаго дому и лукаво вступилъ въ Монашество.» Въ *Хронографѣ*: «Той Юшка оспаса послѣ отца младъ зѣю съ матерію и научень бысть оны неа Божѣ»

» ственному Писанію; егда жь изучи Часовникъ и
 » Исааширь, ошъде отъ матери и пача выпати въ
 » Москвѣ . . . и случися ему бесѣда Вяцкой области,
 » града Хлынова, Успенск. монастыря со Игуменомъ
 » Трифономъ . . . и по совѣшу иного Игумена поспри-
 » жесь, и наречесь имя ему Григорій. Въ то время
 » бѣша ему лѣтъ 14, и ошъде въ Суздаля, въ Ев-
 » фимьевъ монастырь . . . и въ томъ же уѣздѣ въ
 » монастырь ко Спасу на Куксу . . . и въ другіе.
 Въ *Никон. Лѣт.*: » У Замяшши Опрепьева были
 » два сына, Смирной да Богданъ; у Богдана же ро-
 » дился сынъ Юшка, и даша его въ Москвѣ на учене
 » грамоты: грамота жь дашся ему не отъ Бога, и
 » бысть зѣло грамотъ гораздъ, и во младости по-
 » сприжеся . . . и приде въ Суздаля, въ Евф. мона-
 » стырь: Архим. же Левкій даде его подъ началъ;
 » онъ же жилъ шу годъ, и приде въ м. на Куксу, и
 » жилъ шу 12 недѣль . . . и приде въ Чюдовъ мо-
 » настырь. Въ рукописн. *Сказаніи, еже содѣяся въ*
Москвѣ, и о Ростригѣ: » Сей Гришка Опрепьева къ
 » Князю Ивану Борисовичу Черкасскому въ его бла-
 » годашный домъ часто приходилъ, и шолъ ради вины
 » на него Царь Борисъ негодова: шой же лукавый
 » избѣжавъ отъ Царя, тайно посприжеся. Въ *Дѣлахъ*
Польск. No. 26, л. 73: » билъ челомъ объ немъ
 (Гришкѣ) » въ Чюдовъ м. Архимаандриту Пафнушью,
 » чтоо пынъ Крупицкой Митрополитъ, Богородиц-
 » кой Протопопъ Евфимей, чтоо въ велѣлъ ему жиши
 » въ кельѣ у дѣда своего, у Замяшши . . . и былъ въ
 » Дьякопѣхъ съ годъ; и послѣ взялъ его къ себѣ Па-
 » триархъ . . . и впалъ злодѣй въ ерещичесиво, и
 » хотѣли его съ *Собору* сослати въ заточенье на
 » смершь. (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано,
 что Гришку съ его единомышленниками хотѣли со-
 слати на Бѣлоозеро). См. также Лапухин. Спенсн.
 Книгу и Архив. *Ростов. Лѣт.* Вотъ главные испоч-
 ники для описанія Ажедмишпрісовой исторіи; но пред-
 почтительнѣе слѣдую Государственныымъ бумагамъ.

(195) См. Петрея 285, ниже примѣч. 601 и *The*
Russ. Impostor 14. Беръ называлъ сего злаго совѣш-
 ника Опрепьевымъ: ибо, въря сказкѣ Полковъ, ду-
 малъ, чтоо Самозванецъ, хотя и дѣйствительно об-
 манщикъ, былъ другой человекъ, а не Гришка
 Опрепьевъ (см. ниже).

(196) См. *Никон., Ростов. Лѣт., Лапухин. С. К.,*
Дѣла Польск. No. 26, л. 1, и Сказаніе, еже содѣяся.

(197) См. *Никон. Лѣт.*

(198) См. Т. V, VI, IX и X.

(199) Въ грамотѣ Патриарха Іова о Разстригѣ, пи-
 санной къ Архимаандриту Солевычегодской Обители
 Введенія и полученной мною въ современномъ спискѣ
 отъ А. И. Ермолаева: » Чернецъ Пинель, поспри-
 » женикъ Длѣпрова монастыря, сказалъ, чтоо онъ съ
 » пѣмъ воромъ да съ Гришкиными совѣшники, съ
 » Попомъ Варлаамомъ да съ крылош. Мисанломъ, по-
 » знался въ Новгородкѣ С. въ Спасск. монастырь, а
 » изъ Нова-деи городка взялъ его съ собою для знатя
 » дороги, и шли къ *Стародубу* . . . а онъ проводилъ
 » ихъ за Л. рубежъ до имѣнія Пановъ Стоинслава да
 » брата его Александра, до села Слободки. Въ *Ска-*
заніи, еже содѣяся и проч.: » Внидоша (Гришка
 » съ поварищами) въ нѣкую весъ близъ Литов. рube-
 » жа, и видяшъ шу велий пространный путь, и во-
 » сприя ихъ въ домъ едина жена, и сѣдяще за столомъ,
 » вопросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей
 » за рубежъ въ Луеву гору, и пынъ на томъ пути
 » заставы суть отъ Царя: не вѣмъ, кто съ Мос-
 » квы бѣгу ся яплъ . . . И Гришка бѣ отъ спраху
 » яко мертвъ. . . Жена же показа имъ путь къ Чер-
 » нигову. Монахи же шествіе шворяху, и отъ солне-
 » цаго жженія возсѣдше подъ древомъ, Гришка откры
 » совѣтъ свой и рече: *Вы слышали, братія, яко*
заставы по всей Сѣверской сторонѣ . . . насъ ради
заставы сія . . . Да избѣжимъ съти; да поидемъ
гащю сею за рубежъ. . . И постави Гришка образъ
 » Богоматери и пача молишися, да избѣгунтъ отъ

» руки Бориса . . . и пройдоша непроходимые дебри,
 » и идоша три дни, и приидоша на пѣкій боръ, и шамъ
 » видяшъ человекъа ходяща и конницу на плещу но-
 » сяща . . . и познаша, яко Польскій человекъ, и
 » ради быша . . . и начаша вопрошати . . . Полякъ
 » же рече: *Страна сія Бѣлоруская; владѣеть ею Ко-
 » роль Жигимонтъ: и имѣе двою братовъ, Николая
 » и Яна Вилевичей. Мой Пятръ Николай не далеге
 » отсель на пути къ Луевой горѣ. Азъ есмь бортникъ
 » Якубъ.* « Описывается, какъ Панъ Вилевичъ уго-
 » щали бѣлыхъ Моноховъ. Далѣе: » и опшудени бы-
 » ша къ Луевымъ горамъ кошымъ пушемъ, и приидо-
 » ша въ Луевъ городокъ, и шу Панъ Свѣславъ Про-
 » кулицкій пріятъ ихъ любезно, и отпусти въ Кіевъ. «
 » Въ Хронографъ: » Въ Новгородкѣ Свѣ. вождя добы-
 » ша, Ивалика Семёнова, и поидоша на Стародубъ
 » . . . и первой городъ Днѣпровской имъ Луевъ замокъ,
 » а другой Любескъ. . . и быша въ Кіевѣ, въ Це-
 » черк. монаспырь, 7 недѣль, и опшуда приидоша до
 » Острога, до К. Василья Оспрожскаго, и ашова-
 » ша у него; и на оренъ К. Василей послалъ Варла-
 » ама да Мисаила въ Дерманскій монаспырь, а Гриши-
 » ка съехалъ въ Гоцей городокъ, и шашье Цюоче-
 » ское съ себѣ скинулъ. «

(200) См. Нѣмцевъ, Dzieje Panow. Zygmuntа III, кн. VII, стр. 295, гдѣ приведено мѣсто изъ письма К. Оспрожскаго (Васильева сына) къ Королю: «Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія,» пишеть Оспрожскій: «онъ прежде былъ въ Дерманъ мона-» спырь отца моего, а потомъ у Алябаписишовъ. « См. также *Сказаніе, еже содѣяся, и Никонъ. Лѣтъ.*

(201) См. современ. рукописи. *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*, и Морозовъ. Лѣт. (л. 96) Смыъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, чіпо Монохъ Оспрепьевъ былъ совсѣмъ другой чело-» вѣкъ, а не Самозванецъ. Герардъ Гревенбрухъ въ 1609 году издалъ въ Кельиъ свою книгу о Лжедмитріи подъ шпшуломъ: *Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii*. Авторъ самъ не былъ въ Россіи.

(202) См. *Сказаніе, еже содѣяся, и Грамоту Іова Папиріарха о Разстригѣ* (выше, примѣч. 199). См. также, примѣч. 252.

(205) См. Хронографы и Ивицевъ. Dz. Pań: Zygmuntа III, кн. VI, 258. Носавдній ссылаеця на рукопио-» нде сочиненіа Жиудскаго Шляхтича Товмискаго, ко-» его имѣю списокъ. Гаца, мѣстечко Пановъ Гасвикъ, въ Луцкомъ Уездѣ. — Мѣсто, гдѣ жилъ А. Вишне-» вецкій, названо въ Хронографѣ Браиниъ и Браиниъ, а въ Польскомъ рукописномъ сочиненіи о Лжедмит-» ріи (*Rzeczъ* и проч. за *Dymitra*: см. ниже): *Всаянія* См. Т. II, примѣч. 275.

(204) Въ Хронографъ: «Князь же Адамъ брашникъ» и безумецъ. «

Знашныи Князь Вишневецкіе проеходили отъ Ко-» рибутца, сына Ольгердова и Княжы Россійской (смъ Т. IV, 236 и примѣч. 245, и Т. V. примѣч. 44).

(205) См. Вассенберга въ Пешорѣ. *Владислава* (*Gesta Vladislai IV*, 15). Лубыскаго (*Lubienski*). *Opis Postli*. 29, и Числи въ Ивицевъ. кн. VI, 244, 245; также Маржерети. 168, Хронографы, и Кубасова (въ *Русск. Достопамятн. I*, 175).

(206) См. *Никонъ. Лѣтъ* 58 и Вассенберга 14. Въ подробномъ Хронографѣ: «Призва къ себѣ (Тришка)» Латинскія Вѣры Пона. « Но въ Хронографѣ сокра-» щенномъ названъ Поиъ Греческимъ. «

(207) Въ отъѣздахъ Мишка на вопросы нашихъ Бояръ (въ *Собран. Госуд. Грамотъ II*, 295): «Пре-» бывалъ (Гришка) въ Кіевѣ въ монаспырь, въ Стар-» ческомъ отдѣлви; а потомъ, бывъ у Г. Воеводы» Кіевскаго (В. Оспрожскаго), не хотѣлъ сказаться,» и пришелъ къ К. Адаму Вишневецкому, сказывалъ,» чшо онъ есмь истинный попомокъ В. К. Ивана,» предлагая, какъ его Господь Богъ, помощію Докто-» ра его, отъ смерши спасъ . . . а попомъ потъ Док-» шоръ оицадъ его къ пѣкоторому Боярскому Сы-» ну для воспитанія, которой присовѣпывалъ ему» скрисься между Чернецами. « Ниже сообщимъ всю

эту сказку съ ея разными измѣненіями. Въ одной Розрядн. Книгѣ (см. *Собран. Г. Г. II*, 163): » Гришка въ 111 (1603) году збѣжалъ въ Липву и пришолъ въ Печерскій монастырь . . . и умысла Дьявольскою козвлюю разболѣлся до умершвія . . . и духовнѣ скавалъ Игумену, будшо онъ сынъ Царя Ив. Вас., а ходишь будшо въ искусь не постриженъ, укрываясь отъ Бориса . . . И потѣ Игуменъ учалъ его чинишь, и вѣдомо учинилъ Королю и Сенаторѣмъ. Но согласное сказаніе Лѣтописца нашего, Вассеиберга и Мишка свидѣтельствуесть, что Ледеимитрій открылся Вишневецкому, а не Игумену Кіевскому.

(208) См. Т. VIII, 242.

(209) См. Нѣмцев. кн. VI, 239.

Далѣе см. Хронографы, опыты Юрія Мишка нашимъ Боярамъ (въ *Собран. Г. Г. II*, 294), и Дѣла Польск. No. 26, л. 106.

(210) См. Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Нѣмцев. кн. VI, 241.

(211) См. тамъ же, въ Нѣмцев. VI, 242.

(212) См. Лубѣиск. Ор. Posth. 29, Гревенбр. Tragoed. Moscov. 12 и Histoire de J. A. de-Thou, кн. СХХХV, стран. 47. Сихъ словъ нѣтъ въ Чили.

(213) См. Annuae Litterae Societatis Jesu, an. 1604, стран. 704, 705. Сіи письма, напечатанныя въ 1618 г., весьма рѣдки: они доставлены мнѣ изъ бывшей Полоцкой Лезуинской библіотеки. Въ сѣмъ переводѣ: «Здѣсь» — пишушь Краковскіе Лезуины къ другимъ брагьямъ сего Ордена — «здѣсь всегда естъ случай служишь ближнимъ, когда и Дворъ Королевскій и вся земля съ жадностію потребуесть нашей помощи. — Труды и ревность нашихъ не ослабѣла: шестьдесятъ восемь ерешниковъ приведены въ нѣдра Церкви, и въ число ихъ Великій Князь Московскій Димитрій, который почти въ младенчествѣ лишился отца и Царства; потомъ, заключенный въ одинъ изъ Греческихъ монастырей — дабы не впасишь въ руки ширана, замышлявша-

го умершвишь его — тайно воспитывался и до-спигнулъ совершеннаго возраста. Между тѣмъ одинъ изъ Вельможъ, уже предъ тѣмъ желавшій Царской власти, полагая, что (сей) наследникъ убитъ, овладѣлъ треномъ; а Князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, узнавъ отъ воспитателей своихъ всю истину, отбылъ тайно къ нѣкоторымъ Вельможамъ Королевства Польскаго требовать ихъ заступленія, и, хотя не безъ труда, получилъ наконецъ вспомогательное войско. Тогда, готовясь и къ пушкѣ и къ брани, отъ устремилъ все свое вниманіе на то, чинобы въ дѣлѣ столь трудномъ, имѣть помощникомъ Бога: рѣшился принять Каполическую Вѣру; но опасаясь, чинобы Россіи о томъ не свѣдали и не порицали его именемъ Каполика, будучи чрезмѣрно приверженъ къ Схизмѣ, отъ закрылъ лице свое, перемѣнилъ одежду, и сопровождаемый однимъ Польскимъ Вельможею, въ видѣ нищаго пришелъ въ нашу обитель: открылъ себя, и выбравъ одного изъ насъ, исповѣдалъ ему всѣ грѣхи жизни своей; отречеъ Схизмы и съ великимъ усердіемъ присоединился къ Римской Церкви. Не довольствуясь сѣмъ, Димитрій принялъ отъ пребывающаго въ здѣшнемъ городѣ Апостольскаго Нунція таинства Евхаристіи и Мвропомазанія и утвердился въ воспріятой имъ Вѣрѣ. Сей Князь обѣщавъ со временемъ великія добродѣтели и постоянство въ началомъ дѣль. Кажется, что отъ одушевленъ удивительнымъ усердіемъ къ распространенію Религіи Каполической. — См. также Чили, въ Нѣмцев. VI, 244.

(214) См. Гревенбр. 12, 13, и ниже, примѣч. 252, гдѣ упоминается о грамотѣ Папѣжской къ Самозванцу. — Учицедемъ Разсприги въ Лапинскомъ языкѣ былъ Лезуинъ Савицкій; но отъ (Разсприга) худо зналъ сей языкъ или почти совсѣмъ не зналъ (см. Маржерша).

- (215) См. Нѣмцев. кн. VI, 246, и Нарушев. *Historya J. J. Chodkiew. I, 237.*
- (216) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 105 на об.; да-
льсѣ см. Нѣмцев VI, 248.
- (217) См. *Собран. Госуд. Грамотъ II, 160.* Грамо-
та писана на языкъ Подольскомъ съ Русскимъ перево-
домъ. Подпись Латинская и Русская: *Dmitr Care-
wicz, Царевичъ Димитрій.* Приложена восковая пе-
чатъ. На оборотѣ: » *Постановленіе и ассекрація*
» *Димитрія, Царя Московскаго, данна Г. Миншкъ,*
» *Восводѣ Сеядомирскому.* Туль же приписано: » *Въ*
» *Пятницю, на другую день праздника Успенія П. Д.*
» *М., лѣта 1668, рукопись сего Провинціальный Ко-*
» *ролевскій главный Надиратель, Лаврентій Кат-*
» *чевичъ Сопоклескій, представилъ для приобщенія къ*
» *дѣламъ Староства. Принято и записано.* «
- (218) См. тамъ же, спраи. 165.
- (219) Нѣмцев. кн. VI, 248, и Нарушев. кн. IV, 239.
- (220) См. Хронографы. Сей *Никхаевъ* былъ, ка-
жесть, изъ числа бѣлыхъ, которые укрывались въ
Литвѣ. Въ бумаг. Государств. упоминается о Бояр.
Сынѣ Аван. *Сухоговъ*, въшломъ въ пѣшь Донск. Ко-
заками; но это долженъ быть другой человекъ. Въ
Хронографъ же: » Называли Гришку Царевичемъ *Хри-*
» *пуновыиъ* пять братьевъ да Истомы Михеева слуга
» *Пешрушка (Пешровской), да Ивашка, что вождь*
» *былъ* « (т. е. провожатый Самозванца изъ Новогоро-
рода Сѣверскаго) » да люди посадскіе Кіевляне. « *Хри-*
» *пуновыиъ*, ушедшіе въ царствованіе Борисово, не при-
спавали къ Лжедимитрію до его восшествія на пре-
столъ: Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ, когда Сиг-
гизмундъ писалъ къ нему, чтобы онъ позволилъ снѣмъ
братьямъ возвратиться въ Россію (см. *С. Г. Гр. II,*
216).
- (221) См. въ Арх. Кол. Ин. Дѣла Ошвѣтны Сигиз-
мундовыхъ Пословъ въ Москвѣ въ 1606 году.
- (222) См. Дѣл. Пол. No. 26, л. 74, и *Ник. Лѣт.*

- (223) См. Ошвѣтны Сигизмундовыхъ Пословъ. Аша-
маны пріѣхали къ Самозванцу въ Краковъ.
- (224) Нѣмцев. кн. VI, 248. Именно о *двухъ* Моша-
хахъ, которые ревностно служили обманщику, упо-
минается въ Ошвѣтпахъ Пословъ Сигизмундовыхъ. О
Леонидѣ см. выше, спраи. 140.
- (225) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 74 и 98.
- (226) См. выше, около примѣч. 181. Дальсѣ см. На-
рушев. 240.
- (227) См. выше, спраи. 140.
- (228) См. Бера.
- (229) Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая опо-
сѣду извѣстія о минимѣ Димитрін, самъ началъ
было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго: справлялся,
допрашивалъ, и наконецъ увѣрился, что снѣмъ име-
немъ называется обманщикъ. — Борису служили шо-
гда лазутчиками многіе изъ жипселей Малороссіи: ме-
жду Архивскими бумагами сохранилась челобитная
одного шамошняго мѣщанина о награжденіи его за
вѣсти о Самозванцѣ.
- (230) См. показанія измѣнника Хруцова (*Соб. Г. Гр. II,*
178).
- (231) См. выше, и *Никон. Лѣт.* 60.
- (232) См. показанія Хруцова Лжедимитрію (*Соб.*
Г. Г. II, 174) и грамоту Патриарха Юва Архиманд-
риту Солевычегодской Обишели (выше, прим. 199).
- (233) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 65 и 159, гдѣ
означено, что Смирной ѣздилъ къ Королевскимъ Вель-
можамъ въ 1604 году.
- (234) См. *С. Г. Гр. II, 173*: О времени Лжедимитрі-
ева похода см. тамъ же, спраи. 167, *Дневную за-*
» *писку пути Самозванцева*, въ коей числа означены
по Новому Спилью.
- (235) См. показанія Хруцова (*Собран. Г. Г. II,*
174).
- (236) Казни были, но уже послѣ (см. Хронографы).
- (237) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 64 на об., 73 и
77.

Писалъ ли Борисъ съ Огаревымъ къ Сигизмунду, какъ сказали Послы Липовскіе въ Отвѣпахъ Болрамъ Московскихъ (см. выше, примѣч. 221), что если бы Разсприга былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, опъ шестой или седьмой жены? Сомнительно.

(238) См. въ Наруш. кн. IV, примѣч. 28, письмо Тариовскаго, Кастеляна Сендомирскаго, къ Н. Олесницкому, Кастел. Радомскому, писанное изъ Спобницы опъ 21 Септ. 1613.

(239) См. Польск. Дѣла No 26, л. 79 и 139.

(240) См. Нарушев. кн. IV, 240, и Нѣмцев. кн. VI, 249. Вассенбергъ полагаетъ у Самозванца 10,000 человекъ, Кобържицкій 15,000, Беръ 8000, другіе 5000, а Паерле 1100 всадниковъ Липовскихъ, 500 пѣшихъ рапшиковъ и 2000 Козаковъ. Рукописное сочиненіе послѣдняго, бывшаго въ Россіи при Лжедимитріи, имѣю изъ библіотеки Е. С. Гр. Н. П. Румянцева.

Іезуиты, бывшіе съ Лжедимитріемъ, назывались Николай Черниковскій и Андрей Лавицкій (см. Гревенбрух. 14).

(241) 26 Окт. по Нов. Стилю: см. Дневную Записку въ С. Г. Грам. II, 168, и Паерле.

(242) См. Розрядн. Кн.

(243) См. Хронографы и Лубѣиск. Ор. Posth. 30.

(244) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 94 и 76.

(245) См. выше, стран. 131.

(246) См. въ Архивъ К. И. Д. Отвѣты Липовскихъ Пословъ въ 1606 году и Хронографы.

(247) См. Хронографы и Дневн. Записку въ Собран. Г. Г. II, 167 и слѣд.

(248) 21 Окт.: см. Дневн. Записку и Отвѣты Лип. Пословъ. Въ Моравскъ (въ Монастыревскомъ, по Розрядн. Кн., или, по Больш. Чершежу, въ Муромскъ, въ 60 верстахъ опъ Чернигова) начальствовали Борисъ Лодыгинъ и Елизарей Безобразовъ. Па-

ерле сказываесть, что Лжедимитрій оставилъ тамъ 150 Ляховъ для храненія крѣпости.

(249) Паерле пишетъ, что Лжедимитрій послалъ къ Чернигову 2000 Козаковъ, и что городъ хотѣлъ немедленно ему сдать, но что Воеводы съ 300 Стрѣльцами и съ 20 пушками заперлись въ крѣпости; что жители соединились съ Козаками, силою принудили Стрѣльцевъ опворить крѣпость и выдали Самозванцу Воеводъ связанныхъ; что, его именемъ, Ляхъ Бучинскій занялъ Черниговъ 5 Ноября Нов. Стил. См. также Петрелъ 298, Нѣмцев. кн. VI, 250, и Дневн. Записку Лжедимитріева похода.

(250) Опещъ его былъ Крайчій Федоръ, а дѣдъ Болринъ Алексѣй Даниловичъ: см. Т. IX, 177.

(251) См. Розрядн. Кн.

(252) Паерле.

(253) См. Никои. Лѣт. 61. Петрей рассказываетъ, что знавшій саповникъ, Вас. Мих. Мосальскій, былъ посланъ опъ Царя къ войску съ 80,000 палеровъ (см. ниже, около примѣч. 256), по привезъ ихъ къ Самозванцу, который вспрѣтилъ его за то съ музыкаю и сдѣлалъ своимъ Маршаломъ. Извѣстіе нашего Лѣтописца дословѣриѣ. Далѣ см. Дневн. Записку и Паерле.

(254) См. выше, стран. 140, Гревенбруха, и Дс-Гу.

(255) См. Паерле.

(256) См. Нѣмцев. кн. VI, 253, 254.

(257) См. Дневн. Записку. О перемиріи см. Паерле.

(258) См. выше, стран. 131.

(259) См. Т. X, стран. 169. Далѣ см. Розрядн. Кн.

(260) См. Т. X, стран. 155. Угличанъ сослали, какъ извѣстно, въ Пелымъ.

(261) См. Хронографы.

(262) См. грамоту Папприарха Іова къ Архим. Солевыч. Обищели. О безсовѣстности Шуйскаго см. Т. X, стран. 151.

(263) См. Хронографы.

(264) См. грам. Іова къ Архим. Солевыч. Обищели.

Приговоръ Соборн. Ц. Бориса въ *Собр. Г. Г. II*, 164, и въ Ташиц. *Судебникъ* 233.

(265) См. Т. VIII, 263, и Приговоръ Соборн. въ Ташицев. *Судебникъ*, 234 — 238.

(266) Маржеретъ (справ. 114), который самъ былъ тогда въ Борисовомъ войскѣ, сказывалъ, что оно состояло изъ 40,000 или 50,000 рашинковъ. Другіе (Кобържницкій 59, Лубылскій 37 и Паерле) говорятъ о 60,000. Беръ пишетъ: «принудили всѣхъ идти къ войску, которое около Мариннова для состояло уже почти изъ 200,000 человекъ.»

(267) Видекидова *Historia Belli Sveco-Moscovici deennalis*, глав. X, л. 20.

(268) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 76, и Дневн. Записку (*Собр. Г. Г. II*, 171).

(269) См. выше, примѣч. 240.

(270) См. Паерле.

(271) *Hist. de J. A. de Thou*, кн. 135, стран. 49.

(272) Въ описаніи битвы слѣдую Маржерету (113, 114). См. также Бера. На лѣвомъ крылѣ были Воеводы Околыничій Вас. Пепр. Морозовъ и К. Лука Осип. Щербаной, въ срединѣ съ Мстиславскимъ К. Андрей Андр. Теляповскій, въ перед. полку Болре К. Вас. Вас. Голицынъ и Мих. Гл. Салыковъ, въ сторожевомъ Околыничій Ив. Ив. Годуновъ и Кн. Мих. Самсон. Туренинъ. См. также *Никол. Лвт.* Дневн. записку и Хронографы.

(273) См. Пепрея 299. Онъ говоритъ, что начальникъ шести сотъ иноземцевъ, Шведскій Капитанъ, Лоренцъ Бюрге, помогъ Васманову.

(274) Маржеретъ.

(275) См. Дневн. Записку.

Войско Борисово удалось опъ Новгорода для того, какъ пишутъ некоторые (см. Лубылск. 31 и Нарушев. кн. IV, 242), что Лжедмитрій объявилъ въ своемъ спанѣ о немедленномъ прибышии къ нему Ходквича изъ Ливоніи съ великою силою.

(276) Паерле говоритъ, что и сіи ушли-было опъ

Самозванца, по возвратились къ нему на третій день. Поляки, если вѣрять Пепрею, ушли съ досады на Самозванца, который не далъ имъ ничего изъ воровской казны Мосальскаго (выше, примѣч. 253, раздавъ ее всю Козакамъ. См. еще Дѣла Польск. No 27, л. 92, Дневн. Записку (*Собрал. Г. Г. II*, 172) и Маржерета 114.

(277) Розряды 1605 года (см. въ Архивѣ Кол. Ив. Дѣлъ бумажники Миллера, No. VI).

(278) То есть, сто тысячъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера.

(279) См. *Никол. Лвт.*, Розрядн. Книги и Маржерета 114, 115.

(280) Маржеретъ: *L'armée de Boris* (состоявшая изъ сорока или пятидесяти тысячъ) *se renforçoit tous les jours*; но не говоритъ, чтобы она сдѣлалась втрое или вчетверо сильнѣе: какъ далеко до двухъ сотъ тысячъ Беровыхъ и Пепревыхъ! — Добрыничи нынѣ Добрынь или Добрунь.

(281) См. Маржерета 115.

(282) См. Паерле.

(283) См. Маржерета: лучше вѣрять ему, нежели Бери, который пишетъ, что Ливонецъ Вальперъ фонъ-Розентъ и *Маржеретъ*, начальникъ двухъ иноземныхъ дружинъ, съ кликомъ: *Hilf Gott!* прогнали Лжедмитрія, отнявъ у него взятые имъ Московскія пушки; что ободренные Россіиане также устремились въ слѣдъ за неприятелемъ, также кричали *hilf Gott*, и заставили Нѣмцевъ сдѣлаться. Маржеретъ признается, что и самъ онъ и Розентъ бѣжали: *après quelque résistance que firent les dits étrangers, tout tourna le dos.* См. и Паерле, увѣряющаго, что Россіиане умысленно обратили тылъ и заманили неприятеля подъ картечи; что они убили однакоже не болѣе трехъ человекъ, и ранили человекъ пять; что Самозванецъ, когда вѣтромъ разнесло дымъ, снова хотѣлъ ударить на нихъ, но что Козаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили Царевичу, ушли, и заставили его также искать спасенія въ бѣгствѣ; что

усильно оборонялись только 4000 пѣшихъ Козаковъ (Cosakische Knechte) упушекъ, убили множество людей и всѣ легли на мѣстѣ. —

(284) См. Бера и *Никонъ Лѣт.*

(285) То есть, 400 тысячъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера и Розрядн. Кн.

(286) См. Пешрея 302.

(287) См. Паерле и Дѣла Польск. No. 27, л. 92.

(288) См. Маржерета, Бера и Хронографы.

(289) См. Хронографы и Ошвѣты Липовскихъ Пословъ въ Архивѣ К. И. Д. г. 1606.

(290) См. Паерле.

(291) См. Ошвѣты Липовск. Пословъ. Они говорили, что К. Ташевъ требовалъ очной спавки съ Борисовымъ сановникомъ, Огаревымъ, который еще находился тогда въ Варшавѣ, но что Сигизмундъ не хотѣлъ принять его (Ташева).

(292) См. Бера и Паерле. Самозванецъ свидѣльствовался К. Ивановъ Мстиславскимъ, Андреемъ Щелкаловымъ и мнимымъ своимъ Докторомъ, также умершимъ.

(293) См. *Ростов.* и *Никонъ Лѣт.* Объ ушружденіи войска см. Маржерета 117.

(294) См. *Ростов.*, *Никонъ Лѣт.* и другихъ.

(295) См. выше.

(296) См. Пешрея, называющаго Корелу волшебникомъ.

(297) См. *Ростов.*, *Никонъ Лѣт.* и проч.

(298) См. Бера и Хронографы.

(299) См. *Ростов.*, *Никонъ Лѣт.* и проч.

(300) См. Бера.

(301) См. Паерле и Гревенбруха.

(302) См. Гревенбр. 18, и де-Ту кн. 135, стп. 50.

(303) См. Хронографы.

(304) Въ письмѣ Лжедмитрія къ Мишку отъ 11 Мая (см. Нѣмцев. Т. II, стп. 530): « По написаніи сего письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ Ливенъ, о томъ тамошнего Воеводы, что 29 (13) Апрѣля Бо-

ристь торжественно принималъ иноземцевъ « (въ другомъ мѣстѣ сказано: Датскихъ Пословъ): » вдругъ » полилась у него кровь изъ носу, изъ ушей, и пѣкала » сила (siła nieiaka z Maiestatu go porwawszy) свергла » его съ престола, ударила о землю — и такимъ » образомъ бѣдно скончалъ дни свои. « См. Бера, Лубынскаго В. С. 31, Пясецкаго Chron. 265, де-Ту кн. 135, стп. 50. Въ *Ростов.*, *Никонъ Лѣт.* (и въ другихъ): » Царю Борису вставшу изъ-за стола по » слѣ кушанья, и внезапно приде на него болѣзнь лю » та и едва успѣ поповитись и поспричьсь, и бывъ » два часа въ той же болѣзни, и скончался. « Далѣе см. Окружую Грамоту Патриарха Іова, въ *Собр. Г. Г. II*, 189. Грамоту Росп. Миср. Кирилла о преставленіи Бориса и Розрядн. Кн.: Паерле сказывалъ, что Борльс умеръ въ Золотой палатѣ.

(305) См. Хронографы, Морозов. Лѣт. и Бера. Маржеретъ и другіе приписываютъ сію незапную смерть удару. Лубынский (Op. Posth. 32) обвиняетъ Петра Басманова, будто бы уже подкупленнаго Самозванцемъ, въ оправленіи Годунова.

(306) См. грамоту Росп. Миспрополита къ Архим. Усольск. Введенскаго монастыря (полученную мною отъ А. И. Ермолаева).

(307) См. *Собр. Г. Гр. II*, 192. Единственно изъ уваженія къ матери Царской именovali ее въ государственныхъ бумагахъ прежде Θεодора: такъ въ молитвахъ церковныхъ поминали Ирину прежде Бориса; такъ и въ присягѣ Лжедмитрію сказано: » цѣ » лую крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Кня » гинѣ, Инокъ Марѣѣ Θεодоровѣ вс. Рус. и прирое » пому Государю своему, Ц. и В. К. Дмипрю Ива » новичу вс. Рус. « (памъ же, 202). Мать не имѣла никакой государственной опеки надъ Θεодоромъ.

(308) То есть, Θεодору присягали и какъ наследнику и какъ Царю. Далѣе см. Хронографы и Лѣт. Кубасова (въ *Рус. Достоп. I*, 174.

(309) См. выше, стп. 99.

- (310) См. Бера.
- (311) См. *Никон. Лѣт.* и Хронографы.
- (312) См. Маржерета 122. Число означено имъ здѣсь по Нов. Спнлю. Мстиславскій и Шуйскіе поплачахъ уѣхали въ Москву, не объявивъ войску о смерти Борисовой. См. также *Никон. Лѣт.* 65 и Бера.
- (313) См. Хронографы.
- (314) См. *Никон. Лѣт.* 65.
- (315) См. *The Rus. Imp.* стр. 61, и Пясец. Chron. г. 1605.
- (316) См. въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 196, письмо Опрельева къ Мнишку отъ 24 (14) Мая.
- (317) См. Нѣмцев. D. P. Z. III, Т. II, 531 (въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая) и Дѣла Польск. No. 27, л. 93.
- (318) См. Нѣмцев. II, 529, въ письмѣ Разстриги къ Мнишку отъ 1 Мая.
- (319) См. *Никон. Лѣт.* 65, и Оповѣсти Липов. Пословъ въ Арх. Кол. Ин. Дѣлъ; а Маржер., безъ сомнѣнія несправедливо, именуешь Салтыкова въ числѣ вѣрныхъ Воеводъ.
- (320) См. Паерле.
- (321) См. *Никон. Лѣт.* и другихъ; также и рукописное *Сказаніе о Гришкѣ Опрельевѣ.*
- (322) Такъ у Бера и Маржерета (по Нов. Спнлю); а въ *Сказаніи* означено 9 число. См. также Хронографы.
- (323) Такъ пишетъ Беръ. Паерле говоритъ, что Розень приспала къ измѣнникамъ.
- (324) См. *Никон. Лѣт.* 66.
- (325) Лжедимитрій въ письмѣ къ Мнишку отъ 1 Мая подписался еще *Царевичемъ*, а въ другомъ отъ 14 Мая уже *Царемъ* (см. Нѣмцев. II, 529).
- (326) Ихъ было съ нимъ до тысячи, какъ сказано въ Оповѣстяхъ Пословъ Липовскихъ. См. также Петра 308 и въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, II, 196, письмо Опрельева къ Мнишку.
- (327) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 66.

- (328) См. письмо Опрельева въ *Собран. Г. Г. II*, 196, Маржерета 123, Гревенбруха 23, и Оповѣсти Липовскихъ Пословъ.
- (329) См. Маржерета и Гревенбруха 24.
- (330) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* Въ концѣ 1604 года Орловскимъ Воевод. былъ Фед. Яropicинъ; но когда Мстиславскій и Шуйскіе осадили Кромь, тогда велѣли бытъ въ Орль Федору Шереметеву (см. Розрядн. Ки.).
- (331) См. Хронографы и *Никон. Лѣт.*
- (332) См. Оповѣсти Липовскихъ Пословъ и *Сказаніе о Гришкѣ Опрельевѣ.*
- (333) См. Маржерета и Бера.
- (334) См. Розрядн. Ки., *Никон. Лѣт.* и Бера.
- (335) См. Хронографы и Бера.
- (336) См. Бера.
- (337) См. *Никон. Лѣт.*, Маржерета 124 и Бера.
- (338) См. Хронографы.
- (339) См. Бера.
- (340) См. Т. IX, 499, и Т. X.
- (341) См. *Никон. Лѣт.* и Розрядн. Книги.
- (342) См. Розрядн. Ки. и *Никон. Лѣт.* 68.
- (343) См. грамоты Лжедимитріевы къ Россіянамъ отъ 11 Июня (въ *Собр. Г. Г. II*, 200).
- (344) См. грамоту Юва къ народу по воцареніи Василія Шуйскаго (о коей въ XII томѣ). См. также и *Никон. Лѣт.* 68.
- (345) См. *Никон. Лѣт.* и Бера.
- (346) См. *Никон. Лѣт.* 69. Въ *The Rus. Impostor* такъ описывается послѣдняя бесѣда несчастной Маринъ съ сыномъ и дочерью: » О дѣти милыя, безцѣнный плодъ взаимной, нежной любви вашихъ родителей! о радость и тоска моя! обнимите меня . . . » такъ будемъ ждать смерти лютой! Но можетъ » бытъ, злодѣй, опивая у насъ способъ вредить ему, » удовольствуется своею добычею, и еще позволитъ » намъ жить въ горести . . . Нѣтъ! спокойствіе

» злодѣя потребуешь гибели того, кто оскорбленъ имъ
» столь жестоко! « и проч.

(347) См. *Ростов. и Никон. Лѣт.*, и Степен. Кн. Лашухина.

(348) См. *Никон. и Ростов. Лѣт.* — Петрей собственными глазами видѣлъ на мерзвыхъ знаки удавленія (см. его М. Стр. 314).

(349) См. современ. *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Ризстригѣ*, Хронографы, Бера, и Морозов. Лѣт. — Въ одномъ рукоп. извѣстїи о Самозванцѣ прибавлено, что онъ, будучи Монахомъ Чудовскимъ, видалъ Ксеіію въ церкви. На гробницахъ Марїи Годуновой и Θεодора означенъ день ихъ убїенія: 10 Іюня (такъ и въ Хроникѣ Петреусовой).

(350) Такъ сказано въ одномъ изъ Хронографовъ.

(351) См. *Никон. Лѣт.*, Морозов. Лѣт. Въ монашырѣ Св. Варсонофія находилась родовое кладбище всѣхъ Годуновыхъ. Онъ былъ между Срѣтенскою и Рожесписенскою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія.

(352) См. Оповѣсти Сигизм. Пословъ въ Арх. К. И. Д.

(353) См. выше, въ описанїи измѣны Восводъ подѣ Кромами, также Оповѣсти Сигизм. Пословъ и *Никон. Лѣт.* 68.

(354) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 200 — 205.

(355) См. въ *The Russian Impostor*, стран. 78, письмо Лжедимириѣво къ Англ. Агенту Мерику изъ Тулы отъ 8 Іюля, и письмо сего послѣдняго къ Лжедим. въ Архивѣ К. И. Дѣлъ.

(356) См. Бера, *Ник. Лѣт.* 70 и рукоп. *Сказ. о Силозѣ*.

(357) См. Бера.

(358) См. Гревенбруха 24, де-Ту СХХХV, 52, *The Rus. Imp.* 76, Петрея 314 и Бера.

(359) » И Патріархъ или Митрополитъ, « пишеть Гревенбрухъ: вѣроятно, Грекъ Игнашій, Священитель Рязанскій, кошорый сдѣлался Патріархомъ (см. ниже).

(360) См. Петрея, Бера и *Никон. Лѣт.* 70.

(361) См. *Лѣт. о Мятѣж.*, *Ростов. и Никон.*

(362) См. Морозов. Лѣт.

(363) См. Бера и Петрея 317.

(364) См. Морозов. Лѣт.

(365) См. *Собр. Г. Г. II*, 206 и слѣд., также Посл. Синсокъ Чиновиковъ въ *Рос. Вивл. XX*, 77.

(366) *Ист. Рос. Иерар.* I, 122, и Хронографы.

(367) См. Т. X, стран. 236.

(368) См. Архив. Розрядн. Книгу No. 109.

(369) См. Хронографы, *Собран. Г. Грамотъ II*, 250 и 261; также Миллера *Samml. R. G. V*, 275.

(370) См. *Собр. Г. Г. II*, 261, Бера и Гревенбруха.

(371) См. *Указатель Рос. Законовъ*, I, 129.

(372) См. въ *Legende de la vie et de la mort de Demetrius* (писанной однимъ купцемъ иноземнымъ, свидѣтелемъ Лжедимириѣва убїенія, и напечатанной въ 1606 году въ Амстердамѣ, книжкѣ рѣдкой и любопытной); также въ *Собр. Г. Гр. II*, 259, 260.

(373) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ II*, 207.

(374) См. Бера и Петрея 319.

(375) См. Маржерет. 142.

(376) См. *Собран. Г. Грамотъ II*, 261.

(377) См. въ соврем. рукописи, получ. мною отъ А. И. Ермолаева, *Челобитицу и похвалу*, писанную Благовѣщенскимъ Протопопомъ Терентіемъ къ Царю Димитрію. Франц. переводъ грамоты Іерусал. Патріарха Софронія къ Лжедимирию находился въ Моск. Арх. К. И. Дѣлъ.

(378) См. Т. X, стран. 237, *Ростов.*, *Никон.* и другія лѣтописи и Степен. Кн. Лашухина.

(379) Бывшій Выксинскій монашырѣ отъ Череповца въ 25 верстахъ, а отъ Москвы до сего города (прямою дорогою, чрезъ Дмишировъ, Кашиинъ и проч.) менѣе 500 верстъ.

(380) См. грамоту Царицы - Инокнии Марыи къ Воеводамъ (въ *Собран. Г. Грамотъ II*, 307).

(381) См. Оповѣсти Сигизмундовыхъ Пословъ.

(382) См. Паерле.

- (383) См. Ошвѣшы Сигизм. Пословъ, *Legende 4*, Бера, Пётрся 318 и Маржерета 126.
- (384) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.
- (385) См. Маржерета 126.
- (386) *Де-Ту СХХХV*, 55, и Вассенб. G. Vlad. IV, 19.
- (387) См. Бера и Пётрся 319.
- (388) Янъ Бучинскій, въ Авг. 1605 прѣхавъ къ Лжедимирию голицемъ отъ Мишика, остался въ Москвѣ. Другой Бучинскій назывался Спаниславомъ. Былъ еще претій Полякъ Секретаремъ у Самозванца: Спаниславъ Слонскій, который ѣздилъ съ Ао. Власевымъ въ Краковъ (см. ниже).
- (389) См. Маржерет. 129.
- (390) См. Бера и Пётрся 320.
- (391) *Де-Ту СХХХV*, 55.
- (392) См. *Dyaryusz wesela z Maryną*, писателю Диамешповскимъ, въ Нарушев. *Hist. J. K. Chodkiewiczza*, T. I, стран. 244 и 435, въ примѣч. 54.
- (393) См. Бера и Пётрся 320.
- (394) Беръ рассказываетъ, что у Лжедимириѣ были лучшія Англ. собаки для медвѣжьей траванъ, борзья, гончія; что будучи съ Болрами въ селѣ Тайнинскомъ, онъ велѣлъ спустить съ цѣпи медвѣдя, съѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ сего яростнаго звѣря.
- (395) *Legende 8*.
- (396) Тамъ же 7 и 29 (о распочинительности Самозванца).
- (397) *Собраніе Г. Грамотъ* II, 261.
- (398) См. *Rzeczy Polskich w Moskwie* за Dymitra, въ письмахъ Альбертранди.
- (399) См. ниже, въ описаніи Маринина въѣзда въ Москву.
- (400) *Де-Ту СХХХV*, 52. Ниже упоминаемъ о развалинахъ сего дворца Борисова. Лжедимириѣ велѣлъ сломать его какъ жилище кудесника или чародѣя.
- (401) См. *Rzeczy Polsk. w Moskwie* за Dymitra,

- также *Bankiet Hospodara Moskiew.*, Нѣмцев. *Dzicie Panow. Zygmunta III*, T. II, 578.
- (402) См. современную рукопис. *Повѣсть о Б. Годуновѣ и Разстригѣ*, и Хронографы, также Ватлера *Gesch. des Russ. Reichs* 129.
- (403) См. Авр. Палицына 24, Морозов. Лѣт., Бера и Пётрся 318, и *Собран. Г. Грамотъ* II, 243.
- (404) См. Пётрся 370, Хронографы и *Legende 6* и 25.
- (405) См. *Сказаніе, еже содѣяся* и проч., также *Ростов.*, *Никон. Лѣт.*, Хронографы и Бера.
- (406) См. Маржерета 127, и Хронографы.
- (407) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Бера и Паерле.
- (408) См. Маржерета, 127.
- (409) См. Маржерета, *Legende 6*, *Никон. Лѣт.* 72, и Авр. Палицына 21. К. Александръ Ив. Шуйскій умеръ въ 1601 году.
- (410) См. Авр. Палицына 21, 23, *Legende*, стран. 25, Степен. Книгу Лашухина, Морозов. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 72, и *Сказаніе, еже содѣяся*.
- (411) См. Палицына 21, Ст. Ки. Лѣт. и Мороз. Л.
- (412) См. Палицына 22 и Хронографы.
- (413) Въ Гевъ. 1606: см. Бера, *Legende 7*, Пётрся 322, Маржерет. 128.
- (414) См. Авр. Палицына 23.
- (415) См. тамъ же.
- (416) См. *Legende 8*.
- (417) См. *Соб. Г. Гр.* II, 211, 221; также *Столтны* и Дѣла Пол. г. 1605, No. 26, и Нѣмцев. D. P. *Zygm.*, II, 532 — 534.
- (418) См. Д. Пол. No. 26, л. 251, 269, и No. 27, л. 99, 100.
- (419) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 218.
- (420) См. тамъ же, 223, 251, 249, 272. Александръ Рагоини былъ въ Москвѣ отъ Септ. до Ноября 1605. Лжедимириѣ писалъ къ Папѣ 30 Ноября, другое письмо въ Декабрь, и послалъ къ нему Іезуина Лавицкаго въ началѣ 1606 года; а Папа писалъ къ Ма-

рши 3 Дек. 1605 и въ Апрель 1606 (убѣждал ес-со-дѣйствоватьъ всѣми силами введенію Лапинской Вѣры въ Россіи) и еще двѣ грамоты къ Самозванцу 11 Февр. и 10 Апр. 1606 (см. Выписки Альбертспрадіевы изъ Вашиканской Библиотеки л. 659 — 670, и Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 554). Последняя грамота, вѣроятно, уже не дошла до Лжедимирия.

- (421) *Legende* 7.
 (422) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 266.
 (423) См. выше, послѣ 212 примѣчанія.
 (424) Въ Авг. 1605: см. *Собран. Г. Гр.* II, 213.
 (425) См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 221 и 224.
 (426) См. тамъ же, стран. 226.
 (427) Секретарю Лжедимирию, Яну Буинско-му, въ Генв. 1606 (см. тамъ же, стран. 259).
 (428) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra.
 (429) См. Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 534, Poselstwo Kn. Moskiew. Dymitra.
 (430) См. тамъ же, стран. 553.
 (431) См. тамъ же, стран. 559 — 554, въ сказаніи очевидца о Мариинскомъ обрученіи.
 (432) Пышутъ (см. Гревенбруха 32 и Плещек. 225), что сіи дары, вмѣстѣ съ присланными Миинску и ближнимъ его, стоили 200000 червоцевъ!!
 (433) См. Rzeczy Polskich za Dymitra etc. Сему сказанію очевидца слѣдовала я въ означеніи дней.
 (434) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 241.
 (435) См. Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza, I, 245. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263.
 (436) См. тамъ же, 227, 236, Rzeczy Polskich, и выше въ сей *Исторіи* около примѣч. 219.
 (437) См. Rzeczy Polskich и Dyaryuszy въ Нѣмцев. II, 556.
 (438) См. Морозов. Лѣт.
 (439) См. Маржерет. 128, 129.
 (440) См. Авр. Палицына 24 и Морозов. Лѣт.
 (441) См. Хронографы и *Повѣсть о Разстригѣ*.
 (442) См. Паерле.

- (443) См. *Соб. Г. Гр.* II, 261, и Маржерет. 129.
 (444) См. Бера и Пешрея 325.
 (445) См. Авр. Палицына 24.
 (445) См. Гревенбруха, *Legende* и Бера.
 (447) См. Бера, которъи самъ говорилъ проповѣдь въ Кремль 11 Мая.
 (448) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 300 и No. 27, л. 41, и Маржерет. 132. А. Палицынъ называется Лжецаревича Петра холопомъ Свияжскаго Головы Стрѣлецкаго, Григорья Елагина.
 (449) См. *Legende* 29.
 (450) См. *Никон. Лѣт.* 80.
 (451) См. *Соб. Г. Гр.* II, 263, и ниже, рѣчь Шуйскаго къ заговорщикамъ.
 (452) См. Бера.
 (453) См. выше, около примѣч. 246.
 (454) См. ниже, и Авр. Палицына 26.
 (455) См. Нѣмцев. II, 579, и Кельха 494.
 (456) См. А. Палицына 26, и Дѣла Крымск. сего времени въ Архивѣ Кол. И. Д.. Объ спорыи хотѣли мира.
 (457) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 303.
 (458) См. Бера, Пешрея, де-Ту, Нѣмцев. и Наруш.
 (459) Это было въ Великій постъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 297, Бера, *Никон.*, и *Мороз. Лѣт.*
 (460) См. Аврам. Палицына 25 и Маржерет. 130.
 (461) См. *Никон. Лѣт.* 73. Въ 1612 г. бывшаго Царя Симеона, названнаго въ Инокяхъ Стефаномъ, перевели въ Монастырь Кирилловъ Бѣлозерскій (см. *Лѣт. Соловец.*).
 (462) См. Маржерет. 130 и *Сказаніе, еже содѣяся*.
 (463) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 275, 277, 281, 282, 284, и Rzeczy Polskich etc. Власевъ, ждавъ Миинска въ Слонимъ, пріѣхалъ къ нему въ Самборъ.
 (464) См. Нѣмцев. II, 556, въ описаніи Мариинна путешествія, и Rzeczy etc., См. также Бера.
 (465) См. описаніе Мариинна путешествія.
 (466) См. Rzeczy etc., 26 Апрелья.

- (467) Тамъ же. — Ао. Власевъ уѣхалъ напередъ въ Москву изъ Смоленска, и выѣхавъ опять на встрѣчу къ Маринѣ близъ Вязмы, вручилъ ей опятъ жениха алмазную корону, драгоценную повязку на шляпу и проч.
- (468) См. Журналъ М. путешествія. Рѣчь Самозванца см. въ Паерле. См. также Rzeczy Polskich etc.
- (469) См. тамъ же.
- (470) Тарелокъ обыкновенно не подавали.
- (471) См. Rzeczy Polskich.
- (472) См. въ наказъ Яну Буцискому. (*Собр. Г. Гр. II, 229*).
- (473) См. тамъ же, 268. Вся супруги Великихъ Князей были Греческой Вѣры — и дочь Виновнова. — Мариня, какъ увидимъ, исполнила требованія Лжедимитріевы.
- (474) См. *Сказаніе, еяе содѣлалъ*.
- (475) См. Бера, Пешрея 328, *Legende 9*, Маржерен. 134, Гревенбруха, де-Ту, и Rzeczy Polskich.
- (476) Безъ возницы: каждую лошадь велъ богато одѣтый конохъ. См. описаніе Маринина путешествія. (*Нѣмцев. II, 562*).
- (477) См. Бера и Пешрея; также выше въ семь Томъ, около примѣч. 360.
- (478) См. описаніе Мар. путешествія, въ *Нѣмцев. II, 564*.
- (479) См. *Legende 9*.
- (480) Беръ пишетъ, что сей домъ Годупова находился въ Кремлѣ близъ дворца и Патриаршаго дома.
- (481) См. Авр. Палицына и *Сказаніе, еяе содѣлалъ*.
- (482) См. Бера и Пешрея.
- (483) Они въѣхали въ столицу за часъ до Маринина въѣзда (см. Rzeczy Polskich).
- (484) См. *Никол. Лѣт. 73*.
- (485) См. Журналъ Пословъ Сигизмундовыхъ.
- (486) См. *Никол. Лѣт. 73*.
- (487) См. *Legende 10*.
- (488) См. Rzeczy Polskich etc. и *Нѣмцев. II, 565*, гдѣ сказано, что Маринѣ не дозволили слушать Ла-

тинскую Обѣдину и въ день Пятидесятницы (по Новому Календарю Пасха была въ сей годъ 26 Марта Нов. Стиля).

(489) *Legende 28*.

(490) См. Rzeczy Polskich etc.

(491) См. Журналъ Пословъ Сигизмундовыхъ.

(492) См. Rzeczy Polsk. и де-Ту 74.

(493) Написано, вѣроятно ошибкою, 500,000 рублей: см. Rzeczy Polsk. Лжедимитрій подарилъ еще шестю богатыя саши и прекрасную лошадь, которая, взявъ его во дворецъ, упала, въ предзнаменованіе бѣдствія, какъ пишутъ.

(494) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 112.

(495) См. *Собран. Г. Грамотъ, II, 334*.

(496) См. Нарушев. *Hist. I. K. Chodk. I, 247*, и Rzeczy Polsk.

(497) См. *Собран. Г. Гр. II, 289* и слѣд., Rzeczy Polsk. и Dyaryuszъ Пословъ Липовскихъ, гдѣ сказано, что Лжедимитрій совѣтовался съ Болрами, какое вѣпо назначить Царицѣ въ случаѣ его смерти, и положила, съ ихъ одобренія, дать ей Новгородъ и Псковъ; сказано также, что знаптившіе изъ сановниковъ присягнули Маринѣ еще до ея въѣзанія.

(498) Сей золотой провъ, украшенный, какъ называютъ, пылеячани камней драгоценныхъ, былъ присланъ Шахомъ Царю Юанну: см. Пешрея 339.

(499) Въ Журн. Липов. Пословъ сказано, что Россіане въ печеніе двухъ дисей присягали Маринѣ. Вассенбергъ пишетъ, что въ храмъ Успенія были съ пею Духовныхъ ея Савицкій и другой Іезуитъ Черпикъ (или Черпиковскій), который говорилъ ей привѣтственную рѣчь на языкѣ Латинскомъ (см. *Нѣмцев. II, 280*).

(500) См. *The Rus. Impostor 99* и Пешрея 339.

(501) См. *Собран. Г. Грамотъ, II, 293*. За столомъ сидѣли только до третьей пѣтвы.

(502) Однимъ изъ главныхъ упрековъ Лжедимитрію былъ поговѣ, что опятъ, не крестивъ Марини, въи-

часть ее Царскимъ въищемъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(503) См. тамъ же, стран. 298.

(504) См. *Журналъ или Dyaryusz Литов. Пословъ*.

(505) См. *Rzeczy Polsk.*

(506) См. *Журналъ Литов. Пословъ*.

(507) См. Бера, Пётрея, *Журналъ Литов. Пословъ* и *Rzeczy Polsk.*

(508) См. *Legende* 13.

(509) См. *Собран. Г. Гр.* II, 293, *Журн. Лит.* Пословъ и *R. Polsk.*

(510) То есть, жена Князя Дмипрія.

(511) См. *Rzeczy Polsk.* и *Нѣмцев.* II, 576.

(512) См. описаніе Царскаго пира въ Нѣмцев. II, 576.

(513) См. тамъ же.

(514) См. *Журн. Лит.* Пословъ и *Rzeczy Polskich.*

(515) О привѣпливости Марины, въ день ея въѣзда въ Москву, сказано въ *Legende* 9.

(516) См. *Гревенбруха* 38.

(517) См. *Сказаніе, еже содѣяся*.

(518) См. *Журналъ Литов. Пословъ*.

(519) См. *Сказаніе, еже содѣяся, Журналъ Литов. Пословъ* и *Гревенбруха* 38.

(520) См. выше, около примѣч. 458.

(521) См. выше, около примѣч. 491, *Гревенбруха* 37 и *The Rus. Impostor* 105.

(522) См. Бера, Пётрея 340 и *Сказаніе, еже содѣяся*. Нарушевичъ (въ *Histor. J. K. Chodkiew. I, 247*) говоритъ: »Поляки, упоминая во зло благосклонность къ нимъ Царя, сдѣлались надменными, алчными корысполюбцами, грабителями, распутными; презирали Россіянъ и Вѣру ихъ.« Кобѣржичскій (стран. 67) приписываетъ своимъ единоземцамъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, *libidinem, insolentiam, cupiditatem, avaritiam*; то же говоритъ и Пясецкій.

(523) См. *Гревенбруха* 49.

(524) См. Бера, Пётрея 332, *Сказаніе, еже содѣяся* и *Степен. Ки. Латухина*.

(525) См. Бера, де-Ту СХХХV, 77, *The Russ. Impostor* 101, *Гревенбруха* 59 и Пясецк. *Chron.*

(526) Пётрей 333: »Въ церковь за нимъ ходятъ «Ляхи съ собаками.» См. также *Хронографы*.

(527) См. Бера, *Собран. Г. Грамотъ*, II, 309, и *Сказаніе, еже содѣяся*.

(528) 20,000, по сказанію Пясецкаго.

(529) См. Бера и Пётрея 341.

(530) См. А. Палицына 27, *Собран. Г. Гр.* II, 309, *Журн. Литов. Пословъ*, и *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригъ*.

(531) См. *Rzeczy Polsk.* и *Журн. Лит.* Пословъ; также *Маржер.* 136.

(532) См. Бера и *Rzeczy Polskich.*

(533) См. *Legende* 15.

(534) См. *Rzeczy Polskich.*

(535) См. *Журн. Пословъ Литов.* и *Rzeczy Polskich.*

(536) См. *Сказаніе, еже содѣяся*.

(537) Беръ говоритъ: »въ 3 часу утра « — *Маржеретъ*: »въ 6 часовъ « — *Legende*: »въ 7 часовъ « — въ *Сказаніи, еже содѣяся*: »свѣтающе утру и восходящу солнцу: « слѣдственно въ 38 минутъ 4 часу.

(538) См. *Legende* 16 и *Сказаніе*.

(539) См. Бера, Пётрея 342, *Legende* 17, *Паерле* и *Rzeczy Polskich.* Слѣдуемъ Беру въ описаніи главныхъ обстоятельство.

(540) См. Бера и Пётрея.

(541) См. *Legende*. *Маржеретъ* былъ нездоровъ, какъ онъ сказывалъ *Исторнику де-Ту*. О слугахъ и музыкантахъ см. въ *Журналъ Пословъ Литовскихъ*.

(542) См. Бера, Пётрея 344, и *Журналъ Пословъ*.

(543) Беръ сказывалъ, что *Лжедмитрій* вышелъ было къ мятежникамъ съ палашемъ (или Турецкою саблею, какъ пишутъ другіе), но видя ихъ множество, ушелъ назадъ; что они вырубали нѣсколько досокъ въ стѣнѣ; что тѣлохранители говорили:

мы всѣ вмѣстѣ могли бы спасти Царя, если бы имѣли оружіе не только для красоты и вида; что Самозванецъ, не останавливаясь, пробѣжалъ мимо компаншъ Марининыхъ (или, какъ говорить Паерле, давъ жепѣ совѣсть укрыться) въ каменный дворецъ, откуда выпрыгнувъ въ окно. Паерле сказываесть, что шумъ во время свадьбы были сдѣланы подмошки, съ которыхъ упалъ Разсприга. Въ *Legende*: » Димитрій спалъ пропивъ парода, хопѣлъ драгаться, засучилъ рукава своей рубашки, требовалъ меча, обыкновенно передъ нимъ носимаго; но хранишель сего меча или шесака скрылся.»

(544) См. Журналъ Пословъ Литовскихъ.

(545) См. Бера, Пепрея, Паерле, Журналъ Пословъ Литовскихъ и Степени. Кп. Лапухина. — Дѣла Польск. Но. 26, л. 187 на об.: » Его злодѣя (Разспригу) облича взяли изъ хоромъ, убили, и была въ шѣ поры при немъ въ хоромѣхъ, и то видѣла, какъ его убили, дочь Воеводина « (Марина). Такъ говорилъ Папамъ Сигизмудовымъ нашъ Посланникъ, К. Волконскій, въ Авг. 1606 года.

(546) См. Дѣла Польск. Но. 26, л. 5 и 83.

(547) Тамъ же, л. 5.

(548) См. Бера.

(549) См. Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(550) См. Бера.

(551) См. тамъ же, Дѣла Польскія Но. 26, л. 83, и грамоту Воляръ (см. *Собран. Т. Г. II*, 300).

(552) См. *Сказаніе, еже содѣяся*.

(553) См. Бера, *Legende*, Журналъ Литов. Пословъ и Пепрея.

(554) См. *Rzeczy Polskich*.

(555) См. *Legende*. — Убитый Іезуитъ, именемъ Помасскій, былъ Самборскимъ Наспояшелемъ и Королевскимъ Секретаремъ: см. *Litterae Annuae S. I. an. 1606*, стран. 721 и слѣд., гдѣ сказано: » Въ домъ дапномъ намъ по милоспи Димитрія, съ шѣмъ, чтобы учредить въ ономъ Коллегію Общества,

» Россіяне выломилн двери . . . Наши братья ушли въ домъ къ Польскимъ купцамъ, « и проч. Далѣ см. *Rzecz. Polsk.*, Журналъ Литов. Пословъ, и Бера.

(556) См. Бера.

(557) См. *Rzeczy Polskich*.

(558) Тамъ же: Вишневецкій жилъ въ домъ Болрипа Степана Александровича Волошскаго, Господаревича Молдавскаго.

(559) См. Журналъ Пословъ Литов.

(560) См. *Rzecz. Polsk.*

(561) См. Бера и *Сказаніе, еже содѣяся*.

(562) См. Бера, который говоритъ, что Ляховъ убито 2,135. Маржерепъ: *comme Pon tient, 1,705 Polonois massacrez*. Въ *Rzecz. Polsk.*: » нашихъ убито, по достовѣрному ичисленію труповъ, до 500 челоувѣкъ « (въ Журналъ Пословъ Литов.: *до тысяци челоувѣкъ*) . а Русскихъ вдвое. « — Далѣ см. Журналъ Пословъ.

(563) См. *Legende* 21 - 23.

(564) См. тамъ же, стран. 23.

(565) См. Авр. Палицына и Морозов. Лѣт.

(566) См. *Legende* 23.

(567) См. Маржерета 147.

(568) См. Шпраленберга *Nord. und Ostl. Theil von Europa und Asia, 200 - 202*, и *Baruera Gesch. des Russ. Reichs* 154.

(569) См. де-Ту, СХХХV, 79, и *The Russ. Impostor* 116.

(570) См. *Никон. Лѣт.* 75, Аврам. Палицына и *Повѣсть о бывшихъ бѣдствіяхъ*, писан. на стояцѣ для Патріарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленную, вѣрояшно, его рукою. Далѣ см. Бера, и Журналъ Пословъ Литов.

(571) Лжепатріархъ Игнатій не смѣлъ показаться, знал, какал участь ожидала его.

(572) См. Бера. Тѣло Басманова опдалн К. Ив. Голицыну, его сводному брату. См. еще *Никон. Лѣт.* 75.

- (573) См. Бера и Маржерет. 138.
- (574) См. Бера и Степен. Ки. Лапухина.
- (575) См. Журналь Липов. Пословъ и Паерле.
- (576) Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ обшпелльнѣйшей повѣсти Жмудскаго Дворянина Товяпскаго о мнимомъ Димитріи. Сія рукопись хранилась въ библиотекѣ Залускихъ (см. Нѣмцев. Dz. Rapow. Zugm. III, T. II, 233) и напечатана въ *Жизнеописани Яна Петра Сапъги* (Zycie J. P. Sapichy) издан. въ 1791 году, въ Варшавѣ. — Разстригу признавали сыномъ Иоанновымъ: Маржеретъ, Гребенбрухъ, Паерле, неизвѣстный сочинитель повѣсти о Димитріи: *narratio succincta de adversa et prospera fortuna Demetrii* (см. Вихман. Sammlung, 1, 401) и нѣкоторые изъ Ляховъ; но достовѣрнѣйшіе Польскіе Историки: Пясецкій, Лубыньскій, Кобържницкій, (кромя одного Вассенберга) или сомнѣвались или рѣшительно называли Разстригу обманщикомъ (см. Миллер. Sammlung R. G. V. 186). Знаменитый Замоискій называлъ явленіе мнимаго Димитрія *Терещевою Коледею*: Жолкъвскій въ своихъ Комменсаріяхъ также пишетъ о Самозванцѣ съ презрѣніемъ (см. Нѣмцев. Dz. P. Z. III, T. 11, Стран. 500). Не говоримъ о мнѣніи повѣйшихъ Писателей, Треера, такъ называемаго *Нестесурагол* (или Гуйсеа) и проч.
- (577) Вассенбергъ въ Дѣяніяхъ Владислава IV (*Gesta Vladislai IV*, стран. 14) пишетъ, что мнимый Димитрій семь лѣтъ учился въ Іезуитской школѣ, и совершенно узнавъ Латинскій языкъ, вступилъ въ службу Адама Вишневецкаго (см. Нѣмцев. II, 239).
- (578) См. выше, примѣч. 207.
- (579) См. Лѣт. Никои., Морозовъ и другія.
- (580) См. *Narratio succincta* и проч. Тамъ сказано, что Августинъ, подставивъ на мѣсто Димитріево сына какой-то знатной женщины Estomen, ушелъ съ Царевичемъ въ монастырь къ Бѣлому морю, гдѣ и кончилъ дни свои Инокомъ.
- (581) См. Гребенбруха. Такъ говорилъ и Самозва-

- нецъ: см. выше въ семь Томъ, около примѣч. 207, и Никои. Лѣт. VIII. 58.
- (582) См. Собран. Г. Г. Т. II.
- (583) См. тамъ же и въ Хронографяхъ.
- (584) См. выше, около примѣч. 383.
- (585) Тацит. *Histor.* кн. IV, ошдѣл. 13.
- (586) См. выше, около примѣч. 409.
- (587) Петрей, 373. См. также о семь важномъ случаѣ въ *Нарушен. Histor. J. K. Chodkiew. I, 245.*
- (588) Такъ говорили нашимъ Боярамъ Послы Сигизмундовы: см. ихъ Ошвѣпы въ Архивѣ Кол. И. Д. и Dyaryusz или Журналь.
- (589) См. Бера: «Однажды убѣждалъ я Басманова сказать мнѣ, дѣйствительно ли всемилостивѣйшій Государь нашъ имѣетъ право на корону? Басмановъ, въ присутствіи одного купца Нѣмецкаго, отвѣщивовалъ мнѣ съ полною довѣренностію слѣдующее: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата: молитесь о счастіи его вливаетъ со мною; хотя онъ и не истинный Димитрій, однакожь истинный Государь нашъ, ибо мы ему присягали, и не можемъ найти Царя лугаго.*» См. также Петрея 374.
- (590) Петрей именуеетъ сего Аптекаря, равно какъ и Ливондскую Дворянку (стран. 373).
- (591) См. Петрея, стран. 370.
- (592) Беръ: «Многіе знатные Поляки увѣрили, что онъ (Лжедимитрій) былъ побочный сынъ Короля ихъ, Стефана Баторія. Явъ П. П. Сапъга, однажды (въ 1609 году) за столомъ перевозноя Римскую храбрость Поляковъ, сказалъ: *Мы дали Русскимъ Царя бродягу, который именовался сыномъ Иоанновымъ, ни слѣхъ людскимъ; теперь вторично даемъ имъ мнимаго Димитрія въ Государя, завоевали для него уже половину земли ихъ, завоеваемъ и другую: пусть лопнутъ съ досады, но едятъ намъ, чего хотимъ. Я слышалъ это своими ушами.*» См. и Маржерет. 158.
- (593) См. выше, прим. 213.

- (594) См. Маржерета 163.
 (595) См. въ Собр. Г. Гр. II, 162, 228, 229.
 (596) См. Маржерета 168.
 (597) См. Пясецкаго 266—286.
 (598) См. Маржерета 155.
 (599) См. выше, прим. 201.
 (600) См. выше, прим. 229.
 (601) Дядя Лжедимитрія, Смирной Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова-Богдана Отрепьева, шалуя не исправленный Монашествомъ; что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для война, и по совѣту злыхъ людей, особливо какого-то Ипока, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже по смерти Разстриги (см. Петрея 371).

Конецъ Примѣчаній XI Тома.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Х I Т О М А .

Г Л А В А I.

Ц А Р С Т В О В А Н І Е Б О Р И С А .

Спран.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣлательность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Папиріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла вѣдшей Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксенія. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіяны въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Папиріарху. Законы о крещеніяхъ. Питейные дома. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій. 1.

Г Л А В А II.

Блестящее влѣдствіе Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Голсіня. Голодь.
 Томъ X. 3

Новыя зданія въ Кремль. Разбой. Порочныя нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и паружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мишскомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Выпязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оспариваютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова . 100.

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ТЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

Присяга Теодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Прислга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпленіе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитяицъ. Сведеніе Теодора съ престоломъ. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Папиріарха и Годуновыхъ. Цареубійство 202.

ГЛАВА IV.

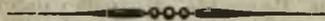
ЦАРСТВОВАНІЕ ЛЖЕДИМИТРІЯ.

Первое оскорбленіе Боярѣ. Указы Лжедимитріевъ. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вспу-

паніе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ перенесены въ Москву. Благодаренія. Преобразование Думы. Любовь Самозванца къ Генрику IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе поваго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Иокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Облеченія. Шуйскій. Нѣмцы пѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за певъстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрію платитъ долги Мишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельць. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Спирьльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Тапищева. Путешествіе Воеводы Седомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мишкова. Условія. Опала двухъ Священителей. Въездъ Марины въ столицу. Неодовольствіе Москвитяицъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ леждованію. Пиръ. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственныхныя. Замышляемыя погѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Последняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвитяицъ. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы-Иокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре упишуютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи.

Сирая.

Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.
Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозланцева
праха. Доказательство, что Лжедимишрій
былъ дѣйствительно обманщикъ 228.

ИЗДАНИЕ

СО РА Н

